

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
10 ноября 2021 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3 (2021)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. При квалификации действий лица по признаку совершения разбоя «с применением оружия» необходимо с учетом положений Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием.

Согласно приговору осужденный Д., располагая сведениями о наличии у потерпевшего К. крупной суммы денег, предложил П. совершить нападение и убийство К. с целью завладения его денежными средствами. Осужденные составили план осуществления задуманного и распределили между собой роли, подготовили нож и веревку.

В ходе нападения осужденный Д. стал душить потерпевшего веревкой, а П. в это время нанес потерпевшему не менее семи ударов ножом в грудь и не менее одного удара неустановленным предметом по голове. В результате указанных действий потерпевший, которому был причинен тяжкий вред здоровью, скончался на месте происшествия.

По приговору Верховного Суда Республики Татарстан от 28 января 2004 г. действия Д. и П. квалифицированы в том числе по пп. «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, в целях завладения имуществом в крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2004 г. приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 14 апреля 2021 г., рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, изменил приговор и кассационное определение по следующим основаниям.

Исходя из разъяснений, изложенных в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», при квалификации действий виновного по признаку совершения разбоя «с применением оружия» судам следует с учетом положений Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при нападении предмет оружием.

Однако судом не установлено и в приговоре не приведено данных о том, что примененный виновными при разбойном нападении нож, с использованием которого потерпевшему К. был причинен тяжкий вред здоровью, является оружием.

Заключение эксперта по этому вопросу в материалах уголовного дела отсутствует.

Следовательно, в данном случае факт применения участниками разбойного нападения ножа для физического воздействия на потерпевшего является основанием для квалификации содеянного по признаку «с применением предмета, используемого в качестве оружия».

В силу изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, кассационное определение и постановил, что вместо осуждения по квалифицирующему признаку разбоя «с применением оружия» П. и Д. осуждены по пп. «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), в том числе по признаку «с применением предмета, используемого в качестве оружия».

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 209-П201Р*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

2. Отсутствие высшего юридического образования у адвоката, чей статус предполагает наличие такого образования как необходимого условия для занятия адвокатской деятельностью, является основанием для признания соглашения об оказании им юридической помощи недействительным.

К. обратилась в суд с иском к Е. о признании недействительным соглашения об оказании юридической помощи и применении последствий его недействительности.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 13 мая 2014 г. К. заключила с Е., адвокатом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (далее – адвокатская палата), соглашение об оказании юридической помощи на стадии предварительного следствия в отношении своего отца С., оплатив предусмотренные договором услуги адвоката.

На протяжении нескольких месяцев адвокат Е. принимала участие в следственных действиях в отношении С. при расследовании его уголовного дела. В ноябре 2014 года С. отказался от помощи Е., ссылаясь на то, что она действует не в его интересах, а также подал на нее жалобу в адвокатскую палату.

25 марта 2015 г. в связи с жалобой другого гражданина решением совета адвокатской палаты статус адвоката Е. прекращен за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатской этики.

В обоснование иска К. ссылалась на то, что Е. не имела высшего юридического образования, необходимого для оказания юридической помощи по уголовному делу, о чем К. не знала и не могла знать, иначе бы не заключила с ответчиком соглашение о юридической помощи.

Согласно имеющемуся в материалах дела письму вуза диплом о высшем юридическом образовании Е. не выдавался.

Принимая решение об отказе в удовлетворении иска, суд первой инстанции указал, что в период заключения между сторонами названного выше соглашения об оказании юридической помощи ответчик обладала статусом адвоката, то есть осуществляла адвокатскую деятельность на законных основаниях, ответчик все обязательства по соглашению исполняла, как адвокат представляла интересы С. при расследовании уголовного дела, возбужденного в отношении его. Также суд указал на то, что основанием для прекращения статуса адвоката у ответчика явилось не отсутствие у нее высшего юридического образования, а иные основания.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые апелляционное и кассационное определения вынесенными с существенным нарушением норм права, указав в том числе следующее.

В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» разъяснено, что, если стороне переговоров ее контрагентом представлена неполная или недостоверная информация либо контрагент умолчал об обстоятельствах, которые в силу характера договора

должны были быть доведены до ее сведения, и сторонами был заключен договор, эта сторона вправе потребовать признания сделки недействительной и возмещения вызванных такой недействительностью убытков (ст. 178 или 179 ГК РФ).

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном данным кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

В п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» установлено, что адвокатом является лицо, получившее в установленном данным федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

Согласно ст. 9 этого закона статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные данным федеральным законом (п. 1).

Таким образом, наличие высшего юридического образования является необходимым и существенным условием адвокатской деятельности, а, следовательно, наличие статуса адвоката предполагает, что такое условие соблюдено, в то же время выявившееся заблуждение относительно этого условия является существенным по смыслу ст. 167 ГК РФ.

Исходя из установленных по делу обстоятельств вопрос о наличии или об отсутствии у ответчика высшего юридического образования, являющегося необходимым для оказания услуг защитника по уголовному делу, имел существенное значение для разрешения данного спора.

Между тем суд в нарушение положений ч. 2 ст. 56 ГПК РФ данное обстоятельство не определил в качестве имеющего значение для дела, что привело к неправильному разрешению спора.

Посчитав представленное истцом письмо вуза недостаточным для установления указанного выше обстоятельства, суд в нарушение положений ст. 12 и ч. 1 ст. 57 ГПК РФ не предложил истцу представить какие-либо доступные ему дополнительные доказательства и не оказал какого-либо

содействия в получении доказательств, подтверждающих образование ответчика, которые истцом самостоятельно не могли быть получены.

Названные нарушения судом апелляционной инстанции устранены не были.

Доводы судебных инстанций о злоупотреблении истцом правом в силу позднего обращения в суд нельзя признать правильными, поскольку судами не указаны обстоятельства, в силу которых истец должна была узнать об отсутствии у адвоката высшего юридического образования, если это имело место быть, ранее названного выше срока, а также не обоснован вывод о том, что обращение в суд в пределах установленного законом срока исковой давности можно признать злоупотреблением правом.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 5-КГ20-160-К2

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

3. Передача застройщиком участнику долевого строительства квартиры меньшей площади, чем это предусмотрено договором, свидетельствует о нарушении условия о предмете договора и является правовым основанием для соразмерного уменьшения цены договора.

С. обратилась в суд с иском к обществу (застройщику) о взыскании денежных средств в счет соразмерного уменьшения цены договора участия в долевом строительстве многоквартирного дома, неустойки за просрочку удовлетворения требования потребителя.

Судом по делу установлено, что между обществом и С. заключен договор участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома, по условиям которого застройщик обязался передать участнику объект долевого строительства – двухкомнатную квартиру общей приведенной проектной площадью 67,13 кв. м (с учетом понижающего коэффициента 0,5), общей проектной площадью без учета лоджий 65 кв. м.

По условиям договора стоимость квартиры (цена договора), уплаченная С., является окончательной и изменению не подлежит.

Согласно акту приема-передачи С. передана квартира, общая площадь которой без учета площади лоджии составила 63,8 кв. м, общая площадь с учетом площади лоджии с коэффициентом 0,5 – 68 кв. м. Согласно технической документации на квартиру общая площадь квартиры составляет 63,8 кв. м, площадь лоджии – 4,1 кв. м.

Ответчику направлена претензия о возврате части денежных средств в счет соразмерного уменьшения цены договора в связи с уменьшением общей проектной площади квартиры с 65 кв. м до 63,8 кв. м, которая в добровольном порядке удовлетворена не была.

Суд первой инстанции, принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований, руководствовался ст. 7 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об участии в долевом строительстве), Сводом правил СП 54.13330.2011 «СНиП 31-01-2003. Здания жилые многоквартирные» и исходил из того, что общество передало истцу объект долевого строительства, общая площадь которого превышает определенную договором участия в долевом строительстве.

По мнению суда, то обстоятельство, что площадь квартиры без учета площади лоджии меньше на 1,2 кв. м площади, определенной договором участия в долевом строительстве, не свидетельствует о наличии недостатка качества объекта участия в долевом строительстве в том смысле, который заложен законодателем в положениях ч. 2 ст. 7 Закона об участии в долевом строительстве, поскольку истцом не представлено доказательств того, что данное отступление от условий договора влечет нарушение обязательных требований технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иных обязательных требований.

При этом суд первой инстанции указал, что положениями заключенного сторонами договора однозначно определено, что цена договора (стоимость квартиры) является окончательной и изменению не подлежит.

Суд апелляционной инстанции, признавая правильным решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении иска, не согласился с выводом о соответствии переданной квартиры условиям договора, однако указал, что право требовать от застройщика соразмерного уменьшения цены влекут не любые недостатки объекта долевого строительства, а только те, которые приводят к ухудшению качества объекта, делают его непригодным для использования.

Отличие проектной площади от фактической, по мнению суда апелляционной инстанции, не является качественной характеристикой объекта, влияющей на степень пригодности товара для использования по назначению, поскольку договором может быть предусмотрено иное. Поскольку изменение площади квартиры составило менее 5 % от общей площади, суд апелляционной инстанции пришел к выводу об отсутствии существенных изменений проектной документации и оснований для

взыскания с застройщика денежных средств в счет соразмерного уменьшения цены договора.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные постановления незаконными в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 5 Закона об участии в долевом строительстве в договоре указывается цена договора, то есть размер денежных средств, подлежащих уплате участником долевого строительства для строительства (создания) объекта долевого строительства. Цена договора может быть определена как произведение цены единицы общей площади жилого помещения или площади нежилого помещения, являющихся объектом долевого строительства, и соответствующей общей площади или площади объекта долевого строительства. В случае, если частью жилого помещения, являющегося объектом долевого строительства, являются лоджия, веранда, балкон, терраса, цена договора может быть определена как произведение цены единицы общей приведенной площади такого жилого помещения и общей приведенной площади такого жилого помещения. Общая приведенная площадь жилого помещения состоит из суммы общей площади жилого помещения и площади лоджии, веранды, балкона, террасы с понижающими коэффициентами, установленными федеральным органом исполнительной власти, указанным в ч. 1 ст. 23 данного закона.

По соглашению сторон цена договора может быть изменена после его заключения, если договором предусмотрены возможности изменения цены, случаи и условия ее изменения (ч. 2 ст. 5 Закона об участии в долевом строительстве).

Из содержания приведенных норм права в их взаимосвязи следует, что стороны вправе предусмотреть в договоре как условие о твердой цене объекта договора – жилого помещения – с указанием его параметров и допустимых отступлений от них, так и условие о цене жилого помещения, определенной исходя из цены единицы общей площади жилого помещения, с учетом возможного изменения этой площади при определенных условиях.

В силу ч. 1 ст. 7 Закона об участии в долевом строительстве застройщик обязан передать участнику долевого строительства объект долевого строительства, качество которого соответствует условиям договора, требованиям технических регламентов, проектной документации и градостроительных регламентов, а также иным обязательным требованиям.

В случае, если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 данной статьи обязательных требований, приведшими к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, которые делают его

непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика в том числе соразмерного уменьшения цены договора (п. 2 ч. 2 ст. 7 названного закона).

По смыслу указанной нормы отступление застройщика от условий договора (которое может выражаться в том числе в передаче участнику долевого строительства объекта меньшей площади, чем это предусмотрено договором) само по себе является основанием для соразмерного уменьшения цены договора. При этом по смыслу ст. 5 и 7 Закона об участии в долевом строительстве договором могут быть установлены лишь определенные пределы изменения (погрешности) размера площади объекта долевого строительства, которые не влекут за собой соразмерного изменения цены при передаче объекта участнику долевого строительства.

Дополнительное условие о непригодности объекта для предусмотренного договором использования, как это следует из приведенной нормы, относится к иным недостаткам объекта, а не к отступлениям от условий договора, что не было учтено судом.

Как следует из материалов дела, условиями договора долевого участия не согласован размер определенных отступлений передаваемого объекта долевого строительства от проектной площади как в части ее уменьшения, так и в части ее превышения.

При таких обстоятельствах участник долевого строительства не может быть лишен права требовать соразмерного уменьшения цены договора в случае уменьшения площади переданного помещения, в том числе и на 1,2 кв. м, что не было учтено судебными инстанциями.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что такое уменьшение не превышает 5 % от общей площади жилого помещения, не может быть принята во внимание, поскольку этот процент установлен Законом об участии в долевом строительстве не для определения допустимости уменьшения размера передаваемого объекта без соразмерного уменьшения цены, а в качестве основания для одностороннего расторжения договора долевого участия участником долевого строительства.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 48-КГ20-21-К7

4. Если договор долевого участия в строительстве предусматривал оплату цены договора участником долевого строительства за счет кредитных средств, то в случае невозвращения застройщиком денежных средств по расторгнутому договору долевого участия он обязан

возместить участнику долевого строительства убытки в размере процентов, уплаченных по договору кредита, за период неправомерного удержания денежных средств.

В соответствии со ст. 333 ГК РФ уменьшение неустойки, подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается только в исключительных случаях, если им будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды.

С. обратился в суд с иском к обществу (застройщику) о взыскании процентов за пользование денежными средствами, штрафа, судебных расходов, возмещении убытков, указав, что между ними были заключены два договора участия в долевом строительстве жилого многоквартирного дома, впоследствии расторгнутые вступившими в законную силу решениями суда. Поскольку ответчиком длительное время не возвращались уплаченные истцом денежные средства, С. просил суд взыскать в его пользу проценты за пользование денежными средствами по договорам участия в долевом строительстве и штраф.

Истец также указывал, что для выполнения своих обязательств по данным договорам заключил с банком договор ипотечного кредитования, за пользование кредитом выплачивал банку проценты, которые, по мнению истца, являются убытками, понесенными им по вине ответчика. Кроме того, для получения ипотечного кредита с более низкой процентной ставкой истец заключил договор страхования жизни и здоровья, размер уплаченных страховых премий по которому С. также относил к убыткам, возместить которые обязан ответчик.

Суд первой инстанции, принимая решение об удовлетворении исковых требований С. в части взыскания процентов за несвоевременное возвращение дольщику денежных средств по расторгнутым договорам долевого участия в строительстве, исходил из допущенного ответчиком нарушения платежной дисциплины, влекущего ответственность, предусмотренную ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве. При этом суд с учетом заявленного ответчиком ходатайства пришел к выводу о наличии оснований для применения положений ст. 333 ГК РФ при определении суммы процентов, подлежащих взысканию в пользу истца, приняв во внимание ранее взысканную по решению суда значительную сумму штрафа при расторжении договоров долевого участия, несоразмерность начисленной истцом неустойки последствиям нарушенных обязательств, необходимость установления баланса между применяемой ответственностью и оценкой действительного, а не возможного ущерба.

Отказывая в удовлетворении исковых требований в части взыскания убытков в виде уплаченных истцом процентов по договору ипотечного кредитования и страховых премий по договору личного страхования, суд исходил из того, что выплаты, произведенные С. банку по кредитному договору за счет собственных средств в виде процентов за пользование кредитом, направлены на исполнение условий кредитного договора, заключенного истцом на свой риск и в своем интересе, в связи с чем они не могут рассматриваться в качестве убытков, возмещение которых необходимо для восстановления его нарушенного права, либо как утрата имущества, находящаяся в причинной связи с неисполнением застройщиком своих обязательств.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, признавая состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с существенными нарушениями норм права, руководствовалась, в частности, положениями ст. 15, 309, 393, 397 ГК РФ, разъяснениями, содержащимися в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», и исходила из следующего.

В соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве застройщик в случае расторжения договора по основаниям, предусмотренным ч. 1 данной статьи, в течение двадцати рабочих дней со дня расторжения договора обязан возвратить участнику долевого строительства денежные средства, уплаченные им в счет цены договора.

В ст. 10 этого же закона предусмотрено, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору сторона, не исполнившая своих обязательств или ненадлежаще исполнившая свои обязательства, обязана уплатить другой стороне предусмотренные этим законом и указанным договором неустойки (штрафы, пени) и возместить в полном объеме причиненные убытки сверх неустойки.

При разрешении спора суд установил, что истец с целью финансирования создания объекта долевого строительства (квартиры) по договору участия в долевом строительстве заключил с банком договор ипотечного кредитования на сумму, которая составила 58 % от стоимости договора участия в долевом строительстве. За пользование ипотечным кредитом истец выплатил банку проценты.

Отказывая в иске в части требований о возмещении убытков, суд в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ не дал оценки доводам С.

о взаимосвязи договора участия в долевом строительстве и договора ипотечного кредитования, заключенных в один день, не проверил утверждение о том, что согласно условиям договора участия в долевом строительстве заключение договора ипотечного кредитования являлось обязанностью истца перед ответчиком, сам договор ипотечного кредитования полностью предназначен для финансирования объекта долевого строительства и содержит ссылку на договор участия в долевом строительстве.

При заключении договора участия в долевом строительстве общество знало и согласилось с тем, что обязанность дольщика по уплате цены договора исполняется с частичным использованием кредитных денежных средств с уплатой процентов за их пользование, что составило 58 % от стоимости договора. С. данную обязанность исполнил, в отличие от общества, которое не передало истцу квартиру соответствующего качества, что привело к принятию С. решения об отказе от договора.

Общество не возвратило своевременно истцу денежные средства, уплаченные в счет цены договора участия в долевом строительстве, что привело к возникновению у С. дополнительных убытков в виде процентов по договору ипотечного кредитования за период неправомерного удержания денежных средств, исчисляющийся с момента возникновения у общества обязанности вернуть истцу деньги и до момента ее фактического исполнения.

При таких обстоятельствах суду надлежало дать оценку доводам истца о том, что обязанность по возмещению возникших у него в связи с исполнением договора ипотечного кредитования убытков в период неправомерного удержания ответчиком денежных средств следует возложить на ответчика, то есть на сторону, действия которой (несвоевременный возврат денежных средств, которые могли быть направлены на погашение кредита) способствовали их возникновению.

Кроме того, Судебная коллегия указала на то, что судом не приведено обоснования решения, подкрепленного доказательствами, о снижении взысканных в пользу истца процентов за пользование денежными средствами, содержится лишь формальное указание на несоразмерность последствиям нарушения обязательства и право суда снизить размер взыскиваемых денежных средств. Заявляя о применении положений ст. 333 ГК РФ к данным требованиям истца, ответчик не представил доказательств исключительности случая и несоразмерности взыскиваемых денежных средств последствиям нарушения обязательства, на что ссылался истец в своих возражениях относительно заявленного ходатайства, суд их также не установил, не исследовал в судебном заседании.

В обоснование исковых требований С. указывал, что размер взыскиваемых процентов за пользование денежными средствами составляет 5,6 % от цены договора.

Суду надлежало также проверить доводы истца о том, что денежные средства, уплаченные им по договору страхования жизни, относятся к его убыткам, поскольку заключение этого договора было обусловлено необходимостью исполнения обязательств по оплате объекта долевого строительства. Результаты исследования судом данного договора не приведены в решении суда, оно не содержит выводов относительно срока действия договора страхования жизни, его взаимосвязи с другими заключенными истцом договорами.

При этом необходимо было дать оценку соотношению взысканных в пользу истца штрафных санкций и размера убытков, подлежащих возмещению, в соответствии с требованиями ст. 394 ГК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации судебные постановления первой, апелляционной и кассационной инстанций отменила, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 1-КГ20-12-К3

5. Залогодатель вправе заявить о применении исковой давности к требованиям об обращении взыскания на заложенное имущество со ссылкой на пропуск кредитором-залогодержателем срока исковой давности по требованию, в обеспечение которого заключен договор залога.

Банк 14 ноября 2018 г. обратился в суд с иском к В. о расторжении кредитного договора, взыскании задолженности и об обращении взыскания на заложенное имущество (транспортное средство), указав на то, что в нарушение условий кредитного договора ответчик не исполнил принятые на себя обязательства, в связи с чем у него образовалась задолженность.

Определением суда к участию в деле в качестве соответчиков привлечены Т. и К. (собственник транспортного средства).

Банк, уточнив исковые требования, просил расторгнуть кредитный договор, заключенный с В., взыскать с заемщика В. задолженность по кредитному договору, расходы на уплату государственной пошлины, обратить взыскание на принадлежащее К. заложенное транспортное средство, определив его начальную продажную стоимость.

Возражая против иска, К. просил применить исковую давность.

Судом по делу установлено, что 1 сентября 2011 г. между банком и В. заключен кредитный договор сроком пользования кредитом по 1 сентября 2015 г., исполнение обязательств заемщика по данному договору обеспечено

залогом имущества (приобретаемого транспортного средства), условия которого определены сторонами в договоре залога от 1 сентября 2011 г., заключенном между банком и В.

Право требования задолженности по заключенному с В. кредитному договору от 1 сентября 2011 г. от банка неоднократно переуступалось по договорам уступки права требования (цессии) от 31 декабря 2013 г. и от 30 апреля 2014 г.

13 апреля 2015 г. наименование истца изменилось.

Сведения в отношении залога спорного транспортного средства были внесены в реестр залогов 31 января 2015 г., что подтверждено уведомлением о возникновении залога движимого имущества.

12 сентября 2017 г. банком заемщику направлено требование о расторжении кредитного договора и возврате потребительского кредита, выданного физическому лицу, не обеспеченного ипотекой, согласно которому банк потребовал возврата суммы кредита, начисленных, но не уплаченных процентов за пользование кредитом и суммы неустойки в срок не позднее 30 календарных дней с даты направления данного требования.

Согласно сведениям о государственной регистрации транспортного средства 6 сентября 2011 г. указанное выше транспортное средство перерегистрировано на Т., а 11 августа 2016 г. – на К.

Заемщиком В. обязательства по кредитному договору не исполнены, что явилось поводом для обращения в суд с иском.

Суд первой инстанции, разрешая требование банка об обращении взыскания на заложенное имущество, исходил из того, что к спорным правоотношениям применяются нормы ГК РФ в редакции, действовавшей на момент возникновения обязательств из кредитного договора, то есть до 1 июля 2014 г., согласно которым не предусмотрено каких-либо исключений, позволяющих освободить лицо, приобретшее заложенное имущество, от перешедших к нему обязанностей залогодателя на основании того, что при заключении договора купли-продажи оно не знало о наложенных на него обременениях.

Отклоняя ходатайство К. о применении срока исковой давности, суд первой инстанции указал, что срок исковой давности по заявленным требованиям, в том числе и по требованию об обращении взыскания на заложенное имущество, подлежит исчислению по истечении тридцатидневного срока с момента направления банком требования В. о досрочном возврате суммы кредита.

При этом суд применил положения п. 2 ст. 200 ГК РФ и исходил из того, что в соответствии с условиями кредитного договора он действует до полного исполнения сторонами своих обязательств.

Суд апелляционной инстанции, проверяя решение суда первой инстанции по доводам апелляционной жалобы К., с выводами суда первой

инстанции в части наличия правовых оснований для обращения взыскания на заложенное транспортное средство согласился.

Применяя к спорным правоотношениям нормы ГК РФ в редакции, действовавшей после 1 июля 2014 г., суд апелляционной инстанции исходил из того, что правовые основания для признания К. добросовестным приобретателем и прекращения залога отсутствуют, поскольку указанный ответчик приобрел транспортное средство в период нахождения сведений о нем как о предмете залога в Реестре уведомлений о залоге движимого имущества Федеральной нотариальной палаты.

Суд апелляционной инстанции также согласился с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для применения исковой давности по требованию об обращении взыскания на заложенное имущество, указав, что заемщик о пропуске срока исковой давности не заявлял, а заявление К. не распространяется на требование банка о взыскании задолженности по кредитному договору.

Кассационный суд общей юрисдикции с выводами суда апелляционной инстанции согласился.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что при рассмотрении дела судами допущены существенные нарушения норм права, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со ст. 200 данного кодекса.

В силу п. 1 ст. 200 названного кодекса, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

В п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» разъяснено, что по смыслу п. 1 ст. 200 ГК РФ срок давности по искам о просроченных повременных платежах (проценты за пользование заемными средствами, арендная плата и т.п.) исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу.

В соответствии со ст. 207 ГК РФ и разъяснениями по ее применению, содержащимся в п. 26 указанного выше постановления Пленума, с истечением срока исковой давности по главному требованию истекает срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство, требование о возмещении неполученных доходов при истечении срока исковой давности по требованию о возвращении неосновательного обогащения и т.п.), в том числе возникшим после начала течения срока исковой давности по главному требованию.

Из приведенных правовых норм в их взаимосвязи следует, что залогодатель вправе заявлять о применении исковой давности к требованиям кредитора об обращении взыскания на заложенное имущество со ссылкой на истечение срока исковой давности по главному требованию, в данном случае – по требованию о возврате долга, в обеспечение которого заложено данное имущество.

Истечение срока исковой давности в отношении требований об исполнении обязательства за счет заложенного имущества лишает кредитора-залогодержателя права на обращение взыскания на предмет залога, если залогодателем заявлено о применении исковой давности.

При этом вопреки выводам суда апелляционной инстанции применение исковой давности по требованию об обращении взыскания на заложенное имущество не поставлено законодателем в зависимость от наличия заявления должника о применении исковой давности по основному обязательству.

Судом установлено, что по условиям заключенного между банком и В. кредитного договора последний платеж производится заемщиком не позднее 1 сентября 2015 г.

С учетом этого вывод суда о том, что требование о возврате долга, заявленное банком 12 сентября 2017 г., является требованием о досрочном возврате кредита и изменяет срок исковой давности по уже просроченным платежам, Судебная коллегия признала неправомерным.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные постановления, вынесенные судами апелляционной и кассационной инстанций, и направила дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 67-КГ20-17-К8

Разрешение споров, связанных с защитой исключительных прав

6. Для разрешения судом вопроса об отнесении дизайна сайта, размещенного в сети «Интернет», к объектам авторского права необходимо установить, является ли выраженная в такой объективной форме информация (дизайн сайта) результатом творческого труда либо относится к решению технических, программных средств.

Общество обратилось в суд с иском к компании, Б. о защите исключительных прав на дизайн сайта.

В обоснование требований указано, что обществу принадлежат исключительные права на использование в том числе в сети «Интернет»

дизайна сайта с доменным именем kaliningrad.priem-metallolom.com (далее – сайт-1), который неправомерно используется в сети «Интернет» на сайте kaliningrad.metallolom-priem.com (далее – сайт-2) без согласия общества и без иного законного основания.

Ответчики Б. и компания являются соответственно владельцем домена сайта-2 и его разработчиком.

Полагая свои права нарушенными, общество просило суд запретить ответчикам осуществлять действия, нарушающие исключительные права истца на сайт-1; возложить на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и иных лиц обязанность прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование дизайна сайта-1 в сети «Интернет» на сайте-2 путем блокировки домена, а также всех его поддоменов; взыскать с ответчиков расходы по уплате государственной пошлины, расходы по оплате услуг представителя, почтовые расходы, расходы за нотариальные услуги.

Судом первой инстанции по заявлению истца приняты предварительные обеспечительные меры.

В судебном заседании представитель истца заявленные требования поддержал в полном объеме. Дополнительно пояснил суду, что нарушение исключительных прав истца выражается в неправомерном использовании ответчиком дизайна, то есть цветовой схемы, расположения элементов сайта-1. Указал, что дизайны обоих сайтов схожи до степени смешения.

Представитель Б. против удовлетворения заявленных требований возражал, полагал, что дизайны сайтов идентичными не являются.

Разрешая спор, суд первой инстанции пришел к выводу, что дизайны названных сайтов полностью идентичными не являются, несмотря на схожесть некоторых элементов. Графические элементы дизайнов сайтов различны: вставки рисунков на страницах сайта выполнены с наклоном в разные стороны, логотипы организаций очерчены элементами разных геометрических форм, на главной странице сайта ответчика имеется интерактивная карта, в то время как на сайте истца такая карта отсутствует; размещенные на сайтах тексты идентичными не являются, имеются и иные различия в дизайнах указанных сайтов. Соответственно, дизайн сайта-1 не используется на сайте-2, а истцом в порядке ст. 56 ГПК РФ доказательств использования принадлежащих заявителю исключительных прав ответчиком не представлено.

Суд счел, что не представляется возможным говорить и о нарушении прав истца на осуществленные им подбор и расположение материалов сайта (составительство), поскольку размещенные на сайте материалы (тексты, изображения) являются различными, в связи с чем спорные сайты представляют собой подбор различных материалов.

Суд оценил доводы заявителя о смешении элементов дизайнов сайтов до степени их схожести, указав, что они не могут быть приняты во внимание, так как понятие «смешение признаков» применимо к товарным знакам, то есть к средствам индивидуализации, правовое регулирование которых является отличным от регулирования прав на объекты авторских и смежных прав. В свою очередь, дизайн как самостоятельное произведение искусства подлежит защите лишь в случае доказанности незаконного использования именно этого объекта авторского права, что может иметь место при полной идентичности (совпадении) дизайнов.

Суд указал, что при выявленном совпадении лишь определенных элементов дизайнов возможно говорить о переработке произведения, что также является его использованием, осуществление которой без согласия правообладателя недопустимо. Между тем, как разъяснено в п. 95 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 10), для удовлетворения заявленных требований о нарушении исключительного права на произведение путем использования его переработки должно быть установлено, что одно произведение создано на основе другого. Создание похожего (например, в силу того что двумя авторами использовалась одна и та же исходная информация), но творчески самостоятельного произведения не является нарушением исключительного права автора более раннего произведения. В таком случае оба произведения являются самостоятельными объектами авторского права. Для установления того, является созданное произведение переработкой ранее созданного произведения или результатом самостоятельного творческого труда автора, может быть назначена экспертиза.

Поскольку суду достаточных доказательств того, что дизайн сайта-2 является переработанным дизайном сайта-1, а не творчески самостоятельным произведением, хоть и похожим на спорный объект, не представлено, истцом ходатайств о проведении по делу экспертизы не заявлялось, суд не нашел оснований для удовлетворения заявленных истцом требований.

С такими выводами суда согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обжалуемые судебные постановления вынесенными с нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Как разъяснено в п. 32 постановления Пленума № 10, в соответствии с положениями части четвертой ГК РФ термином «интеллектуальная собственность» охватываются только сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, но не права

на них (ст. 1225 ГК РФ). На результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальную собственность) в силу ст. 1226 ГК РФ признаются интеллектуальные права, которые включают в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права (право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование, право на отзыв, право на неприкосновенность исполнения) и иные права (например, право следования, право доступа, право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, право на защиту фонограммы от искажения при ее использовании, право на получение патента и др.). При этом личные неимущественные и иные права возникают и подлежат защите только в случаях, когда они специально поименованы и их охрана установлена положениями части четвертой ГК РФ о конкретном виде результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации.

Согласно п. 33 постановления Пленума № 10 п. 1 ст. 1225 ГК РФ содержит исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана на основании и в порядке, предусмотренных частью четвертой ГК РФ.

При этом к числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, охраняемых в этом порядке, не отнесены, в частности, доменные имена, наименования некоммерческих организаций, наименования (названия) средств массовой информации. Права на них подлежат защите на основании общих положений ГК РФ о способах защиты гражданских прав.

В соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ произведения дизайна являются объектами авторских прав.

В словарях слово «дизайн» определяется как деятельность по конструированию вещей, машин, интерьеров, основанному на принципах сочетания удобства, экономичности и красоты.

Соответственно, произведением дизайна является результат такой деятельности, выраженный в объективной форме.

При обращении в суд истец со ссылкой на п. 3 ст. 1259 ГК РФ указывал, что авторские права возникают уже в тот момент, когда произведение выражено в какой-либо объективной форме. Информация, размещенная истцом на страницах сайта-1, выражена в объективной форме в ноябре 2017 года, следовательно, в этот момент у истца возникли авторские права на указанную информацию. Ввиду изложенного общество полагало, что использование информации на сайте-2 без разрешения является нарушением авторских прав истца, в результате чего нарушаются его законные интересы.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информацией являются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления.

Информация ст. 1259 ГК РФ не отнесена к объектам авторского права.

С учетом формулировки исковых требований суду для правильного разрешения спора надлежало установить, что именно истец полагал объектом авторского права, подлежащим защите, действительно ли это является объектом авторского права, принадлежит ли истцу.

Судебная коллегия указала, что в силу общепринятого подхода объект, который удовлетворяет условию оригинальности, может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация была обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность в этом объекте, осуществляя свою свободную волю, выбор; когда компоненты объекта характеризуются только своей технической функцией, критерий оригинальности не соблюдается.

Таким образом, для разрешения вопроса о предоставлении правовой охраны объекту необходимо установить, проявил ли его автор выбором формы продукта свои творческие способности оригинальным способом, сделав свободный и творческий выбор и моделирование продукта таким образом, чтобы отразить его личность, является ли это оригинальным произведением, результатом интеллектуального творчества в связи с тем, что через эту форму автор произведения оригинальным образом выражает свои творческие способности, делая свободный и творческий выбор, отражая свою личность.

Данные вопросы для своего разрешения требуют специальных познаний, в связи с чем в соответствии с ч. 1 ст. 79 ГПК РФ суду надлежало обсудить вопрос о назначении экспертизы, которая могла бы дать ответ на вопрос, относится ли тот объект, который истец понимает под дизайном сайта, к объектам авторского права.

Экспертиза судом назначена и проведена не была.

Суд также уклонился от выяснения, использовались ли в «дизайне сайта» иные объекты, относящиеся к интеллектуальной собственности, правообладателем которых является истец.

В обоснование исковых требований общество также указывало, что при просмотре HTML-кода страницы сайта-2 были обнаружены совпадения с HTML-кодами страницы сайта-1.

Данное обстоятельство, как полагал истец, также свидетельствовало о нарушении его авторских прав.

К объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ).

В соответствии со ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

В число составных произведений, которым предоставляется правовая охрана, законодатель включил базу данных, которой является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

HTML (язык гипертекстовой разметки) является стандартизированным языком разметки документов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», данный язык интерпретируется браузерами; полученный в результате интерпретации форматированный текст отображается на экране монитора компьютера или мобильного устройства.

Является ли HTML-код страницы сайта результатом интеллектуальной деятельности, которому предоставляется авторско-правовая охрана, суд также не исследовал, соответствующую экспертизу не назначал.

Определение № 5-КГ21-14-К2

Разрешение споров, возникающих в сфере социальных отношений

7. В случае невыполнения пенсионным органом обязанности по разъяснению лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом, права на получение ежемесячной выплаты, предусмотренной для неработающих трудоспособных лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет, что привело к несвоевременному обращению такого лица в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной выплаты, данное лицо имеет право на выплату неполученных сумм ежемесячной выплаты за прошлое время без ограничения каким-либо сроком.

Б. 28 октября 2019 г. обратилась в суд с иском к государственному учреждению – Главному управлению Пенсионного фонда Российской Федерации № 9 по г. Москве и Московской области (далее – пенсионный орган) о перерасчете ежемесячной выплаты со дня возникновения права на такую выплату.

В обоснование заявленных требований Б. указывала, что 30 декабря 2011 г. ее дочь К., 2009 года рождения, была признана ребенком-инвалидом, о чем учреждением медико-социальной экспертизы выдана соответствующая справка. С 1 января 2012 г. К. пенсионным органом назначена социальная пенсия по инвалидности. С 7 февраля 2012 г. Б. не работает и осуществляет уход за ребенком-инвалидом К.

С 1 ноября 2018 г. пенсионный орган установил Б. ежемесячную выплату как лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом К.

Письмом пенсионного органа от 30 июля 2019 г. Б. отказано в перерасчете ежемесячной выплаты со дня возникновения права на такую выплату, то есть за период с 7 февраля 2012 г. по 31 октября 2018 г.

По мнению Б., отказ пенсионного органа в перерасчете ежемесячной выплаты со дня возникновения права на такую выплату не соответствует положениям пенсионного законодательства и Указа Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы», в связи с чем просила признать незаконным отказ пенсионного органа в установлении ей ежемесячной выплаты как лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом К., со дня возникновения права на эту выплату (7 февраля 2012 г.) и обязать ответчика произвести перерасчет этой выплаты за период с 7 февраля 2012 г. по 31 октября 2018 г.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Б. о признании незаконным отказа пенсионного органа в перерасчете ей ежемесячной выплаты как лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом К., со дня возникновения права на эту выплату (7 февраля 2012 г.) и возложении обязанности на ответчика произвести перерасчет этой выплаты за период с 7 февраля 2012 г. по 31 октября 2018 г., суд первой инстанции исходил из того, что пенсионным органом права Б. не нарушены, поскольку ежемесячная выплата назначена ей с месяца подачи заявления в пенсионный орган, основания для установления ежемесячной выплаты ранее обращения Б. с заявлением о ее назначении и для перерасчета ежемесячной выплаты за спорный период у пенсионного органа отсутствовали, в связи с чем действия пенсионного органа не могут быть признаны незаконными.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судебных инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Б. о перерасчете ежемесячной выплаты со дня возникновения права на такую выплату сделанными с существенным нарушением норм материального права.

В целях усиления социальной защищенности нетрудоспособных граждан Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» с 1 января 2007 г. установлены ежемесячные компенсационные выплаты неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами, к категории которых были отнесены в том числе дети-инвалиды в возрасте до 18 лет.

С 1 января 2013 г. ежемесячные выплаты неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы, устанавливаются на основании Указа Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы» (далее – Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175), о чем внесены соответствующие изменения в Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами».

Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 предусмотрено, что ежемесячные выплаты производятся к установленной ребенку-инвалиду в возрасте до 18 лет или инвалиду с детства I группы пенсии в период осуществления ухода за ним (п. 3 Указа). Ежемесячные выплаты устанавливаются на основании документов, имеющих в распоряжении органа, осуществляющего пенсионное обеспечение ребенка-инвалида или инвалида с детства I группы (пункт 5 Указа).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 мая 2013 г. № 397 в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 утверждены Правила осуществления ежемесячных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет или инвалидами с детства I группы (далее также – Правила от 2 мая 2013 г. № 397).

Пунктами 2, 3, 4 и 9 Правил от 2 мая 2013 г. № 397 определено, что ежемесячная выплата устанавливается проживающим на территории Российской Федерации родителю (усыновителю) или опекуну (попечителю), а также другому лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, независимо от совместного проживания с ним, органом, осуществляющим назначение и выплату пенсии ребенку-инвалиду в возрасте до 18 лет, и производится к установленной ребенку-инвалиду пенсии в порядке, установленном для выплаты пенсии. Ежемесячная выплата назначается с месяца, в котором лицо, осуществляющее уход, обратилось за ее назначением с заявлением и всеми необходимыми для представления

документами в орган, осуществляющий выплату пенсии, но не ранее дня возникновения права на указанную выплату.

В п. 5 Правил от 2 мая 2013 г. № 397 перечислены документы, на основании которых устанавливается ежемесячная выплата. Документы, предусмотренные п. 5 данных правил, представляются в случае их отсутствия в распоряжении органа, осуществляющего выплату пенсии (п. 6 данных правил в редакции, действующей до 10 марта 2021 г.).

Пунктом 16 Правил от 2 мая 2013 г. № 397 установлено, что суммы назначенной ежемесячной выплаты, не выплаченные своевременно по вине органа, осуществляющего выплату пенсии, выплачиваются за прошлое время без ограничения каким-либо сроком.

Из приведенных нормативных положений следует, что ежемесячная выплата неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, является мерой социальной поддержки, направленной на усиление социальной защищенности детей-инвалидов, на обеспечение полноценного ухода за ними, создание условий, позволяющих в максимальной степени компенсировать ограничения их жизнедеятельности, вызванные значительно выраженными стойкими нарушениями функций организма, а также на восполнение материальных потерь для лиц, способных к труду, но оставивших работу ввиду необходимости ухода за ребенком-инвалидом.

По общему правилу, ежемесячная выплата назначается органом, осуществляющим пенсионное обеспечение ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, на основании заявления лица, осуществляющего уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, а также необходимых документов, представляемых этим лицом в случае их отсутствия в распоряжении органа, осуществляющего выплату пенсии ребенку-инвалиду. Ежемесячная выплата производится к пенсии, установленной ребенку-инвалиду в возрасте до 18 лет.

В силу п. 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2122-1 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 288, Федерального закона от 5 мая 1997 г. № 77-ФЗ), Пенсионный фонд Российской Федерации обеспечивает разъяснительную работу среди населения по вопросам, относящимся к компетенции Пенсионного фонда Российской Федерации.

Реализация целей социальной политики Российской Федерации, как они определены Конституцией Российской Федерации, является одной из основных конституционных обязанностей государства, осуществляемых государством через соответствующие органы.

Обязанности по реализации социальной политики Российской Федерации в области государственного пенсионного обеспечения возложены

на Пенсионный фонд Российской Федерации, в рамках исполнения которых Пенсионный фонд Российской Федерации и его региональные отделения в числе прочего обеспечивают разъяснительную работу среди населения по вопросам, относящимся к компетенции Пенсионного фонда Российской Федерации.

Следовательно, при обращении гражданина в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации по вопросам пенсионного обеспечения гражданин имеет право на получение от пенсионного органа информации о его правах, в том числе о возможности получения мер социальной защиты (поддержки), возникающих в связи с жизненным событием, по поводу которого он обратился в пенсионный орган, и этому праву корреспондирует обязанность пенсионного органа предоставить гражданину указанную информацию.

Таким образом, пенсионный орган при обращении гражданина с заявлением о назначении пенсии ребенку-инвалиду в возрасте до 18 лет должен разъяснить гражданину права ребенка-инвалида, связанные с его пенсионным обеспечением, а также право лица, осуществляющего уход за ребенком-инвалидом, на получение ежемесячной выплаты, предусмотренной для неработающих трудоспособных лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет, производимой к установленной ребенку-инвалиду пенсии, и необходимость подачи заявления в пенсионный орган для назначения ежемесячной выплаты в целях своевременной реализации права на нее.

В случае невыполнения пенсионным органом названной обязанности, приведшего к несвоевременному обращению неработающего трудоспособного лица, осуществляющего уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, в пенсионный орган с заявлением о назначении ежемесячной выплаты, данное лицо применительно к п. 16 Правил от 2 мая 2013 г. № 397 имеет право на выплату неполученных сумм ежемесячной выплаты за прошлое время без ограничения каким-либо сроком. В противном случае будет нарушено установленное Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455, а впоследствии Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 175 право неработающих трудоспособных лиц, осуществляющих уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет, на ежемесячную выплату.

Суды первой и апелляционной инстанций нормативные положения, регулирующие деятельность Пенсионного фонда Российской Федерации, и правила социального обеспечения отдельных категорий граждан в их взаимосвязи к спорным отношениям не применили.

В обоснование вывода об отказе в удовлетворении исковых требований Б. суды первой и апелляционной инстанций сослались на то, что ежемесячная выплата назначена Б. с месяца подачи ею заявления о назначении такой

выплаты в пенсионный орган, и, как следствие, на отсутствие у пенсионного органа оснований для перерасчета ежемесячной выплаты со дня возникновения у Б. права на эту выплату – с 7 февраля 2012 г.

Между тем судебные инстанции в результате неправильного применения норм материального права, подлежащих применению по данному делу, не приняли во внимание, что Б. в пенсионный орган с заявлением о назначении ей ежемесячной выплаты как неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом дочерью К. в возрасте до 18 лет, обратилась только 23 ноября 2018 г. (спустя 6 лет после возникновения у нее права на ежемесячную выплату с 7 февраля 2012 г. – даты, с которой она не работает и осуществляет уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет). При этом в ходе рассмотрения дела в судах первой и апелляционной инстанций ответчик (пенсионный орган) не представил данных о том, что при обращении Б. с заявлением о назначении социальной пенсии по инвалидности ребенку-инвалиду К. он выполнил обязанность по информированию Б. о праве неработающих трудоспособных лиц, осуществляющих уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, на получение ежемесячной выплаты, производимой к установленной ребенку-инвалиду пенсии, для реализации которого следует обратиться в пенсионный орган с соответствующим заявлением.

В связи с этим утверждение судебных инстанций о том, что пенсионным органом права Б. не нарушены, является несостоятельным, поскольку невыполнение пенсионным органом обязанности по разъяснению Б. ее права на получение ежемесячной выплаты и порядка его реализации привело к неполучению ею как неработающим трудоспособным лицом, осуществляющим уход за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет, на протяжении длительного периода времени гарантированных государством мер социальной поддержки в полном объеме.

Ввиду изложенного выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии у пенсионного органа оснований для перерасчета Б. ежемесячной выплаты как неработающему трудоспособному лицу, осуществляющему уход за ребенком-инвалидом К., со дня возникновения права на эту выплату (с 7 февраля 2012 г.) за период с 7 февраля 2012 г. по 31 октября 2018 г. и об отказе в удовлетворении исковых требований Б. не могут быть признаны правомерными, они сделаны с нарушением норм права, регулирующих спорные отношения, и без учета всех обстоятельств по делу.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Б. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального права не устранил.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ21-29-К2

8. К лицам, имеющим право на получение страховых выплат в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в случае смерти застрахованного при наступлении страхового случая, относятся как нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего застрахованного лица, так и нетрудоспособные лица, имевшие ко дню смерти застрахованного лица право на получение от него содержания. Наличие такого права подлежит установлению применительно к положениям ст. 87 и 88 Семейного кодекса Российской Федерации.

Г., проживающая в г. Армавире Краснодарского края, 3 сентября 2018 г. обратилась в суд с иском к государственному учреждению – Санкт-Петербургскому региональному отделению Фонда социального страхования Российской Федерации (далее также – региональное отделение ФСС РФ) об установлении права на получение содержания.

В обоснование исковых требований Г. ссылалась на то, что 1 января 2018 г. в результате несчастного случая на производстве погиб ее сын Ю., 1979 г.р.

15 марта 2018 г. Г. обратилась в региональное отделение ФСС РФ с письменным заявлением о назначении ей единовременной страховой выплаты и ежемесячных страховых выплат, предусмотренных ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее – Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ), в связи со смертью сына Ю. в результате наступления страхового случая, где ей был дан ответ о том, что для назначения указанных страховых выплат в судебном порядке должен быть установлен факт нахождения ее на иждивении погибшего сына Ю. либо факт наличия у нее права на получение от Ю. содержания ко дню его смерти.

Г. просила суд установить факт наличия у нее права на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти с учетом положений Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ, ст. 87 СК РФ, приводя доводы о том, что является инвалидом II группы по зрению, ее материальное положение не было достаточным для удовлетворения жизненных потребностей, в связи с чем с января 2006 года ее сын Ю. ежемесячно оказывал ей материальную помощь.

Разрешая спор и отказывая Г. в удовлетворении исковых требований об установлении права на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти, суд первой инстанции указал на то, что Г. не представлены доказательства, подтверждающие, что она находилась на полном содержании сына Ю. и что оказываемая им помощь была для нее постоянным и основным источником средств к существованию, вследствие чего пришел к выводу о том, что Г. не находилась на иждивении сына Ю.

Суд первой инстанции отметил, что оказываемая Ю. своей матери Г. помощь в размере 3000 руб. в месяц не могла быть для нее постоянным и основным источником средств к существованию, поскольку размер пенсии Г. (10 318 руб. 75 коп.) в три раза превышал размер оказываемой Ю. помощи и был достаточным для удовлетворения ее основных жизненных потребностей, превышая прожиточный минимум для неработающих пенсионеров в г. Армавире Краснодарского края.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием, отклонив доводы апелляционной жалобы Г. о том, что на разрешение суда был поставлен вопрос не о признании факта ее нахождения на иждивении сына Ю., а об установлении наличия у нее в соответствии с положениями ст. 87 СК РФ права на получение содержания от своего сына Ю., при этом суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие доказательств того, что у Ю. возникла обязанность по содержанию своей нетрудоспособной матери Г.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными состоявшиеся по делу судебные постановления в связи со следующим.

В п. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ определен круг лиц, имеющих право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая (здесь и далее положения ст. 7 данного закона приведены в редакции, действовавшей на день наступления страхового случая – смерти Ю. 1 января 2018 г.).

Согласно абзацу второму п. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ право на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного в результате наступления страхового случая имеют нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания.

Страховые выплаты в случае смерти застрахованного выплачиваются: женщинам, достигшим возраста 55 лет, и мужчинам, достигшим возраста 60 лет, – пожизненно; инвалидам – на срок инвалидности

(абзацы первый, четвертый и пятый п. 3 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

Виды обеспечения по страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний названы в ст. 8 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ, среди них – единовременная страховая выплата и ежемесячные страховые выплаты лицам, имеющим право на получение таких выплат в случае смерти застрахованного лица.

Единовременные страховые выплаты и ежемесячные страховые выплаты назначаются и выплачиваются лицам, имеющим право на их получение, если результатом наступления страхового случая стала смерть застрахованного (абзац третий п. 1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ).

В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2011 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» даны разъяснения о том, что нетрудоспособными в отношении права на получение возмещения вреда в случае смерти кормильца признаются в числе иных женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет, при этом достижение общеустановленного пенсионного возраста является безусловным основанием для признания такого лица нетрудоспособным независимо от фактического состояния его трудоспособности; инвалиды I, II или III группы.

Из приведенных нормативных положений, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что к числу лиц, имеющих право на получение страховых выплат в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в случае смерти застрахованного при наступлении страхового случая, относятся не только нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего застрахованного лица, но и нетрудоспособные лица, имевшие ко дню смерти застрахованного лица право на получение от него содержания. При этом право на страховые выплаты у нетрудоспособных лиц, имевших ко дню смерти застрахованного лица право на получение от него содержания, законом не поставлено в зависимость от того, получали они от застрахованного лица ко дню его смерти такое содержание фактически или нет. Нетрудоспособными применительно к отношениям в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний являются в том числе лица, достигшие возраста: женщины – 55 лет, мужчины – 60 лет, а также инвалиды I, II и III групп. Предоставление права на страховые выплаты по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний нетрудоспособным лицам, имевшим право на получение содержания от застрахованного лица ко дню

его смерти, обусловлено необходимостью поддержания стабильности их имущественного положения как лишившихся возможности компенсировать утрату такой помощи самостоятельно, за счет собственных усилий.

Указанные нормативные положения судами первой и апелляционной инстанций к спорным отношениям не применены, вследствие чего спор по исковым требованиям Г. об установлении права на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти судебными инстанциями по существу разрешен не был.

Между тем по данному спору к исковым требованиям Г. об установлении права на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти в целях получения страховых выплат по Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ подлежали применению помимо норм данного федерального закона положения ст. 87 «Обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей» и ст. 88 «Участие совершеннолетних детей в дополнительных расходах на родителей» раздела V «Алиментные обязательства членов семьи» СК РФ.

Пунктами 1, 3, 5 ст. 87 СК РФ определено, что трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них; размер алиментов, взыскиваемых с каждого из детей, определяется судом исходя из материального и семейного положения родителей и детей и других заслуживающих внимания интересов сторон в твердой денежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно; дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей. Дети освобождаются от уплаты алиментов родителям, лишенным родительских прав. Пунктом 1 ст. 88 СК РФ предусмотрено, что при отсутствии заботы совершеннолетних детей о нетрудоспособных родителях и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья родителя, необходимости оплаты постороннего ухода за ним и других) совершеннолетние дети могут быть привлечены судом к участию в несении дополнительных расходов, вызванных этими обстоятельствами.

Разъяснения по применению раздела V СК РФ даны в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов».

В соответствии с нормами Семейного кодекса Российской Федерации и разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению право на получение содержания от трудоспособных совершеннолетних детей имеют их родители, если они нетрудоспособны и нуждаются в помощи, то есть материальное положение нетрудоспособных

родителей с учетом их возраста, состояния здоровья, необходимости в приобретении лекарственных препаратов, несения расходов на посторонний уход, оплаты жилого помещения, коммунальных услуг и иных обстоятельств явно недостаточно для удовлетворения их жизненных потребностей и помощь трудоспособных совершеннолетних детей в таком случае является необходимой для обеспечения нормального существования нетрудоспособных родителей. Нетрудоспособные родители могут быть признаны нуждающимися в материальной помощи как при отсутствии у них средств к существованию, так и при явной недостаточности таких средств. Нуждаемость нетрудоспособных родителей в материальной помощи осуществляется путем сопоставления самостоятельных доходов таких родителей и их необходимых потребностей (расходов на питание, лечение, приобретение одежды, предметов домашнего обихода и т.п.). При установлении обстоятельств, подтверждающих факт уклонения родителей от выполнения родительских обязанностей по содержанию и воспитанию детей, трудоспособные совершеннолетние дети могут быть освобождены судом от обязанности по содержанию таких родителей. Родители не вправе требовать получения содержания от трудоспособных совершеннолетних детей, в отношении которых они были лишены родительских прав.

Судами первой и апелляционной инстанций нормативные положения, регулирующие отношения по назначению в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний единовременной страховой выплаты и ежемесячных страховых выплат тем нетрудоспособным лицам, которые имели право на получение содержания от застрахованного лица ко дню его смерти, и нормы семейного законодательства о праве нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей на получение содержания от трудоспособных совершеннолетних детей к спорным отношениям применены не были, вследствие чего юридически значимые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения требований об установлении права Г. на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти, определены и установлены не были.

Судами первой и апелляционной инстанций, указавшими на то, что Г. не представлено доказательств, подтверждающих, что она находилась на полном содержании сына Ю. и что оказываемая им помощь была для нее постоянным и основным источником средств к существованию, и сделавшими вывод о том, что Г. не находилась на иждивении сына Ю., не принято во внимание, что Г. было заявлено требование об установлении права на получение содержания от сына Ю. применительно к положениям ст. 87 СК РФ, а не об установлении факта нахождения ее на иждивении сына Ю.

В нарушение предписаний ч. 3 ст. 196 ГПК РФ требование Г. об установлении ее права на получение содержания от сына Ю. ко дню его смерти суд первой инстанции по существу не разрешил, нормы СК РФ об алиментных обязательствах членов семьи к спорным отношениям не применил.

Полагая, что собственный доход Г. был достаточным для удовлетворения ее основных жизненных потребностей, судебные инстанции сослались лишь на то, что размер пенсии Г. (10 318 руб. 75 коп.) превышал прожиточный минимум для неработающих пенсионеров в г. Армавире Краснодарского края (на 2017 год величина прожиточного минимума в Краснодарском крае согласно ст. 1 Закона Краснодарского края от 26 октября 2016 г. № 2689-П «Об установлении величины прожиточного минимума пенсионера в Краснодарском крае на 2017 год» составляла 8565 руб.). При этом обстоятельства, связанные с определением достаточности собственных доходов Г. для удовлетворения ее жизненных потребностей с учетом состояния здоровья (инвалид II группы по зрению), возраста, нуждаемости в лекарственных препаратах, медицинской помощи, нуждаемости в посторонней помощи, приобретении продуктов питания, одежды, оплаты жилого помещения, коммунальных услуг и т.п., судом первой инстанции не устанавливались, в связи с чем вывод суда первой инстанции о том, что собственного дохода Г. было достаточно для удовлетворения ее основных жизненных потребностей, нельзя признать правомерным.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Г. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 78-КГ21-1-К3

Процессуальные вопросы

9. Наследник лица, по иску которого суд рассматривал дело о признании сделки по продаже имущества недействительной, как совершенной под влиянием заблуждения, вправе обратиться в суд с заявлением о пересмотре состоявшихся по этому делу судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Определением суда от 14 сентября 2017 г. производство по делу по иску Г. к Х. и др. о расторжении договора купли-продажи жилого дома и земельного участка, который, по мнению Г., был заключен под влиянием заблуждения с ее стороны и обмана со стороны ответчика Х., прекращено в связи со смертью истца и отсутствием сведений о ее правопреемниках.

С. обратилась в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам данного определения суда, ссылаясь на то, что решением суда от 10 февраля 2020 г. установлен факт принятия ею наследства после смерти ее тети Г., умершей 21 августа 2017 г.

Данное обстоятельство, по мнению С., является вновь открывшимся, поскольку она является правопреемником Г., а обжалуемое определение затрагивает ее законные права и интересы.

Суд первой инстанции, отказывая в принятии заявления С. о пересмотре определения суда от 14 сентября 2017 г. по вновь открывшимся обстоятельствам, руководствовался положениями п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и исходил из того, что С. стороной по вышеуказанному гражданскому делу не является.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводом суда первой инстанции, указав также на то, что в данном случае определением суда от 14 сентября 2017 г. вопрос о правах и обязанностях С. не разрешался, а сами по себе приведенные в заявлении доводы о том, что принятое определение затрагивает ее законные права как наследника, не являются безусловным основанием для пересмотра судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что состоявшиеся по делу судебные постановления вынесены с нарушением норм процессуального права, отменила их и направила заявление С. о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения суда от 14 сентября 2017 г. на рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Обращаясь в суд с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения суда от 14 сентября 2017 г., С. ссылаясь на то, что она, как наследник Г., является правопреемником истца и лицом, чьи права и законные интересы затрагиваются указанным определением суда о прекращении производства по делу.

Определение судьи об отказе в принятии заявления С. мотивировано ссылкой на ст. 134 ГПК РФ, в соответствии с п. 1 ч. 1 которой судья отказывает в принятии заявления в случае, если в заявлении, поданном от своего имени, оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

Между тем заявитель С. является наследником истца Г., принявшим наследство, что установлено вступившим в законную силу решением суда от 10 февраля 2020 г. В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия.

При рассмотрении дела по иску Г., которая требовала признания за ней права на недвижимое имущество, в случае удовлетворения ее иска право на это имущество могло быть признано за Г., а после ее смерти право на это имущество должно было перейти к ее наследникам.

С учетом того, что спорные правоотношения допускают процессуальную замену истца Г., поскольку исковые требования носят имущественный характер и не связаны исключительно с личностью истца, в соответствии со ст. 1112 ГК РФ, ст. 44 ГПК РФ С. является правопреемником Г. в рамках данного гражданского дела.

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» правом на обращение в суд с заявлением, представлением о пересмотре в порядке гл. 42 ГПК РФ вступивших в законную силу судебных постановлений обладают участвующие в деле лица, а также другие лица, если судебными постановлениями разрешен вопрос об их правах и обязанностях.

Поскольку в соответствии со ст. 44 ГПК РФ правопреемство допустимо на любой стадии гражданского судопроизводства, процессуальные правопреемники лиц, участвующих в деле, в установленных законом случаях также обладают правом на обращение с заявлениями о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Таким образом, С. обладает правом на подачу заявления о пересмотре определения о прекращении производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам как правопреемник истца, и указанный судебный акт затрагивает ее права и законные интересы. При этом данное определение суда препятствует дальнейшему рассмотрению иска о признании заключенных между сторонами договоров купли-продажи имущества недействительными, в случае удовлетворения которого (иска) спорная недвижимость войдет в состав наследства.

При таких условиях отказ в принятии заявления С. о пересмотре определения о прекращении производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ является незаконным.

Определение № 11-КГ21-18-К6

10. По смыслу п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ факт исправления ошибки в данных государственного кадастра недвижимости о местоположении границ земельного участка, которыми ранее руководствовался суд при принятии решения по делу, является основанием для пересмотра этого решения суда по новым обстоятельствам.

Решением суда от 27 октября 2016 г. удовлетворены иски Б. к А.В. и А.Е. о возложении обязанности освободить часть земельного участка, демонтировать возведенное ограждение.

А.В. и А.Е. обратились в суд с заявлением о пересмотре указанного решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам, ссылаясь на то, что вступившим в законную силу решением суда от 4 декабря 2017 г. исправлена реестровая ошибка в сведениях о границах спорных земельных участков с указанием в ЕГРН их новых координат. Изложенные сведения не были известны на момент вынесения решения суда от 27 октября 2016 г., хотя они являются существенными для рассмотрения дела.

Отказывая в удовлетворении заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения суда от 27 октября 2016 г., суд первой инстанции исходил из того, что устранение реестровой ошибки в сведениях ЕГРН о местоположении границ земельных участков сторон не является тем обстоятельством, с которым ст. 392 ГПК РФ связывает возможность пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные постановления не соответствующими требованиям закона.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия со ссылкой на положения ст. 392 ГПК РФ указала, что сущность пересмотра судебных решений, определений по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам заключается в проверке судебных постановлений вынесшим их судом в связи с открытием новых обстоятельств, ставящих под сомнение законность и обоснованность вынесения этих постановлений.

Между тем из материалов дела усматривается, что решение суда от 27 октября 2016 г. было основано на том, что фактическая граница (забор) земельного участка, принадлежащего ответчикам А.В. и А.Е., и земельного участка истца Б. не соответствует сведениям ГКН (фактическая граница отличается от сведений ГКН), и на основании этого граница (забор) должна быть приведена в соответствие со сведениями ГКН.

При вынесении решения суда от 4 декабря 2017 г. выяснилось, что в сведениях ГКН в отношении спорных земельных участков имеется реестровая ошибка. О наличии реестровой ошибки не было известно на момент рассмотрения дела и вынесения решения судом от 27 октября 2016 г. Указанная реестровая ошибка в сведениях о местоположении границ спорных земельных участков была установлена и исправлена только при вынесении решения суда от 4 декабря 2017 г.

Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В соответствии с ч. 1 ст. 196 ГПК РФ при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что ст. 12 ГПК РФ предусмотрен перечень способов защиты гражданских прав. Иные способы защиты гражданских прав могут быть установлены законом. Если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

Таким образом, суд не связан правовой квалификацией заявленных истцом требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении.

Согласно ч. 2 ст. 392 ГПК РФ основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений являются: вновь открывшиеся обстоятельства – указанные в ч. 3 данной статьи и существовавшие на момент принятия судебного постановления существенные для дела обстоятельства; новые обстоятельства – указанные в ч. 4 этой же статьи,

возникшие после принятия судебного постановления и имеющие существенное значение для правильного разрешения дела обстоятельства.

В силу п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ к новым обстоятельствам относится отмена судебного постановления суда общей юрисдикции или арбитражного суда либо постановления государственного органа или органа местного самоуправления, послуживших основанием для принятия судебного постановления по данному делу.

Решением суда от 4 декабря 2017 г. исключены из ЕГРН существующие сведения о местоположении вышеуказанных земельных участков (которые имелись в ЕГРН на момент рассмотрения дела в 2016 году) и внесены в ЕГРН вместо исключенных исправленные сведения о местоположении границ указанных земельных участков с указанием новых координат.

Таким образом, решение суда от 4 декабря 2017 г., устанавливающее факт наличия реестровой ошибки, предполагает отмену ранее вносимых сведений в ЕГРН путем внесения новой записи, тем самым являясь отменой акта государственного органа.

При таких обстоятельствах вывод суда об отказе в удовлетворении заявления А.В. и А.Е. о пересмотре решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 4-КГ20-37-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

11. Залог не прекращается в соответствии с положениями п. 1 ст. 335, п. 6 ст. 367 ГК РФ, если в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом требования права залогодержателя были подтверждены вступившим в законную силу решением суда.

Банк предоставил компании кредиты. Возврат кредитов и уплата процентов по ним обеспечивались, помимо прочего, залогом двух зданий, предоставленным обществом банку по договорам ипотеки.

Ввиду несвоевременного исполнения обязательств по кредитным договорам со стороны заемщика банк в лице конкурсного управляющего обратился в третейский суд с иском к заемщику, поручителю и

залогодателям о взыскании задолженности по кредитным договорам и об обращении взыскания на заложенное имущество.

Решением третейского суда между банком, основным должником – компанией, залогодателями и поручителем утверждено мировое соглашение: стороны признали сумму требований банка к должникам и обязались погасить задолженность ежемесячными платежами. Кроме того, стороны подтвердили сохранение обеспечительных обязательств общества и право банка на обращение в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа о принудительном исполнении решения третейского суда (в том числе и об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество) при нарушении любым из участников мирового соглашения сроков и размеров погашения задолженности.

Впоследствии общество признано банкротом, открыто конкурсное производство.

Арбитражный суд первой инстанции по обращению банка вынес определение о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Исполнительный лист выдан банку.

В дальнейшем в арбитражный суд первой инстанции поступило заявление банка о включении его требований как обеспеченных залогом имущества должника в реестр требований кредиторов общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного и окружного судов, в удовлетворении заявления отказано.

Суды исходили из того, что если срок действия залога в договорах не указан, то он определяется по правилам п. 6 ст. 367 ГК РФ: если в течение года с наступления срока исполнения обязательства по возврату кредита и процентов залогодержатель не обратится к залогодателю с иском об обращении взыскания на предмет залога, то залог прекращается. В данном случае суды признали залоговое обязательство прекратившимся, поскольку банк в течение года с момента истечения срока, установленного мировым соглашением для погашения задолженности, не требовал обращения взыскания на имущество общества. Выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не прервала срок действия залога, поскольку этот срок является пресекательным и возможность перерыва его течения не предусмотрена.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила акты судов нижестоящих инстанций и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По общему правилу, установленному п. 1 ст. 349 ГК РФ, обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется по решению суда.

При наличии между сторонами спора действующего арбитражного соглашения такой спор в соответствии с ч. 1 ст. 33, п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ может быть разрешен третейским судом.

Действуя в соответствии с указанными правовыми нормами, банк обратился в третейский суд с требованиями как о взыскании долга по кредиту, так и об обращении взыскания на заложенное имущество. Решением третейского суда утверждено мировое соглашение, которое является одной из форм разрешения спора по существу и не допускает повторного обращения за судебной защитой с тождественным иском (п. 3 ч. 1 ст. 127¹, п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ). Данным решением установлено наличие залоговых правоотношений между сторонами спора и подтверждено право банка получить удовлетворение за счет залогового имущества.

Впоследствии, не усмотрев законных оснований для отказа в принудительном исполнении решения третейского суда, арбитражный суд выдал банку исполнительный лист как на взыскание долга, так и на обращение взыскания на имущество общества, то есть в том числе и против залогодателя.

Определение арбитражного суда о выдаче исполнительного листа было положено банком в основу его заявления о включении в реестр требований кредиторов должника в деле о банкротстве общества, что в соответствии с п. 10 ст. 16 и п. 1 ст. 100 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) не позволяло арбитражному суду рассматривать в деле о банкротстве какие-либо разногласия в части состава и размера требований банка (за исключением разногласий, связанных с исполнением судебного акта или его пересмотра).

Поскольку залоговые права банка были подтверждены ранее вступившим в законную силу судебным решением, а вопрос о наличии или об отсутствии залоговых правоотношений предметом обособленного спора о включении требований банка в реестр требований кредиторов должника не являлся, то применение судами каких-либо правил об определении срока действия залога при его несогласованности в договоре (в том числе со ссылками на ст. 367 ГК РФ) не требовалось.

Судебной проверке подлежало соблюдение банком трехлетнего срока для предъявления исполнительного листа к исполнению (ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Однако, во-первых, данный срок имеет иную правовую природу по сравнению со сроком действия поручительства, а во-вторых, со дня вступления в силу определения суда о выдаче исполнительного листа до обращения банка в арбитражный суд с заявлением о включении его требований в реестр требований кредиторов трехлетний срок не истек.

Как следствие, у судов не было законных оснований ни для вывода о прекращении залога, ни для отказа банку в удовлетворении его требований о включении в реестр требований кредиторов должника, ни для лишения банка статуса залогового кредитора по указанному судами основанию.

Определение № 305-ЭС19-21616(2)

12. Гражданин не может быть освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов по итогам завершения расчетов с кредиторами в процедурах судебного банкротства или завершения процедуры внесудебного банкротства, если при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами он действовал незаконно или недобросовестно (в частности, осуществлял действия по сокрытию своего имущества, выведению активов, воспрепятствованию деятельности финансового управляющего и т.п.).

Общество, являющееся работодателем гражданина М., предоставило ему заем под 2 % годовых и по поручению последнего в тот же день перечислило указанную сумму в счет оплаты покупки гражданином М. автомобиля. Гражданин М. обязался погасить заем и проценты посредством удержания займодавцем денежных средств из зарплаты, но спустя 3 дня после предоставления займа уволился из общества и не вернул ни долг, ни проценты.

Решением суда общей юрисдикции по иску общества с гражданина М. взысканы долг и проценты по займу.

В связи с неисполнением судебного решения общество в лице его конкурсного управляющего обратилось в арбитражный суд с заявлением о банкротстве гражданина М.

Арбитражный суд возбудил дело о банкротстве гражданина М., признал его банкротом и открыл процедуру реализации имущества гражданина. Требование общества включено в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Впоследствии требование общества было реализовано с торгов, в связи с чем кредитор был заменен на гражданина Б.

Финансовый управляющий гражданина М. обратился в арбитражный суд с ходатайством о завершении процедуры реализации имущества гражданина М. Гражданин Б. не возражал против удовлетворения данного ходатайства, но мотивированно настаивал на отказе в освобождении должника от требований кредиторов, поскольку имелись обстоятельства, указывающие на его недобросовестное поведение.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным и окружным судами, процедура реализации имущества гражданина М. завершена и должник освобожден от дальнейшего

исполнения требований кредиторов. Выводы судов об освобождении должника от обязательств мотивированы отсутствием обстоятельств, свидетельствовавших об умышленном уклонении должника от исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Завершение расчетов с кредиторами в процедурах судебного банкротства или завершение процедуры внесудебного банкротства гражданина влекут освобождение гражданина-банкрота от дальнейшего исполнения требований кредиторов («списание долгов») и, как следствие, от их последующих правопритязаний (п. 3 ст. 213²⁸, п. 1 ст. 223⁶ Закона о банкротстве).

Однако институт банкротства – это экстраординарный способ освобождения от долгов, поскольку в результате его применения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой, помимо прочего, не позволяет ее использовать с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств.

Законодательство о банкротстве устанавливает стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только честному гражданину-должнику, неумышленно попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности и соразмерном удовлетворении требований кредиторов.

Проверка добросовестности осуществляется как при наличии обоснованного заявления стороны спора, так и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если другие стороны на них не ссылались. При установлении недобросовестности одной из сторон суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения применяет меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (абзацы четвертый, пятый п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В процедурах банкротства гражданин-должник обязан предоставить информацию о его финансовом положении, в том числе сведения о его имуществе с указанием его местонахождения, об источниках доходов, о наличии банковских и иных счетов и о движении денежных средств по ним (п. 3 ст. 213⁴, п. 6 ст. 213⁵ Закона о банкротстве). Неисполнение данной обязанности, с одной стороны, не позволяет оказать гражданину действенную и эффективную помощь в выходе из кризисной ситуации через процедуру реструктуризации долгов, а с другой – создает препятствия для максимально полного удовлетворения требований кредиторов, свидетельствует о намерении получить не вытекающую из закона выгоду за счет освобождения от обязательств перед кредиторами.

Подобное поведение неприемлемо для получения привилегий посредством банкротства, поэтому непредставление гражданином необходимых сведений (представление заведомо недостоверных сведений) является обстоятельством, препятствующим освобождению гражданина от обязательств (абзац третий п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве). Исключения могут составлять случаи, если должник доказал, что информация не была раскрыта ввиду отсутствия у него реальной возможности ее предоставить, его добросовестного заблуждения в ее значимости или информация не имела существенного значения для решения вопросов банкротства.

Если должник при возникновении или исполнении своих обязательств, на которых конкурсный кредитор основывал свое требование, действовал незаконно (пытался вывести активы, совершил мошенничество, скрыл или умышленно уничтожил имущество и т.п.), то в силу абзаца четвертого п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве эти обстоятельства также лишают должника права на освобождение от долгов, что указывается судом в судебном акте. По этому же основанию не допускается и освобождение гражданина от обязательств по завершении процедуры внесудебного банкротства гражданина (п. 2 ст. 223⁶ Закона о банкротстве).

Как указано в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», целью положений п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве является обеспечение добросовестного сотрудничества должника с судом, финансовым управляющим и кредиторами. Указанная норма направлена на недопущение сокрытия должником каких-либо обстоятельств, которые могут отрицательно повлиять на возможность максимально полного удовлетворения требований кредиторов, затруднить разрешение судом вопросов, возникающих при рассмотрении дела о банкротстве, или иным образом воспрепятствовать рассмотрению дела.

В пп. 43, 44 того же постановления разъяснено, что обстоятельства, связанные с сокрытием должником необходимых сведений, могут быть установлены судом на любой стадии дела о банкротстве должника в любом судебном акте, при принятии которого данные обстоятельства исследовались судом и были отражены в его мотивировочной части, а совершение должником иных противоправных действий может подтверждаться обстоятельствами, установленными как в рамках любого обособленного спора по делу о банкротстве должника, так и в иных делах.

Вопреки указанным правовым нормам, освобождая гражданина М. от долгов, суды не приняли во внимание факты, ранее установленные и оцененные этими же судами при рассмотрении дела о его банкротстве. Так, в частности, ранее судами было установлено, что сразу же после принятия судебного решения о взыскании с гражданина М. задолженности он незамедлительно продал свой автомобиль по заниженной цене и подарил своей супруге земельный участок с хозяйственным строением на нем. В деле о банкротстве гражданина М. эти сделки оспорены и признаны недействительными по ст. 10 ГК РФ, поскольку суды усмотрели в действиях должника намерение сокрыть свое имущество, избежать обращения на него взыскания и тем самым причинить вред кредиторам.

После вступления в силу судебного определения, обязывавшего покупателя вернуть гражданину М. действительную стоимость автомобиля, покупатель передал денежные средства должнику. Однако в конкурсную массу гражданин М. деньги не передал, и на специальный банковский счет они не поступали.

Определением суд обязал гражданина М. передать финансовому управляющему финансовую документацию должника, признав, что он уклоняется от исполнения обязанности, предписанной п. 9 ст. 213⁹ Закона о банкротстве, и не выполняет требования финансового управляющего.

Не принимая во внимание данные факты при разрешении вопроса об освобождении гражданина М. от долгов, суды пришли к противоречивым выводам, поскольку сначала они усматривали в действиях должника недобросовестность и злоупотребления, а затем отказались от этих выводов, по существу, ничем не мотивировав свою позицию.

В материалах дела имеются отчеты финансового управляющего, содержащие сведения о наличии у гражданина М. признаков фиктивного банкротства. Судами эти документы не оценены.

Согласно ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации обязательным признаком преднамеренного банкротства являются последствия в виде крупного ущерба (2 250 000 руб.). Действия по преднамеренному банкротству, которые привели к меньшему ущербу, не влекут уголовной ответственности, однако также являются противоправными и являются основанием для применения иных правовых

последствий. В связи с этим, вопреки позиции арбитражного суда округа, отказ следственных органов в возбуждении уголовного дела по признакам преднамеренного банкротства недостаточен для вывода о случайном характере банкротства.

Суды не исследовали поведение гражданина М. при возникновении задолженности перед обществом и не дали ему оценку. В то же время получение им займа от организации-работодателя с обещанием его погасить из зарплаты и последующее немедленное увольнение с работы позволяет усомниться в добросовестности поведения должника и может квалифицироваться как незаконные действия должника при возникновении непогашенного обязательства, что также является основанием для отказа от освобождения гражданина от обязательств (абзац четвертый п. 4 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве).

Определение № 306-ЭС20-20820

13. Суд должен поставить на обсуждение сторон вопрос о применении моратория на начисление финансовых санкций за неисполнение денежных обязательств, если основной вид экономической деятельности должника, указанный в регистрационных документах, совпадает с видами экономической деятельности, указанными в постановлении Правительства Российской Федерации о введении моратория.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с компании задолженности по договору, процентов за пользование чужими денежными средствами до фактического исполнения обязательства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иск удовлетворен, поскольку не было подтверждено исполнение ответчиком обязательств по договору в части оплаты оказанных услуг и отсутствовали основания как для освобождения компании от гражданско-правовой ответственности, так и ее уменьшения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Предметом рассматриваемой кассационной жалобы являются вопросы:

1) достаточно ли основного вида экономической деятельности юридического лица, указанного в его регистрационных документах, для освобождения от ответственности за просрочку исполнения гражданско-правовых обязательств на период действия моратория на возбуждение дел о банкротстве;

2) распространяется ли правило об освобождении от ответственности за просрочку платежа, если долг возник до введения моратория;

3) применяются ли правила об освобождении от ответственности, если привлекаемое к ней лицо не ссылалось при рассмотрении дела на наличие обстоятельств, освобождающих его от ответственности.

Законом установлена гражданско-правовая ответственность за неисполнение денежного обязательства: в случае неправомерной просрочки в исполнении денежного обязательства должник обязан уплатить проценты на сумму долга (п. 1 ст. 395 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 9¹ Закона о банкротстве для обеспечения стабильности экономики Правительство Российской Федерации вправе в исключительных случаях ввести на определенный срок мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами.

Такой мораторий был введен Правительством Российской Федерации на период с 6 апреля 2020 г. на 6 месяцев постановлением от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» (далее – постановление № 428) и впоследствии с 7 октября 2020 г. продлен еще на 3 месяца постановлением от 1 октября 2020 г. № 1587 «О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников».

Мораторием, помимо прочего, предусматривался запрет на применение финансовых санкций за неисполнение пострадавшими компаниями денежных обязательств по требованиям, возникшим до введения моратория (подп. 2 п. 3 ст. 9¹, абзац десятый п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве). При этом запрет не ставился в зависимость ни от причин просрочки исполнения обязательств, ни от доказанности факта нахождения ответчика в предбанкротном состоянии. Предоставление государством таких мер поддержки наиболее пострадавшим отраслям экономики, прежде всего, было обусловлено серьезным экономическим ущербом, причиненным пандемией, и направлено на недопущение еще большего ухудшения их положения.

Согласно п. 1 ст. 9¹ Закона о банкротстве Правительству Российской Федерации предоставлено право определить категории лиц, подпадающих под действие моратория, в том числе и по признаку видов экономической деятельности, предусмотренных Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД). В данном случае Правительство Российской Федерации указало, что мораторий применяется к должникам – лицам по признаку основного вида экономической деятельности, предусмотренного ОКВЭД, которым занималась пострадавшая компания (подп. «а» п. 1 постановления № 428).

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)» утвержден приказом Росстандарта от 31 января

2014 г. № 14-ст и используется для решения различных задач, связанных с классификацией видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами при регистрации; определением осуществляемых ими основного и дополнительных видов экономической деятельности; обеспечением потребностей органов государственной власти и управления в информации о видах экономической деятельности при решении аналитических задач.

Сведения об основном виде деятельности юридического лица подлежат внесению в его регистрационные документы (пп. 1¹, 1² ст. 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», приказ ФНС России от 31 августа 2020 г. № ЕД-7-14/617@ «Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств»).

Указание основного вида деятельности в регистрационных документах юридического лица предполагает, что именно этой деятельностью оно и занимается. Упоминание этой деятельности в постановлении Правительства Российской Федерации, которым введен мораторий, предполагает, что в данной экономической сфере объективно возникли проблемы, требующие государственной поддержки, и, как следствие, осуществление лицом этой деятельности является достаточным обстоятельством для применения такого вида поддержки, как освобождение от гражданско-правовой ответственности за неисполнение денежных обязательств.

Возникновение долга по причинам, не связанным с теми, из-за которых введен мораторий, не имеет значения. Освобождение от ответственности направлено на уменьшение финансового бремени на должника в тот период его просрочки, когда она усугубляется объективными, непредвиденными и экстраординарными обстоятельствами.

Основным видом деятельности компании является перевозка воздушным пассажирским транспортом, что соответствует коду «51.1» по ОКВЭД. Этот же вид деятельности указан в регистрационных документах компании. Следовательно, на компанию в полной мере распространялись нормы об освобождении от ответственности за невыполнение денежных обязательств на период моратория.

Применение ответственности к правонарушителю является вопросом права, а вопрос квалификации правоотношений – это исключительная компетенция суда (ч. 1 ст. 168 АПК РФ, п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Арбитражный суд не связан правовой квалификацией истцом заявленных требований (спорных правоотношений), а должен рассматривать иск исходя из предмета и оснований (фактических обстоятельств), определяя по своей инициативе круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, а также решить, какие именно нормы права подлежат применению в конкретном спорном правоотношении (п. 27 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 июля 2019 г.).

Для привлечения к ответственности суд должен установить все необходимые признаки состава правонарушения, в том числе противоправность поведения должника. Недопустимым является привлечение кого-либо к ответственности, которая не установлена законом или в допустимых законом пределах договором. В связи с этим в силу требований процессуального закона (ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 133, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 136 АПК РФ) арбитражный суд по меньшей мере должен поставить на обсуждение сторон спора вопрос о наличии в содеянном должником всех признаков правонарушения, позволяющих привлечь его к ответственности. Исследование этих обстоятельств гарантирует соблюдение прав как ответчика, так и истца, указывавшего на недобросовестность ответчика и отсутствие для него негативных последствий от причин введения моратория (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9¹ Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – постановление № 44). Тем самым достигаются задачи правосудия, определенные процессуальным законом (пп. 1, 3, 4 ст. 2 АПК РФ).

Вопреки указанным правовым нормам суды первой и апелляционной инстанций разрешили судебный спор без исследования существенных обстоятельств, касающихся ответственности ответчика. Окружной суд не исправил эту ошибку, принимая во внимание, что сведения об основном виде деятельности ответчика были представлены им в суд первой инстанции.

По тем же причинам Судебная коллегия не может согласиться с доводом общества о том, что умолчание компанией информации о нормативных актах, освобождающих ее от ответственности, допускает отказ в их применении.

Пунктом 7 постановления № 44 разъясняется распространение действия моратория на лиц, подпадающих под определенные Правительством Российской Федерации критерии и в том случае, если они не находятся в процедурах банкротства. Оснований для более широкого толкования данного пункта не имеется. Поэтому ссылка общества только на последнее предложение абзаца первого указанного пункта в обоснование

своей позиции о необходимости заявления должником об освобождении его от ответственности несостоятельна.

Поскольку суды допустили существенное нарушение норм права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов компании в сфере предпринимательской деятельности, на основании ч. 1 ст. 291¹¹ АПК РФ обжалованные судебные акты подлежат частичной отмене. По сумме основного долга судебные акты не оспаривались, а размер взысканных процентов рассчитан без вычленения спорного периода, поэтому судебные акты отменяются только в части взысканных процентов за пользование чужими денежными средствами с направлением дела в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При новом рассмотрении дела суду необходимо исследовать вопрос о наличии у компании права на его освобождение от гражданско-правовой ответственности за просрочку исполнения денежных обязательств с 6 апреля 2020 г. по день окончания моратория с учетом, помимо прочего, доводов общества о злоупотреблении ответчиком своим правом.

Определение № 305-ЭС20-23028

14. Расходы на уплату текущей задолженности по земельному налогу и налогу на имущество в отношении предмета залога при банкротстве залогодателя покрываются за счет выручки от реализации заложенного имущества до начала расчетов с залоговым кредитором¹.

В деле о банкротстве общества реализовано его недвижимое имущество, находившееся в залоге у компании по кредитному обязательству.

Кредиторов первой и второй очередей у должника не было.

У налоговой службы и конкурсного управляющего должника возникли разногласия по поводу распределения денежных средств, вырученных в результате реализации залогового имущества, в связи с чем последний инициировал судебное разрешение этих разногласий.

Конкурсный управляющий, основываясь на пп. 2 и 6 ст. 138 Закона о банкротстве, настаивал на следующей последовательности распределения вырученной суммы:

¹ Данная правовая позиция сама по себе не может рассматриваться как основание для привлечения арбитражного управляющего к ответственности (гражданско-правовой, административной), если действия (бездействие) по распределению средств, поступивших от продажи предмета залога, были совершены арбитражным управляющим до формирования указанной правовой позиции.

1) в первоочередном порядке из вырученной суммы гасятся расходы на проведение торгов по реализации заложенного имущества должника (без учета налога на имущество и земельного налога);

2) из оставшихся денежных средств 95 % направляется на удовлетворение требований залогового кредитора-компании;

3) после этого погашаются судебные расходы по делу о банкротстве.

Налоговая служба полагала, что в первоочередном порядке в режиме, установленном п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, должны также погашаться текущие налоговые платежи, связанные с залоговым имуществом (налог на имущество и земельный налог).

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, поддержана позиция конкурсного управляющего. Суды исходили из того, что реестровое требование залогового кредитора является приоритетным к погашению перед требованием об уплате текущих налоговых обязательств; денежные средства, вырученные от реализации заложенного имущества, не представляют отдельную налогооблагаемую базу и, как следствие, не подлежат распределению в составе расходов на проведение торгов; обратный подход нарушает право приоритетного удовлетворения требований залогового кредитора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации изменила принятые судебные акты, установив, что расходы на уплату текущей задолженности по земельному налогу и налогу на имущество в отношении предмета залога покрываются за счет выручки от реализации заложенного имущества до начала расчетов с залоговым кредитором по следующим основаниям.

В силу залога залогодержатель имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя). Помимо стоимости самого предмета залога залогодержатель также в приоритетном порядке вправе удовлетворить свои требования за счет доходов от использования заложенного имущества третьими лицами или за счет иных источников, непосредственно связанных с предметом залога или заменяющих его (пп. 1 и 2 ст. 334 ГК РФ).

По общему правилу, залог, помимо прочего, обеспечивает возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией расходов (ст. 337 ГК РФ).

При реализации имущества должника-банкрота расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах

покрываются за счет средств, поступивших от реализации предмета залога, до расходования этих средств на иные цели (п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве).

Содержание и смысл данной нормы в совокупности с прочими положениями ст. 134, 138 Закона о банкротстве, регулирующими очередность удовлетворения требований кредиторов должника-банкрота, указывают на то, что в банкротстве за залоговым кредитором безусловно сохраняется его право преимущественного удовлетворения своих требований перед другими кредиторами, однако реализуется оно в несколько усеченном виде по сравнению с внебанкротными процедурами. Так, часть денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, может направляться на погашение требований незалоговых кредиторов (кредиторов первой и второй очередей). Из этих же средств в установленном размере гасятся судебные расходы и расходы по выплате вознаграждения арбитражным управляющим и оплаты услуг привлеченных ими лиц (пп. 1, 2 ст. 138 Закона о банкротстве).

Приоритет удовлетворения требований залогового кредитора реализован в банкротстве на принципе обособленности процедуры, касающийся судьбы залогового имущества, что подразумевает погашение за счет ценности этого имущества обязательств перед залоговым кредитором за минусом всевозможных издержек, связанных, собственно, с этим имуществом.

В условиях ограниченных возможностей должника-банкрота по удовлетворению всех предъявленных к нему денежных требований такой подход позволяет в определенной степени соблюсти баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве должника, и реализовать принцип соразмерного удовлетворения требований кредиторов при соблюдении прав залогового кредитора.

Исходя из изложенного системное и телеологическое толкование п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве позволяет сделать вывод о необходимости применения правового режима, установленного данной нормой, к обязательствам должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах.

Противоположный подход, занятый судами, ведет к дисбалансу в объеме прав кредиторов, поскольку имущественная выгода от продажи предмета залога будет предоставляться одному члену названного сообщества – залоговому кредитору, и расходы, непосредственно связанные с этим же имуществом (в данном случае текущие обязательства по уплате имущественных налогов), будут погашаться за счет иных активов должника в ущерб интересам незалоговых кредиторов, что не поддерживается Судебной коллегией ввиду явной несправедливости.

Судебная коллегия отмечает, что вопрос о судьбе предмета залога в значительной степени находится во власти залогового кредитора, способного эффективно влиять на скорость решения вопроса о реализации залогового имущества и тем самым избегать накопления долговых обязательств по текущим имущественным налоговым платежам. В связи с этим применение п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве в изложенном выше толковании не влечет существенных изменений в ценности обеспечительной функции залога.

Определение № 305-ЭС20-20287

15. Установленный Законом о банкротстве лимит расходов на оплату услуг, оказываемых привлеченными арбитражным управляющим лицами, может быть увеличен по решению суда при документальном подтверждении невозможности выполнения самим арбитражным управляющим тех функций, для которых привлекается специалист, наличия у него требуемой квалификации, соответствия стоимости его услуг рыночным расценкам.

В процедуре конкурсного производства конкурсный управляющий должника обратился в суд с первым заявлением об увеличении установленного Законом о банкротстве лимита расходов на оплату услуг, оказываемых привлеченными управляющим лицами (далее – лимит расходов), в том числе услуг общества, являющегося организатором торгов.

Определением суда первой инстанции в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано. Суд исходил из того, что в случае превышения установленного Законом о банкротстве лимита расходов обязанность доказывания обоснованности привлечения специалистов и цены их услуг лежит на арбитражном управляющем, обратившемся с соответствующим заявлением в суд. Арбитражный управляющий должен обладать всеми необходимыми знаниями для организации процедуры продажи имущества. Необходимость привлечения иных лиц для осуществления этой деятельности, обусловленной спецификой данного дела о банкротстве, управляющий документально не подтвердил. Суд обратил внимание на то, что в штате должника имеется 55 сотрудников, которым может быть поручена часть функционала организатора торгов, в частности взаимодействие с потенциальными покупателями имущества. Суд пришел к выводу о том, что лимит расходов может быть увеличен лишь на твердую сумму исходя из конкретных обстоятельств, которыми управляющий обосновывал необходимость привлечения специалистов. Наличие таких обстоятельств управляющий не подтвердил.

До рассмотрения судом вопроса об увеличении лимита конкурсный управляющий поручил проведение торгов обществу, заключив с ним

договор. Впоследствии управляющий подал в арбитражный суд второе заявление об установлении вознаграждения данному обществу, ссылаясь на фактическое выполнение им функций организатора торгов.

Удовлетворяя второе заявление, суд первой инстанции, позицию которого поддержали арбитражный апелляционный суд и арбитражный суд округа, исходил из того, что общество фактически оказало услуги организатора торгов. Общество подготовило демонстрационный материал (презентацию) об отчуждаемых объектах и направило его потенциальным покупателям, осуществило необходимые публикации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, газете «Коммерсантъ», на торговой площадке, оформило протоколы торгов, информировало и консультировало конкурсного управляющего о ходе торгов.

Суды сочли, что привлечение организатора торгов было оправданно, поскольку реализация долей участия и акций предприятий, работающих на энергетическом рынке, осуществлялась в рамках этого ограниченного рынка, для предоставления консультации потенциальным покупателям требовались специальные познания в сфере энергетики, продать имущество удалось именно благодаря профессионализму организатора торгов – общества.

Суды констатировали отсутствие в деле доказательств того, что стоимость услуг организатора торгов завышена.

Кроме того, суды отметили – решения о выборе организатора торгов и порядке исчисления размера его вознаграждения были приняты собранием кредиторов должника. Эти решения не признаны недействительными в установленном законом порядке.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и отказала в удовлетворении заявления конкурсного управляющего по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4 ст. 20³ Закона о банкротстве арбитражный управляющий при привлечении иных лиц для обеспечения исполнения возложенных на него в деле о банкротстве обязанностей должен действовать добросовестно и разумно, то есть привлекать их лишь тогда, когда это действительно необходимо, и предусматривать оплату услуг упомянутых лиц по обоснованной цене.

При превышении установленного Законом о банкротстве лимита расходов сторонние лица, привлекаемые арбитражным управляющим, могут быть использованы им исключительно после одобрения со стороны арбитражного суда на основании судебного определения. При этом в случае превышения лимита расходов на управляющего возлагается бремя доказывания обоснованности привлечения названных лиц и стоимости их услуг (абзац второй п. 6 ст. 20⁷ Закона о банкротстве).

Таким образом, при возникновении потребности в использовании стороннего специалиста сверх установленного законом лимита расходов

арбитражный управляющий обязан своевременно (до момента фактического привлечения) обратиться в арбитражный суд с соответствующим ходатайством, документально обосновав в данном ходатайстве невозможность выполнения имеющимися силами тех функций, для которых привлекается специалист, подтвердив наличие у привлекаемого лица требующейся квалификации, представив свидетельства направленности ходатайства на достижение целей процедуры банкротства и рыночного характера цены услуг специалиста.

На обязательность доказывания управляющим упомянутых обстоятельств суды справедливо обратили внимание при рассмотрении первого ходатайства конкурсного управляющего. Однако при разрешении его второго ходатайства о даче разрешения на привлечение того же общества на тех же условиях, что и ранее, суды неправомерно освободили управляющего от необходимости документального подтверждения юридически значимых обстоятельств, проигнорировав ранее сделанные правильные выводы о распределении бремени доказывания и о порядке привлечения специалистов при превышении лимитов.

Приведенные конкурсным управляющим основания привлечения для организации и проведения торгов общества не были обусловлены экстраординарными, непредвиденными обстоятельствами и должны были быть известны управляющему заранее. Несмотря на это, управляющий привлек указанную организацию (заключил с ней договор) до получения санкции со стороны суда, рассматривающего дело о банкротстве, что недопустимо. Более того, впоследствии получив отказ в удовлетворении первого ходатайства, управляющий не принял мер к расторжению договора, заключенного с обществом с нарушением положений п. 6 ст. 20⁷ Закона о банкротстве – в отсутствие судебного определения.

При втором обращении управляющий не пытался доказать, что привлечение организатора торгов было объективно необходимым и эти полномочия не могли быть реализованы самим управляющим при помощи лиц, находящихся в штате должника, не пробовал обосновать рыночный характер цены услуг. Он не представил свидетельств изменения тех или иных обстоятельств после того, как ему было отказано в удовлетворении первого ходатайства.

Решив, что для успешной реализации принадлежащих должнику долей участия и акций энергетических предприятий необходимы специальные познания в сфере энергетики, суды при разрешении второго ходатайства не сослались на какие-либо доказательства, указывающие (хотя бы косвенно) на наличие у сотрудников общества подобного рода познаний, опыта в сфере реализации долей участия, акций энергетических предприятий, деловой репутации и деловых связей на энергетическом рынке. Таких доказательств в материалах дела не имеется.

Равным образом при превышении лимита расходов необходимость привлечения организатора торгов не может подтверждаться лишь его ординарными информационными письмами, адресованными потенциальным участникам торгов, с общей информацией об их проведении, а также свидетельствами совершения организатором стандартного набора действий по опубликованию сообщений, предусмотренных законодательством, подведению итогов торгов и т.п.

Приняв предложенную управляющим цену услуг общества, выходящую за установленный законом лимит расходов, суды неправомерно возложили на кредитора должника обязанность по первичному доказыванию ее нерыночности, тогда как в силу прямого указания п. 6 ст. 20⁷ Закона о банкротстве именно конкурсному управляющему надлежало представить свидетельства соответствия данной цены обычным расценкам на аналогичные услуги. Управляющий экономическую обоснованность цены услуг общества не подтверждал, никаких доказательств по этому вопросу в дело не представлял.

В соответствии с ч. 1 ст. 64 АПК РФ обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, устанавливаются судом на основании доказательств по делу. В нарушение приведенной нормы процессуального права суды при разрешении второго заявления конкурсного управляющего воспроизвели его голословную позицию, которая не была подтверждена документально.

Доводы управляющего о наличии решения собрания (комитета) кредиторов о привлечении общества в качестве организатора торгов судебной коллегией отклонены. Принятое собранием (комитетом) кредиторов решение не возлагает на суд обязанность по автоматическому утверждению этого решения и не освобождает управляющего от необходимости доказывания обоснованности как самого факта привлечения организатора торгов, так и стоимости его услуг.

Определение № 305-ЭС18-24484 (12)

16. Если производство по делу о банкротстве прекращено ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур банкротства (абзац восьмой п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве), то на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства) заявитель по делу о банкротстве, задолженность перед которым подтверждена вступившим в законную силу судебным актом, вправе предъявить требование о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц вне рамок дела о банкротстве.

Общество (поставщик) и компания (покупатель) заключили договор поставки. Поскольку покупатель товар не оплатил, то общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности.

Решениями судов по двум делам требования общества были удовлетворены.

В связи с тем, что решения судов не были исполнены, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании покупателя банкротом.

В ходе рассмотрения дела о несостоятельности покупателя судом установлено, что у должника отсутствуют средства, достаточные для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему. По этой причине на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве определением суда первой инстанции производство по делу о несостоятельности покупателя прекращено.

Впоследствии общество обратилось в суд с исковым заявлением о привлечении физических лиц как контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам покупателя, вытекающим из договора поставки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что обстоятельства, положенные в основу требований о привлечении физических лиц к субсидиарной ответственности, были известны обществу до прекращения производства по делу о банкротстве покупателя. Это, как указали суды, не позволило кредитору предъявить иск о привлечении к ответственности контролирующих лиц вне рамок дела о несостоятельности подконтрольного общества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Субсидиарная ответственность контролирующего лица, предусмотренная п. 1 ст. 61¹¹ действующей редакции Закона о банкротстве (п. 4 ст. 10 прежней редакции Закона), по своей сути является ответственностью данного лица по собственному обязательству – обязательству из причинения вреда имущественным правам кредиторов, возникшего в результате неправомерных действий (бездействия) контролирующего лица, выходящих за пределы обычного делового риска, которые явились необходимой причиной банкротства должника и привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов (обесцениванию их обязательственных прав). Правовым основанием иска о привлечении

контролирующего лица к субсидиарной ответственности выступают, помимо прочего, правила о деликте, в том числе закрепленные в ст. 1064 ГК РФ. Соответствующий подход сформулирован в пп. 2, 6, 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53).

Обязательство, в частности деликтное, прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (п. 1 ст. 407 ГК РФ).

Действующее законодательство, в том числе Закон о банкротстве, не содержит положений о том, что материальное право кредитора на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом, перестает существовать (прекращается), если этот кредитор, располагающий информацией о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, не предъявил соответствующий иск к причинителю вреда до прекращения производства по делу о банкротстве.

С учетом изложенного п. 1 ст. 61¹⁹ Закона о банкротстве не мог быть истолкован судами как исключаящий в материальном смысле право на иск о привлечении к субсидиарной ответственности кредитора, осведомленного о наличии оснований для привлечения к такой ответственности на момент прекращения производства по делу о банкротстве, вне рамок дела о несостоятельности.

Суды ошибочно не приняли во внимание разъяснения, изложенные в п. 31 постановления № 53, согласно которым, если производство по делу о банкротстве прекращено ввиду отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур банкротства (абзац восьмой п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве), то на стадии проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом (до введения первой процедуры банкротства) заявитель по делу о банкротстве, задолженность перед которым подтверждена вступившим в законную силу судебным актом, вправе предъявить вне рамок дела о банкротстве требование о привлечении к субсидиарной ответственности.

Занятый судами подход привел к нарушению права общества на судебную защиту, гарантированного ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации. Так, какая-либо процедура банкротства в отношении покупателя не вводилась, поэтому кредитор по смыслу п. 1 ст. 61¹⁴ Закона о банкротстве не имел возможности подать заявление о привлечении контролировавших должника лиц к субсидиарной ответственности в деле о несостоятельности, а поданное им позднее вне рамок дела о банкротстве заявление не было рассмотрено по существу.

Ссылки суда округа на то, что не было установлено наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчиков и невозможностью осуществления расчетов с обществом, некорректны. Обстоятельства, касавшиеся наличия всех элементов состава гражданского правонарушения, судами первой и апелляционной инстанций, наделенными полномочиями по исследованию и оценке доказательств, не проверялись.

Определение № 307-ЭС21-29

17. При разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения руководителя должника к субсидиарной ответственности суду необходимо установить, имелся ли у руководителя план выхода из кризисной ситуации, следовал ли он данному плану и в какой момент руководителю должно было стать известно, что реализация данного плана не приведет к выходу из кризиса.

На основании постановления администрации городского поселения было создано предприятие для предотвращения срыва отопительного сезона в связи с прекращением деятельности предыдущих ресурсоснабжающих организаций и зарегистрировано в качестве юридического лица.

Предприятие начало оказывать потребителям городского поселения услуги по теплоснабжению. Постановлением администрации ему рекомендовано было применять тарифы на тепловую энергию, установленные для прежних ресурсоснабжающих организаций. Иные тарифы были установлены предприятию позднее (спустя 7 месяцев).

Впоследствии предприятие было признано банкротом, в отношении его открыта процедура конкурсного производства.

В ходе этой процедуры конкурсный управляющий подал в суд заявление о привлечении к субсидиарной ответственности гражданина А., являвшегося руководителем предприятия с момента его создания, на основании п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве за неисполнение обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия, а также администрации городского поселения, являющейся собственником имущества предприятия, на основании п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве за действия, бездействие, ставшие необходимой причиной банкротства предприятия.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, заявление управляющего удовлетворено частично: гражданин А. был привлечен к субсидиарной ответственности, а в удовлетворении требований к администрации городского поселения отказано.

Удовлетворяя требование, предъявленное к руководителю предприятия, суды исходили из того, что у предприятия образовалась

задолженность по оплате электроэнергии, поставленной обществом. Данная задолженность не была погашена. Деятельность предприятия с начала ее осуществления являлась убыточной, задолженность перед контрагентами возрастала. Суды сочли, что по истечении трех месяцев со дня согласованного срока платежа за электроэнергию руководитель предприятия был обязан обратиться в суд с заявлением о банкротстве последнего и эта обязанность должна была быть исполнена в силу п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве в течение месяца.

Возражения руководителя предприятия о частичном погашении задолженности перед обществом, о направлении им обращений в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации с заявками на предоставление субсидии за счет средств областного бюджета в целях возмещения недополученных доходов, возникших вследствие предоставления услуг населению по экономически необоснованным тарифам, судами отклонены.

В удовлетворении требования о привлечении администрации к субсидиарной ответственности судами отказано ввиду недоказанности причинно-следственной связи между поведением администрации и банкротством предприятия. Управляющий, как отметили суды, не указал конкретные действия, которые должна была предпринять администрация для восстановления платежеспособности предприятия, и меры контроля, при использовании которых не наступили бы негативные последствия в виде банкротства.

Суды сослались на то, что предприятие имело возможность оказывать населению и организациям соответствующие услуги, фактически осуществляло деятельность согласно целям, для которых предприятие было создано (в том числе для предотвращения угрозы срыва отопительного сезона). Факт уменьшения размера чистых активов предприятия не является достаточным основанием для привлечения собственника его имущества к субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Руководитель должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности по правилам п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве (в редакции, действовавшей в спорный период), если он не исполнил обязанность по подаче в суд заявления должника о банкротстве в месячный срок, установленный п. 2 ст. 9 названного закона.

Как разъяснено в абзаце первом п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53),

обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель, находящийся в сходных обстоятельствах, в рамках стандартной управленческой практики, учитывая масштаб деятельности должника, должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве.

Таким образом, при разрешении вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве существенное значение имеет установление момента возникновения соответствующей обязанности. Этот момент определяется тем, когда разумный и добросовестный руководитель, оказавшийся в той же ситуации, что и руководитель должника, должен был осознать такую степень критичности положения подконтрольной организации, которая объективно свидетельствовала о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования.

В рассматриваемом случае суды установили, что предприятие было создано для предотвращения угрозы срыва отопительного сезона 2015–2016 годов. Основную деятельность (деятельность по теплоснабжению) оно начало осуществлять с конца октября 2015 года, применяя по указанию администрации тарифы, установленные для предыдущих ресурсоснабжающих организаций, что, как отметили суды, являлось вынужденной мерой, вызванной необходимостью недопущения социальной напряженности среди потребителей, к числу которых относились население и учреждения социальной сферы. Суды указали на то, что по итогам 2015 года, то есть спустя 2 месяца после начала деятельности, предприятие стало отвечать признаку недостаточности имущества, а 19 марта 2016 г. на стороне руководителя предприятия возникла обязанность по подаче заявления о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Судебная коллегия не согласилась с выводом судов о том, что добросовестный и разумный руководитель предприятия, учрежденного в середине отопительного сезона для обеспечения реализации прав граждан на доступ к социально значимым благам в сфере коммунального обслуживания, который находился в той же ситуации, что и гражданин А., спустя столь короткий промежуток времени, прошедший со дня создания этого предприятия, и при отсутствии иной теплоснабжающей организации на территории городского поселения, расположенного в Восточной Сибири, не дожидаясь окончания отопительного сезона, принял бы решение об обращении в суд с заявлением о банкротстве возглавляемого им предприятия.

Наоборот, добросовестному и разумному руководителю следовало бы приступить к более детальному анализу ситуации, развивающейся на вновь образованном предприятии. Иное могло бы свидетельствовать о неразумности его действий по смыслу разъяснений, содержащихся в подп. 2

п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». Согласно этим разъяснениям неразумными считаются действия директора, который до принятия решения не принял обычных для деловой практики при сходных обстоятельствах мер, направленных на получение информации, необходимой и достаточной для его принятия, в частности, если при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации.

По результатам такого анализа не исключается возможность разработки и реализации экономически обоснованного плана, направленного на санацию должника, если его руководитель имеет правомерные ожидания преодоления кризисной ситуации в разумный срок, прилагает необходимые усилия для достижения результата (абзац второй п. 9 постановления № 53).

Наличие антикризисной программы (плана) может подтверждаться не только документом, поименованным соответствующим образом, но и совокупностью иных доказательств (например, перепиской с контрагентами, органами публичной власти, протоколами совещаний и т.п.). При этом возложение субсидиарной ответственности допустимо, в частности, когда следование плану являлось явно неразумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах, либо когда план разрабатывался лишь для создания внешней иллюзии принятия антикризисных мер и получения отсрочки с тем, чтобы выиграть время для совершения противоправных действий, причиняющих вред кредиторам.

Руководитель предприятия обращал внимание на то, что невозможность исполнения предприятием обязательств перед основным кредитором была обусловлена, помимо прочего, спецификой деятельности должника, работающего в сфере жилищно-коммунального хозяйства, которая нередко характеризуется наличием, с одной стороны, кредиторской задолженности перед поставщиком энергоресурса, с другой стороны, дебиторской задолженности граждан и иных потребителей.

При рассмотрении иного дела было установлено, что предприятие, временно работавшее по тарифам предыдущей теплоснабжающей организации, обращалось в службу по тарифам субъекта Российской Федерации с заявлением об установлении ему собственных тарифов.

Руководитель предприятия ссылался на то, что он направлял заявки в министерство жилищной политики, энергетики и транспорта субъекта Российской Федерации на предоставление предприятию субсидий за счет средств областного бюджета в целях возмещения недополученных доходов, возникших в связи с оказанием услуг теплоснабжения.

Судам следовало оценить эти обстоятельства в совокупности и взаимосвязи, установив, имелся ли у руководителя предприятия план выхода

из кризиса, включающий в себя комплекс мер: работа с потребителями-неплательщиками, установление предприятию более высокого тарифа, получение субсидий из областного бюджета. Если такой план имелся, являлся ли он разумным, следовал ли руководитель предприятия этому плану, прилагая необходимые усилия, в какой момент обычному руководителю стало бы ясно, что реализация данного плана не приведет к выходу из кризиса.

Суды в нарушение положений ст. 71 АПК РФ надлежащую оценку представленным руководителем предприятия доказательствам не дали, отклонив их, по сути, со ссылкой лишь на то, что задолженность перед кредитором продолжала увеличиваться.

Тот факт, что объем долговых обязательств перед упомянутым кредитором в итоге вырос, является обстоятельством, которое стало очевидным впоследствии. По прошествии времени с момента принятия антикризисного плана, когда оценивающему его лицу уже известен негативный результат реализации этого плана, он, действительно, может показаться неразумным. Однако это не означает, что это же лицо, анализирующее план в момент его принятия, пришло бы к такому же выводу.

При разрешении вопроса о наличии оснований для привлечения директора к субсидиарной ответственности правовое значение имеют иные обстоятельства:

- являлся ли план разумным в момент его принятия;
- когда негативные тенденции, продолжившиеся в ходе реализации плана, привели предприятие в состояние, свидетельствующее о том, что план себя исчерпал.

Эти обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, не были установлены судами.

Судебная коллегия не согласилась и с выводами судов об освобождении администрации от ответственности.

Настаивая на привлечении администрации к субсидиарной ответственности, конкурсный управляющий предприятием ссылаясь на п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве. В соответствии с этим пунктом, если должник признан несостоятельным (банкротом) вследствие действий и (или) бездействия контролирующих лиц, эти лица при недостаточности имущества должника несут субсидиарную ответственность по его обязательствам. Под действиями (бездействием) контролирующего лица, которые привели к несостоятельности, следует понимать такие действия (бездействие), которые явились необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы.

Выводы судов по вопросу о привлечении к ответственности руководителя предприятия вступили в явное противоречие с выводами судов по поводу освобождения от ответственности администрации.

Так, суды, с одной стороны, фактически указали на то, что бывший руководитель предприятия должен был практически сразу после его создания подать заявление о банкротстве, поскольку предприятие, применявшее по указанию администрации заниженный тариф, являлось заведомо убыточным, его деятельность не могла привести к никакому иному результату, кроме как к неоплате долгов перед кредиторами.

При этом основной кредитор не имел возможности отказаться от заключенного с предприятием договора энергоснабжения, прекратить (приостановить) исполнение обязательств по поставке электрической энергии, то есть изначально находился в положении лица, которое заведомо будет страдать от взаимодействия с предприятием.

С другой стороны, отказывая в привлечении к ответственности администрации, которая эти обстоятельства не могла не осознавать (если они соответствуют действительности), суды исходили из того, что она создала предприятие для предотвращения чрезвычайной ситуации (срыва отопительного сезона), предприятие имело возможность оказывать услуги теплоснабжения, фактически осуществляло деятельность в соответствии с целями, заявленными при его создании.

Между тем, если у учредителя организации не было какой-либо неопределенности относительно рынка и масштабов деятельности нового, созданного им, участника гражданского оборота и уже на начальном этапе ему было заведомо известно, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в этой сфере ввиду явного несоответствия полученного ею имущества объему планируемых мероприятий, то избранная учредителем модель поведения уже в момент ее выбора приводила к очевидному дисбалансу прав должника и его кредиторов. Такой учредитель не может быть освобожден от субсидиарной ответственности, предусмотренной п. 4 ст. 10 Закона о банкротстве.

Более того, по-разному истолковав одни и те же обстоятельства и привлекая вследствие этого к субсидиарной ответственности одно контролирующее лицо и одновременно освобождая от данной ответственности другое, суды тем самым лишили первого солидарного должника по субсидиарной ответственности возможности получить возмещение от второго по правилам о регрессе (п. 2 ст. 325 ГК РФ), что недопустимо.

Определение № 302-ЭС20-23984

18. В случае прекращения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) должника с сохранением его правоспособности кредитору может быть выдан исполнительный лист на основании определения суда о включении его требования в реестр требований кредиторов должника.

Решением суда общество признано несостоятельным (банкротом).

В процедуре конкурсного производства определением суда требование компании включено в реестр требований кредиторов общества (далее – реестр) с удовлетворением в третью очередь.

Впоследствии определением суда производство по делу о банкротстве общества прекращено на основании абзаца восьмого п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве (в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему).

Затем компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение определения суда, которым требование компании было включено в реестр.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа отказано.

Суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что законодательством не предусмотрена возможность выдачи судом исполнительного документа на принудительное взыскание задолженности, подтвержденной определением о включении этой задолженности в реестр, после прекращения производства по делу о банкротстве должника – юридического лица.

Суд округа признал этот вывод судов ошибочным, указав на то, что в случае прекращения производства по делу о несостоятельности организации с сохранением ее правоспособности не исключена возможность выдачи кредиторам-взыскателям исполнительного документа на основании определения суда об установлении его требования в деле о банкротстве.

Суд округа счел, что ошибочный вывод судов не привел к принятию неправильного судебного акта, так как требование компании, включенное в деле о банкротстве в реестр, основано на другом судебном акте – вступившем в законную силу решении суда по другому делу, по которому ранее уже был выдан исполнительный лист.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации согласилась с выводом арбитражного суда округа относительно того, что исходя из общих принципов процессуального законодательства исполнительный лист мог быть выдан компании.

Так, в п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ закреплен принцип недопустимости повторного рассмотрения уже разрешенного судом дела: суд обязан прекратить разбирательство по делу, если имеется вступивший в законную силу принятый по тождественному спору судебный акт арбитражного суда,

суда общей юрисдикции или компетентного суда иностранного государства (за исключением случаев, когда арбитражный суд отказал в признании и приведении в исполнение его решения).

При разрешении в рамках дела о банкротстве вопроса об обоснованности денежного требования кредитора суд исследует обстоятельства (факты), на которых кредитор основывает свое материально-правовое требование к должнику по связывающему их обязательству, определяя денежную сумму, подлежащую выплате кредитору.

В случае последующего прекращения производства по делу о несостоятельности должника и предъявления кредитором иска о взыскании с последнего той же задолженности, которая ранее уже была установлена арбитражным судом, спорящие стороны, предмет и основание второго иска совпадают с теми элементами, что были отражены кредитором в первом заявлении об установлении его требования, то есть имеет место тождество иска и заявления.

Принимая во внимание установленный процессуальным законом запрет повторения процесса, учитывая, что обеспечение исполнения судебного акта является неотъемлемой частью права на судебную защиту, на основании судебного определения о включении требования кредитора в реестр ему может быть выдан исполнительный лист в силу ч. 1 ст. 319 АПК РФ.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» в исполнительном документе должны быть указаны резолютивная часть судебного акта, содержащая, в частности, требование о возложении на должника обязанности по передаче взыскателю денежных средств.

В отсутствие прямого законодательного регулирования порядка выдачи исполнительного листа на основании определения о включении задолженности в реестр по аналогии подлежат применению положения абзаца второго п. 5 ст. 213²⁸ Закона о банкротстве, регулирующие случаи выдачи исполнительного листа при неосвобождении гражданина от долгов (ч. 6 ст. 13 АПК РФ), с учетом сложившейся практики их применения, закрепленной в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан». Вопрос о выдаче исполнительного листа по соответствующему требованию разрешается арбитражным судом по ходатайству кредитора в судебном заседании. По результатам разрешения данного ходатайства суд выносит определение, в резолютивной части которого возлагает на должника обязанность передать кредитору (взыскателю) денежные средства в сумме, ранее включенной в реестр,

за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в ходе процедур банкротства, и указывает на выдачу исполнительного листа.

Вместе с тем Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Арбитражный суд округа, сделав правильный вывод относительно поставленного компанией основного правового вопроса, ошибочно усмотрел тождество судебного решения, принятого по другому делу, которым с общества (лизингополучателя) в пользу компании (лизингодателя) взыскана неустойка по связывающему их договору лизинга и распределены судебные расходы, и судебного определения, которым установлено сальдо встречных обязательств лизингодателя и лизингополучателя по тому же договору лизинга в связи с его последующим расторжением и возвратом лизингодателю переданного в лизинг имущества.

При новом рассмотрении ходатайства о выдаче исполнительного листа суду надлежит проверить, погашался ли долг перед компанией после того, как было установлено ее требование в деле о банкротстве, и исходя из этого исчислить сумму, подлежащую передаче обществом.

Определение № 305-ЭС20-21887

19. Отказ от иска, совершенный должником в преддверии банкротства, может быть оспорен по банкротным правилам посредством обжалования судебного акта, которым он утвержден.

Компания обратилась в арбитражный суд с иском к предприятию о взыскании задолженности.

Определением суда первой инстанции принят отказ истца от иска, производство по делу прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Впоследствии компания (должник) была признана банкротом.

Полагая, что отказ от иска совершен в преддверии банкротства и прикрывает сделку по выводу активов должника, являющуюся недействительной в силу п. 2 ст. 61² Закона о банкротстве, общество – конкурсный кредитор должника обратилось в суд с апелляционной жалобой на определение суда первой инстанции.

Постановлениями арбитражного апелляционного суда и суда округа определение суда первой инстанции оставлено без изменений. Суды исходили из того, что отказ от иска подан уполномоченным лицом, а поскольку на момент отказа дело о банкротстве должника возбуждено не было, права третьих лиц не нарушены. Суд округа дополнительно указал, что основанием пересмотра судебного акта о принятии отказа от иска и прекращении производства по делу в исковом порядке является вновь открывшееся обстоятельство (гл. 37 АПК РФ).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и округа и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В преддверии банкротства должник в том числе может предпринимать действия, направленные на вывод своего имущества от принудительного взыскания, что влечет причинение вреда кредиторам должника, снижая вероятность погашения их требований.

Одним из инструментов защиты конкурсных кредиторов от противоправных действий должника-банкрота по искусственному уменьшению своей имущественной массы, обеспечивающей выполнение долговых обязательств, является предоставление ему права обжалования соответствующего судебного акта.

Общество, обращаясь с апелляционной жалобой на определение суда первой инстанции, указывало, что обжалуемый судебный акт затрагивает его интересы как кредитора истца в деле о банкротстве последнего. При этом ссылаясь на п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – постановление № 63), оспаривало отказ от иска как сделку по специальным банкротным основаниям, полагая, что подобное волеизъявление (правовой акт) накануне банкротства истца совершено в целях причинения вреда кредиторам и прикрывает внесудебное соглашение между ответчиком и должником, по условиям которого последний прощает предприятию значительную часть долга, а тот, в свою очередь, по распоряжению должника перечисляет оставшуюся часть долга на счета третьих лиц. Такие действия сторон, по мнению общества, позволили должнику оперативно получить от ответчика защищенные от кредиторского взыскания денежные средства, а ответчику – уменьшить свою задолженность перед истцом.

По смыслу ст. 61¹ Закона о банкротстве перечень юридических действий, которые могут быть оспорены в рамках дела о банкротстве, не ограничен исключительно понятием «сделки», предусмотренным ст. 153 ГК РФ. К числу подобных фактов могут быть отнесены действия, направленные на исполнение любых обязательств должника; совершенные третьими лицами сделки за счет должника (пп. 1 и 2 постановления № 63); ненормативные правовые акты, оформляющие сделки по отчуждению имущества или прекращению имущественных прав должника (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2008 г. № 10984/08) и проч.

Разрешая вопрос о допустимости оспаривания кредитором отказа находящегося с ним в обязательственных отношениях несостоятельного лица от иска к контрагенту, необходимо определить, может ли такое действие

негативно повлиять на конкурсную массу и, как следствие, на имущественные права кредиторов.

Последствием отказа от иска и его принятия судом является недопустимость повторного обращения в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям (ч. 3 ст. 151 АПК РФ). Иными словами, истец утрачивает свое материальное субъективное право в правоотношениях с ответчиком и, соответственно, те экономические блага, которые являются содержанием этого права.

Таким образом, очевидно, что отказ от иска объективно влияет на состояние конкурсной массы должника в ущерб интересам его кредиторов, а потому подобное действие может быть оспорено по банкротным правилам с соблюдением процессуальной формы, предполагающей оспаривание сделки через обжалование судебного акта, которым эта сделка утверждена.

Указанный порядок обжалования по своей функциональности в отличие от механизма обжалования (пересмотра), закрепленного в гл. 37 АПК РФ, предполагает возможность приведения новых доводов и представления новых доказательств.

Определение № 305-ЭС21-1766 (1)

20. Факт причинения вреда корпорации лицом, уполномоченным выступать от ее имени, не может быть признан установленным, если никто из участников (контролирующих лиц) корпорации не понес убытки при условии, что не затронуты права иных заинтересованных лиц (кредиторов, работников и т.д.).

Гражданин Я. являлся единоличным исполнительным органом фирмы.

Между фирмой (покупатель) в лице гражданина Я. и компанией (продавец) заключен предварительный договор купли-продажи техники. Договор заключен на условиях авансирования, именуемого в тексте договора как «положительный баланс».

Впоследствии между данными сторонами заключен договор купли-продажи, подписанный от имени фирмы гражданином С. на основании доверенности. Товары были оплачены покупателем.

В рамках дела о банкротстве должника – гражданина Я. фирма обратилась с заявлением о включении в реестр требования о возмещении убытков, ссылаясь на то, что цена указанного товара (техники) была намеренно завышена с целью формирования переплаты аванса. При этом образовавшейся разницей должник (руководитель фирмы) распорядился по своему усмотрению: часть денежных средств перечислена обществам, участником которых является гражданин Я., а другая часть предоставлена компании в качестве займа.

Определением суда первой инстанции требование фирмы включено в третью очередь реестра требований кредиторов должника. Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, определение суда первой инстанции изменено в части установления размера взыскиваемых убытков.

При принятии решения суды исходили из того, что требования фирмы о взыскании убытков подтверждены, поскольку в материалах дела имеются письма от имени должника, адресованные обществам и компании, о необходимости возврата денежных средств на его расчетный счет. Возражения должника о фальсификации писем отклонены в связи с тем, что подлинность его подписи на указанных письмах подтверждена заключением эксперта в рамках уголовного дела. Судами также учтены показания свидетеля – главы компании в рамках уголовного дела, согласно которым по указаниям гражданина Я. в пользу обществ осуществлялось перечисление денежных средств.

Отклоняя возражения должника о пропуске срока исковой давности фирмой, суды отметили, что о факте причинения убытков фирма в лице нового руководителя узнала только из письма главы компании. При этом суды обратили внимание на недоказанность того, что после ухода гражданина Я. с должности руководителя у фирмы имелась реальная возможность узнать о распоряжении должником спорными денежными средствами и об их выводе на счета подконтрольных ему иностранных компаний.

Судами также отклонен довод должника об осведомленности гражданина С. как лица, подписавшего договор купли-продажи, обо всех обстоятельствах совершения сделки, поскольку не имеется доказательств его осведомленности о негласных договоренностях руководителей сторон сделки.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по спору судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в связи со следующим.

В рамках данного спора фирмой заявлено требование о взыскании убытков с гражданина Я. как ее бывшего руководителя. К подобной категории споров применяются общие положения гражданского законодательства (ст. 53, 56 ГК РФ в редакции до принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ, поскольку вменяемые гражданину Я. действия совершались в 2012–2013 годах), специальные нормы корпоративного законодательства (ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»), а также разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля

2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

По мнению истца, доводы которого поддержаны судами, гражданин Я., пользуясь положением руководителя, причинил убытки фирме следующим образом: фактически присвоил часть денежных средств, выделенных на приобретение оборудования по внешнеторговому контракту, посредством завышения цены и перечисления переплаты в пользу подконтрольных ему организаций.

Факт несоответствия рыночной цены оборудования соответствующим условиям внешнеторгового соглашения установлен судами.

Вместе с тем для вывода о том, что в результате подобного завышения фирме действительно причинены убытки, необходимо подтвердить факт уменьшения ее имущественной массы вследствие поведения директора.

Как указывал должник и не оспаривалось иными участвующими в деле лицами, в спорный период фирма (несмотря на то, что формально ее участниками были офшорные структуры) была подконтрольна двум лицам – гражданину Я. и гражданину С. Фирма использовалась названными физическими лицами для осуществления совместной деятельности, ведения общего бизнес-проекта. Должник также отмечал, что в фирме фактически была реализована модель управления, предполагающая существование двух директоров: формально гражданин Я. являлся единственным руководителем, гражданин С. же действовал от имени общества по доверенности. В частности, именно гражданином С. подписан спорный внешнеторговый контракт, невыгодность которого вменяется гражданину Я. в рамках данного обособленного спора.

Впоследствии, как отмечал гражданин Я., между бизнес-партнерами произошел корпоративный конфликт, в результате которого начались многочисленные судебные споры, и гражданин Я. был вынужден эмигрировать. В связи с этим фирма перешла под управленческий контроль гражданина С. Само дело о банкротстве и, в частности, настоящий обособленный спор, по мнению гражданина Я., обусловлены возникшим между сторонами корпоративным конфликтом.

Названные доводы в нарушение положений ст. 71, 168, 170 АПК РФ не проверены судами, в то время как они имели существенное значение для правильного разрешения спора. При обоснованности названных доводов Судебная коллегия исходит из следующего.

Несмотря на то, что корпорация предполагает обособление имущества участников (акционеров) для ведения предпринимательской деятельности и является самостоятельным участником гражданского оборота, следует исходить из того, что преимущественно интересы корпорации сводятся именно к интересам всех ее участников и обусловлены ими. С необходимостью реализации общих интересов участников и достижением

общей цели и связывается создание участниками самой корпорации. Указанная позиция нашла отражение в судебной практике (п. 17 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г.).

Таким образом, в ситуации причинения корпорации вреда предполагается, что одновременно именно ее участники понесли убытки. Соответственно, в опровержение факта причинения вреда корпорации может быть выдвинут довод о том, что в результате вменяемых действий сами участники не пострадали (либо совершение спорных действий было одобрено участниками). Названный довод может быть принят во внимание, по крайней мере, в ситуации, когда не нарушены права иных заинтересованных лиц (кредиторов корпорации, ее работников, общества и т.д.).

Применительно к обстоятельствам данного дела это означает следующее. При наличии корпоративного конфликта гражданин Я. (как один из двух контролирующих лиц) мог причинить вред фирме только посредством причинения вреда второму контролирующему лицу – гражданину С.

Вместе с тем гражданин Я. при рассмотрении данного обособленного спора отмечал, что мажоритарная доля в обществах, которым была перечислена сумма переплаты, принадлежит не семье гражданина Я., а гражданину С. и членам его семьи, о чем свидетельствуют имеющиеся в материалах дела выписки о составе участников. Однако судами в нарушение положений ст. 71, 168, 170 АПК РФ названный довод также не проверен.

Напротив, суд первой инстанции сослался (абзац третий с. 22 определения) на то, что в материалы дела представлены копии договоров купли-продажи долей в уставном капитале общества, подтверждающие показания главы компании о приобретении должником и членами его семьи долей в указанных обществах. Однако из содержания представленных фирмой в материалы дела договоров следует, что предметом купли-продажи являлись три из восьми долей в обществах, составляющие 9/25 их уставного капитала. В то же время договоры в отношении иных прав участия фирмой не представлены, равным образом и судами не устанавливались владельцы остальных долей названных обществ, которыми, по мнению гражданина Я., являлись гражданин С. и члены его семьи.

При установленной обоснованности указанного довода следует, что сумма переплаты по договору была изъята из имущественной массы фирмы, подконтрольной гражданину Я. и гражданину С., и впоследствии переведена обществам, также подконтрольным им, в связи с чем факт

причинения вреда фирме не может быть признан установленным, так как никто из ее участников (контролирующих лиц) не понес убытки.

По этой же причине являются преждевременными и выводы судов в части применения правил об исковой давности. Суды исходили из того, что гражданин С. как второй участник должника не знал о негласных договоренностях руководителей сторон внешнеторгового контракта по поводу завышения цены оборудования. Вместе с тем, если переплата была перечислена в пользу подконтрольных гражданину С. обществ, то данный вывод является ошибочным, тем более что и от имени фирмы (как покупателя) подписывал спорный контракт именно гражданин С.

Таким образом, выводы судов о наличии оснований для привлечения гражданина Я. как бывшего руководителя фирмы к ответственности сделаны в отсутствие установления обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора.

Определение № 308-ЭС21-1740

21. Процесс обращения взыскания на заложенное имущество может опосредоваться цепочкой нескольких взаимосвязанных сделок, в результате которых кредитор приобретает право собственности на это имущество и утрачивает право требования к должнику. Такая цепочка сделок, опосредующая внесудебное обращение взыскания на предмет залога, не может быть признана недействительной по признакам причинения вреда имущественным правам кредиторов (ст. 61² Закона о банкротстве), если размер денежных требований залогового кредитора превышал стоимость заложенного имущества.

Банк на основании кредитных договоров предоставил юридическим лицам кредиты. Должник в обеспечение исполнения обязательств по возврату кредитов выдал поручительство, а также передал спорное недвижимое имущество – здания и право аренды земельного участка под ними в залог.

В дальнейшем были совершены следующие действия:

- должник внес здания и право аренды земельного участка в уставной капитал общества, получив взамен 99,6279 % долей этого общества (остальные 0,3721 % переданы гражданину Д.);
- должник продал 99,6279 % долей этого общества компании;
- компания продала 99,6279 % долей общества доверительному управляющему – паевому инвестиционному фонду;
- компания приобрела у банка права требования по кредитным договорам (и обеспечительным сделкам);
- банк и компания подали заявления о переводе прав залогодержателя спорной недвижимости от банка к компании, а также о прекращении

ипотеки; внесение изменений в отношении личности залогодержателя зарегистрировано; внесена запись о прекращении ипотеки;

– доверительный управляющий приобрел у гражданина Д. оставшуюся часть долей общества и стал единственным участником этого общества;

– в процедуре ликвидации общество передало здания доверительному управляющему в качестве ликвидационной квоты;

– спорные здания внесены доверительным управляющим в уставной капитал фирмы;

– между Департаментом городского имущества субъекта РФ и фирмой заключено дополнительное соглашение к договору аренды земельного участка, в соответствии с которым права и обязанности арендатора по договору аренды земельного участка перешли к фирме.

Полагая, что спорные сделки совершены при неравноценном встречном исполнении в целях причинения вреда правам кредиторов должника, конкурсные кредиторы, ссылаясь на положения пп. 1 и 2 ст. 61² Закона о банкротстве, ст. 10 и 168, 170 ГК РФ, обратились в арбитражный суд с заявлениями по данному обособленному спору.

Разрешая спор, суд первой инстанции руководствовался положениями ст. 61², 61³ и 138 Закона о банкротстве и исходил из того, что совокупность спорных сделок фактически свидетельствует о внесудебном обращении взыскания на заложенное имущество. Суд отметил, что банк имел приоритетное перед иными кредиторами залоговое требование в отношении спорного имущества; все иные кредиторы должника, даже в отсутствие оспариваемых сделок, не имели законных оснований и возможности для удовлетворения своих требований за счет этого имущества (стоимость которого была меньше размера кредитной задолженности), что опровергает доводы о вредоносности оспариваемых сделок.

Помимо этого, истцами приводились доводы о том, что по итогам цепочки сделок права по кредитным договорам (и обеспечительным сделкам) были уступлены компании, которая уступила их впоследствии иному юридическому лицу (его требования включены в реестр должника). Истцы указывали на то, что размер включенных в реестр денежных требований по кредитам не был уменьшен кредитором на сумму, соответствующую стоимости заложенного имущества, на которое обращено взыскание, что является недобросовестным. Однако судом первой инстанции отклонены названные доводы истцов на основании того, что исходя из отчета конкурсного управляющего иное имущество (помимо переданного в залог банку) у должника отсутствовало, в связи с чем суд счел указанные доводы кредиторов не имеющими правового значения.

Суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил, указав, что оспариваемые сделки в своей совокупности представляли цепочку притворных сделок, целью внесения имущества

должником в общество не являлось участие в обществе для совместного осуществления деятельности и извлечения прибыли, выбытие из собственности должника всего недвижимого имущества по заниженной цене (3 млн руб., в то время как компания продала долю в обществе доверительному управляющему за 1,8 млрд руб.) привело к невозможности удовлетворения требований его кредиторов.

Суд решил, что переход права собственности на объекты недвижимости должника в пользу фирмы через корпоративные сделки в обществе и прямую сделку по передаче прав аренды земельного участка свидетельствует о фактической аффилированности между должником, обществом, фирмой, доверительным управляющим и банком. По мнению суда апелляционной инстанции, такая аффилированность при наличии убытков на стороне должника свидетельствует о том, что заинтересованными (контролирующими) лицами был фактически создан новый центр прибылей – утраченные активы (объекты недвижимости) внесены в уставный капитал вновь созданной фирмы.

При этом суд апелляционной инстанции счел ошибочными выводы суда первой инстанции об отсутствии вреда, причиненного интересам кредиторов должника, в связи с реализацией прав залогового кредитора в отношении спорного имущества. Суд отметил, что, по общему правилу, обращение взыскания на заложенное имущество должно было привести к погашению основного кредитного обязательства в размере не ниже рыночной стоимости такого имущества. Вместе с тем в реестр включены требования лица в полном объеме.

В итоге суд пришел к выводу об отсутствии разумных экономических мотивов со стороны ответчиков при совершении цепочки оспариваемых сделок, которые, по мнению суда апелляционной инстанции, в действительности были направлены на вывод активов из конкурсной массы: банк получил контроль над спорным имуществом через корпоративное участие в предприятии и фирме, при этом основные обязательства были сохранены в первоначальном виде. При таких условиях суд апелляционной инстанции удовлетворил заявленные требования, признав ничтожным переход прав собственности на здания и права аренды земельного участка от должника к доверительному управляющему, обязав вернуть имущество в конкурсную массу.

Впоследствии выводы суда апелляционной инстанции были поддержаны судом округа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по спору судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Ключевым аспектом при рассмотрении данного спора являлся вопрос о квалификации совокупности оспариваемых сделок. Суд первой инстанции

пришел к выводу, что данные сделки представляли собой многоступенчатый процесс обращения взыскания банком на заложенное имущество, в то время как суды апелляционной инстанции и округа оценили названные сделки как направленные на недобросовестный вывод имущества должника во вред иным кредиторам.

В подобной ситуации, когда отношения сторон являются сложно структурированными и опосредуются чередой запутанных и связанных между собой сделок, правильная квалификация совокупности юридически значимых действий сторон должна осуществляться посредством сопоставления фактических обстоятельств, имевших место до инициирования оспариваемых действий, и обстоятельств, возникших после совершения сторонами всех операций.

В данном случае до совершения первой оспариваемой сделки (передачи недвижимого имущества обществу в качестве взноса в уставный капитал) банк имел денежное требование к должнику, которое было обеспечено залогом спорного имущества. При этом, как установлено судами и не оспаривается участвующими в деле лицами, по завершении последней из оспариваемых операций залоговое имущество было включено в состав доверительного управляющего – паевого инвестиционного фонда, единственным пайщиком которого является банк.

Согласно п. 3 ст. 11 Федерального закона от 29 ноября 2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности.

Соответственно, с учетом того факта, что банк являлся единственным пайщиком, следует заключить, что имущество перешло в его собственность. Помимо этого, по итогам совершения спорных операций банк утратил денежные требования к группе компаний, к которой принадлежал должник.

Таким образом, имелись веские основания полагать, что в результате совершения цепочки оспариваемых сделок произошло внесудебное обращение взыскания на залог посредством передачи заложенного имущества в собственность залогового кредитора.

Вывод об обратном (в частности, что имели место самостоятельное приобретение банком объектов недвижимости посредством покупки доли в уставном капитале общества и самостоятельная купля-продажа прав требования по кредиту входящими в группу должника компаниями, на что указывал один из конкурсных кредиторов) возможен при условии раздельной квалификации оспариваемых сделок. В то же время суды трех инстанций правомерно сослались на их взаимосвязанность, так как данные сделки заключены в короткий промежуток времени, опосредовали перемещение

между сторонами одних и тех же объектов недвижимого имущества, имели единую цель и общую направленность.

Отклоняя доводы ответчиков относительно правовой природы спорных сделок, суды апелляционной инстанции и округа отметили, что обращение взыскания на спорное имущество не могло иметь места, поскольку в итоге сумма уступленных цессионариям денежных прав по кредитам не была уменьшена на стоимость заложенного имущества (о чем свидетельствует последующее включение требований цессионария в реестр в полном объеме).

Действительно, по смыслу п. 3 ст. 334 ГК РФ при реализации залогодержателем своих прав в отношении заложенного имущества осуществляется соразмерное погашение основного обязательства, что в данном случае не произошло. Однако, возражая против этого вывода, представители фирмы и доверительного управляющего указывали, что денежные права требования были уступлены лицам, которые не относятся к группе банка, а, напротив, входят в группу компаний заемщиков, как установлено судом первой инстанции. При этом судами апелляционной инстанции и округа названные доводы и выводы суда первой инстанции не были опровергнуты, равным образом истцы также не привели возражений относительно указанных фактов. Исходя из этого действия цессионариев по предъявлению ко включению в реестр требований в полном объеме не могут противопоставляться группе банка и в любом случае сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности последнего как залогодержателя.

Выводы же судов апелляционной инстанции и округа привели к тому, что негативные последствия незаконного поведения цессионариев были возложены на банк и связанных с ним лиц. Равным образом с учетом лишения банка статуса залогового кредитора в результате применения реституции основная часть вырученных от продажи имущества средств будет направлена именно цессионариям (то есть фактически обогатится группа заемщиков, передавших изначально недвижимость в залог), что не соответствует целям и задачам справедливого судебного разбирательства.

Кроме того, вывод судов апелляционной инстанции и округа о злоупотреблении со стороны группы банка базировался на его аффилированности с группой заемщика через корпоративное участие в обществе, на это же ссылались конкурсные кредиторы. Однако данный вывод входит в противоречие с установленными самими судами фактическими обстоятельствами: как указано выше, компания продала 99,627 % долей общества в пользу доверительного управляющего. Следовательно, факт одновременного корпоративного участия в упомянутом обществе банка (или членов его корпоративной группы) и лиц, входящих в группу заемщика, не подтверждается; напротив, произошло перемещение (трансфер) актива (доли в уставном капитале и, соответственно, спорной

недвижимости) из одной группы в другую. Заключение же сделки купли-продажи само по себе никак не может подтверждать аффилированность сторон при отсутствии иных условий, указывающих на их связанность.

По этим же причинам являются ошибочными выводы судов апелляционной инстанции и округа, которые, квалифицируя спорные сделки, рассматривали факт погашения ипотеки в отношении спорного имущества (по заявлению должника и цессионария компании) как обстоятельство, которое бы наступило в любом случае. Вместе с тем очевидно, что любой разумный кредитор, чьи требования обеспечены залогом, не даст согласия снять обременение до тех пор, пока не состоялось удовлетворение его требований. Соответственно, прекращение ипотеки в отношении спорного имущества может быть объяснено исключительно одновременным перемещением доли в обществе (которое владело недвижимостью) в группу банка. В результате таких действий данная группа оставляла у себя предмет залога, отказываясь от иных денежных прав по кредиту (ввиду отсутствия у должника иных активов). Вопреки выводам судов апелляционной инстанции и округа залог не мог прекратиться до тех пор, пока кредитору не была предоставлена экономически ценная компенсация за невозвращенный кредит.

Исходя из этого, Судебная коллегия соглашается с судом первой инстанции, который указал, что фактически имело место обращение взыскания на заложенное имущество, в связи с чем именно эта сделка подлежала проверке с точки зрения пороков недействительности.

Квалифицируя такую сделку на предмет наличия у нее признаков причинения вреда (ст. 61² Закона о банкротстве) или злоупотребления правом (ст. 10 и 168 ГК РФ), необходимо сопоставить размер денежных требований кредитора со стоимостью заложенного имущества, на которое обращено взыскание. Суд первой инстанции установил (и судами апелляционной инстанции и округа данный факт не опровергнут), что размер задолженности заемщиков и поручителя по кредиту существенно превышал стоимость заложенного имущества, в силу чего не имелось условий для вывода о наличии у сделки признаков вреда, в том числе ее направленности на недобросовестный (то есть лишенный разумного экономического основания) вывод активов. Неравноценность встречного исполнения если и имела место, то по отношению к банку, но никак не в отношении кредиторов должника.

Таким образом, суд первой инстанции правомерно счел ошибочными доводы о необходимости применения положений ст. 61² Закона о банкротстве либо ст. 10 и 168 ГК РФ. Суды же апелляционной инстанции и округа в результате неправильной квалификации природы оспариваемой цепочки сделок пришли к ошибочному выводу и в части наличия у данных сделок признаков причинения вреда конкурсным кредиторам должника.

В то же время нельзя согласиться с выводами суда первой инстанции об отказе в признании цепочки сделок недействительной в полном объеме.

Как разъяснено в абзаце втором п. 9.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – постановление № 63), если сделка с предпочтением была совершена в течение шести месяцев до принятия заявления о признании банкротом или после принятия этого заявления, то для признания ее недействительной достаточно обстоятельств, указанных в ст. 61³ Закона о банкротстве, а потому доказывания иных обстоятельств, определенных п. 2 ст. 61² (в частности, цели причинить вред), не требуется.

Дело о банкротстве должника возбуждено 27 мая 2015 г. Оспариваемая цепочка сделок совершена преимущественно в период с марта по июнь 2015 года, что соответствует периодам подозрительности, установленным положениями ст. 61³ Закона о банкротстве. Следовательно, данная совокупность сделок могла быть оспорена, как направленная на оказание предпочтения отдельному кредитору.

С учетом отсутствия у должника кредиторов первой и второй очереди в силу положений пп. 2 и 2¹ ст. 138 Закона о банкротстве банку как залоговому кредитору при обращении взыскания в процедуре несостоятельности было бы выплачено до 95 % от стоимости заложенного имущества. Следовательно, банк не может считаться получившим предпочтение в этой части (п. 29³ постановления № 63, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2018 г. № 305-ЭС17-3098(2)).

Последствием недействительности взаимосвязанных сделок могло бы стать взыскание с банка не более 5 % от стоимости недвижимости, что ошибочно не учтено судом первой инстанции. При этом с возможностью признания сделки недействительной в части 5 % соглашались и податели кассационных жалоб, на это же ссылался и конкурсный управляющий.

Суды же апелляционной инстанции и округа в результате применения реституции и вовсе обязали вернуть в конкурсную массу всю спорную недвижимость без восстановления банка в правах залогового кредитора, тем самым фактически лишив залог экономического смысла и ценности как таковых, нивелировав его обеспечительную функцию.

При новом рассмотрении в целях полного и всестороннего разрешения спора, применения реституции суду первой инстанции следует решить вопрос о необходимости привлечения банка (как лица, обратившего взыскание на залог) и фирмы (как нынешнего собственника недвижимости) к участию в обособленном споре в качестве соответчиков. Кроме того, суду следует установить действительную рыночную стоимость заложенного

имущества (без учета обременения) в период совершения банком действий по обращению взыскания на залог и, исходя из этого, разрешая вопрос о признании сделки недействительной в части получения кредитором 5 %, определить точную сумму, подлежащую взысканию в порядке реституции. Кроме того, необходимо отметить, что судебный акт об отказе в признании сделки недействительной в части 95 % стоимости заложенного имущества может являться основанием для пересмотра по новым обстоятельствам определения о включении в реестр требования цессионария в указанной части.

Определение № 305-ЭС21-3961 (1-3)

22. Положения о банкротстве отсутствующего должника применяются не только в ситуации невозможности установления местонахождения его руководителя (его отсутствия), но и при наличии специальных условий, предусмотренных ст. 230 Закона о банкротстве.

Уполномоченный орган обратился с заявлением о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника в соответствии со ст. 230 Закона о банкротстве.

В обоснование заявления уполномоченный орган указал на наличие непогашенной кредиторской задолженности, отсутствие движимого и недвижимого имущества, невозможность установления местонахождения должника, а также неосуществление должником предпринимательской деятельности.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции и округа, в удовлетворении заявления о признании общества банкротом по упрощенной процедуре отсутствующего должника отказано. Суды исходили из того, что должник не отвечает признакам отсутствующего юридического лица, поскольку получает почтовые уведомления по адресу места жительства генерального директора. Кроме того, суд указал, что отсутствие зарегистрированных за должником прав на имущество не свидетельствует об отсутствии у него такого имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Параграфом 2 гл. XI Закона о банкротстве установлены особенности банкротства отсутствующего должника.

В соответствии с п. 1 ст. 227 Закона о банкротстве заявление о признании отсутствующего должника банкротом может быть подано конкурсным кредитором, уполномоченным органом независимо от размера кредиторской задолженности в случаях, если гражданин-должник или

руководитель должника – юридического лица, фактически прекратившего свою деятельность, отсутствуют или установить место их нахождения не представляется возможным.

Положения, предусмотренные параграфом 2 гл. XI Закона о банкротстве, применяются также в случае, если имущество должника – юридического лица заведомо не позволяет покрыть судебные расходы в связи с делом о банкротстве или если в течение последних двенадцати месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом не проводились операции по банковским счетам должника, а также при наличии иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника (ст. 230 Закона о банкротстве).

В процессе рассмотрения дела судом первой инстанции установлен факт получения почтовых уведомлений по адресу места жительства генерального директора должника, что исключало применение положений ст. 227 Закона о банкротстве, но не препятствовало проверке наличия (отсутствия) у общества признаков отсутствующего должника, предусмотренных ст. 230 этого закона, на которые ссылался уполномоченный орган.

Для применения ст. 230 Закона о банкротстве достаточно одного из приведенных в ней оснований:

- отсутствие имущества должника или денежных средств, необходимых для введения банкротства;
- отсутствие операций по банковским счетам должника в течение последних двенадцати (12) месяцев;
- наличие иных признаков, свидетельствующих об отсутствии предпринимательской или иной деятельности должника.

В подтверждение доводов уполномоченный орган представил доказательства отсутствия должника по адресу регистрации и ведения операций по расчетному счету; промежуточную налоговую отчетность за год с нулевыми значениями; сведения из соответствующих органов в отношении движимого и недвижимого имущества; прекращенные исполнительные производства по основаниям п. 3 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях).

Вместе с тем проверка доводов уполномоченного органа и правовая оценка представленных им доказательств имеет существенное значение для возможности введения упрощенной процедуры отсутствующего должника по основаниям ст. 230 Закона о банкротстве с учетом того, что должник

не выполнил определение суда первой инстанции по представлению доказательств, не являлся в судебные заседания ни одной из инстанций.

Какие-либо возражения должника, опровергающие доводы уполномоченного органа, в материалах дела отсутствуют.

Судебная коллегия считает необходимым отметить, что в соответствии со ст. 55 Закона о банкротстве решение арбитражного суда об отказе в признании должника банкротом принимается в случае отсутствия признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 названного закона, а также в иных предусмотренных Законом о банкротстве случаях.

В силу п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены.

В заявлении о банкротстве уполномоченный орган сослался на наличие у общества задолженности по обязательным платежам, образовавшейся ранее чем за три месяца до обращения в арбитражный суд с данным заявлением.

Условия, позволяющие сделать вывод об отсутствии у должника признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 Закона о банкротстве, судом первой инстанции не установлены, иные предусмотренные Законом о банкротстве основания для принятия решения об отказе в признании должника банкротом не выявлены.

В связи с изложенным выводы суда о наличии оснований для принятия решения об отказе в признании должника банкротом следует признать преждевременными, основанными на неправильном применении норм Закона о банкротстве.

Если при рассмотрении вопроса о признании должника банкротом по упрощенной процедуре суд приходит к выводу об отсутствии признаков отсутствующего должника, то следует поставить перед заявителем вопрос о возможности продолжения рассмотрения дела в общем порядке (введении процедуры наблюдения, возможности возложения расходов на заявителя по делу и т.д.). В случае отказа заявителя от применения иной процедуры производство по делу подлежит прекращению.

Определение № 303-ЭС21-5541

23. Конкурсный кредитор при обжаловании судебного акта о взыскании с должника денежных средств вправе представлять новые доказательства и доводы в обоснование своей позиции.

Администрация (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды земельного участка в целях жилищного строительства.

Ссылаясь на неисполнение надлежащим образом обязанности по внесению арендной платы, арендодатель обратилась в суд с иском к арендатору о взыскании задолженности. Обществом был предъявлен встречный иск о взыскании с администрации убытков.

Решением суда первой инстанции требование администрации удовлетворено, в удовлетворении встречного иска обществу отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение оставлено без изменения.

Впоследствии арбитражный суд признал общество несостоятельным (банкротом) и открыл конкурсное производство.

Конкурсный кредитор общества в порядке п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление Пленума ВАС РФ № 35) обратился в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции. В своем заявлении конкурсный кредитор ссылаясь на то, что при принятия решения о взыскании задолженности по арендной плате суд не учел, что договор аренды, на котором основано требование администрации, прекратил свое действие до начала спорного периода, в отношении которого администрацией заявлено требование о взыскании задолженности, поскольку земельный участок перешел в общую долевую собственность собственников помещений многоквартирного дома, возведенного на этом участке. Конкурсный кредитор также указал: поскольку требования администрации являются необоснованными, то включение данных требований в реестр требований кредиторов общества-банкрота повлечет увеличение размера имущественных требований к должнику и уменьшение причитающейся остальным кредиторам доли при распределении конкурсной массы.

Апелляционный суд отказал в удовлетворении заявления конкурсного кредитора. Суд исходил из того, что заявитель в апелляционной жалобе не привел доводов о недействительности сделки или представлении администрации недопустимых доказательств, а представление новых доказательств не может служить основанием для пересмотра решения по правилам гл. 37 АПК РФ.

Арбитражный суд округа оставил постановление суда апелляционной инстанции в силе, признав выводы апелляционного суда правильными.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Вводный закон), п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ, п. 2 ст. 36 ЗК РФ в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г., а также в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в существующей застройке поселений земельный участок, на котором расположены многоквартирный дом и иные входящие в состав такого дома объекты недвижимого имущества, является общей долевой собственностью собственников помещений в многоквартирном доме.

Часть 2 ст. 23 действовавшего в спорный период Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» предусматривала, что при государственной регистрации права собственности на помещение в многоквартирном доме одновременно регистрируется и неразрывно связанное с ним право общей долевой собственности на общее имущество.

В п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» разъяснено следующее: при разрешении споров, касающихся земельных участков, переданных в аренду для целей строительства многоквартирных жилых домов, судам надлежит учитывать, что в силу ч. 1 ст. 16 Вводного закона и ч. 1 ст. 36 ЖК РФ с момента регистрации права собственности первого лица на любое из помещений в многоквартирном доме соответствующий земельный участок поступает в долевую собственность собственников помещений в многоквартирном доме, а договор аренды этого участка прекращается на основании ст. 413 ГК РФ независимо от того, в частной или в публичной собственности находился переданный в аренду земельный участок.

С учетом приведенных норм права и разъяснений в данном случае прекращение договора аренды имело место до того спорного периода, за который администрация взыскивала задолженность, однако об этом обстоятельстве стало известно конкурсному кредитору ответчика только с момента получения выписки из ЕГРН.

Кредитор не был участником дела при вынесении решения судом первой инстанции и не мог знать о наличии данного доказательства.

Решение суда первой инстанции нарушает права и законные интересы конкурсного кредитора, поскольку права и законные интересы должника

защищались ненадлежащим образом, что привело к необоснованному взысканию с него денежных средств.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование (в частности, если они считают, что оно является необоснованным по причине недостоверности доказательств либо ничтожности сделки), то на этом основании они, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать в общем установленном процессуальным законодательством порядке указанный судебный акт. При этом в случае пропуска ими срока на его обжалование суд вправе его восстановить с учетом того, когда подавшее жалобу лицо узнало или должно было узнать о нарушении его прав и законных интересов. Копия такой жалобы направляется ее заявителем представителю собрания (комитета) кредиторов (при его наличии), который также извещается судом о рассмотрении жалобы. Все конкурсные кредиторы, требования которых заявлены в деле о банкротстве, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы. Повторное обжалование названными лицами по тем же основаниям того же судебного акта не допускается.

Из приведенных разъяснений не следует, что конкурсный кредитор, полагавший, что его права и законные интересы нарушены судебным актом, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, может ссылаться только на недостоверность представленных сторонами при рассмотрении спора доказательств либо на ничтожность сделки.

Напротив, конкурсные кредиторы, обжалуя судебный акт, об ошибочном, по их мнению, взыскании денежных средств с должника, могут представить новые доказательства и заявить новые доводы.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-12643, обжалование кредитором (или арбитражным управляющим) судебных актов по правилам п. 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35, который полагает, что судами произведено ошибочное взыскание денежных средств с должника, является одним из выработанных судебной практикой правовых механизмов обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

Вступление в дело лиц, обращавшихся с жалобой в порядке п. 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и желавших представить новые доказательства, должно осуществляться по правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной

инстанции (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»).

При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии (ч. 5 ст. 3 АПК РФ) применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не исключают правовую природу обжалования судебных актов в порядке п. 24 постановления Пленума ВАС РФ № 35 и не препятствуют представлению новых доводов и доказательств.

Определение № 305-ЭС21-2159

Практика применения законодательства о юридических лицах

24. Повторная процедура исключения из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) юридического лица как недействующего не может быть инициирована регистрирующим органом до истечения 12-месячного срока со дня прекращения предыдущей процедуры исключения того же юридического лица.

Общество (взыскатель) обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решения и действий инспекции по внесению записи о прекращении деятельности юридического лица, доля в уставном капитале которого передана по судебному акту обществу, и об обязанности восстановить нарушенные права заявителя.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявления отказано. Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций решение оставлено в силе.

Суды, руководствуясь положениями ст. 64² ГК РФ, ст. 21¹ Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ), исходили из того, что инспекцией соблюдены требования указанного закона, мотивированное заявление относительно исключения юридического лица из реестра в установленном порядке в регистрирующий орган не было направлено, действия регистрирующего органа соответствуют требованиям закона и не нарушают права заявителя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты, требования общества удовлетворила, указав следующее.

Решение о предстоящем исключении должно быть опубликовано в органах печати, в которых публикуются данные о государственной регистрации юридического лица, в течение трех дней с момента принятия

такого решения. Одновременно с решением о предстоящем исключении должны быть опубликованы сведения о порядке и сроках направления заявлений недееспособным юридическим лицом, кредиторами или иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются в связи с исключением недееспособного юридического лица из ЕГРЮЛ (далее – заявления), с указанием адреса, по которому могут быть направлены заявления (п. 3 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ).

В силу п. 4 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ заявления должны быть мотивированными и могут быть направлены или представлены по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, в срок не позднее чем три месяца со дня опубликования решения о предстоящем исключении. Эти заявления следует представить в регистрирующий орган способами, указанными в п. 6 ст. 9 Закона № 129-ФЗ. В таком случае решение об исключении недееспособного юридического лица из единого государственного реестра юридических лиц не принимается.

Из приведенных выше положений п. 4 ст. 21¹ Закона № 129-ФЗ следует запрет на исключение недееспособного юридического лица из реестра в случае направления/представления в установленном п. 3 данной статьи порядке заявления кредитора. При этом повторная процедура не может быть инициирована регистрирующим органом в соответствии с п. 1 той же статьи до истечения 12 месяцев со дня прекращения предыдущей процедуры.

Согласно материалам дела до принятия регистрирующим органом обжалуемого в указанном деле решения и совершения оспариваемых действий инспекцией принималось решение о предстоящем исключении юридического лица из ЕГРЮЛ в административном порядке. На основании поданных обществом возражений процедура исключения общества из реестра не была завершена.

Таким образом, повторная процедура исключения из ЕГРЮЛ этого же юридического лица как недееспособного не может быть инициирована регистрирующим органом до истечения 12-месячного срока со дня прекращения предыдущей процедуры.

Определение № 305-ЭС21-2734

Практика применения гражданского законодательства

25. Арендная плата не подлежит взысканию в случае, когда арендатор не имел возможности использовать участок по назначению по причине, за которую он не отвечает.

Департамент (арендодатель) обратился в арбитражный суд с иском к жилищно-строительному кооперативу (арендатору) о взыскании задолженности по договору аренды, неустойки и расторжении договора.

Решением суда первой инстанции иски удовлетворены.

Постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций решение оставлено без изменения. При рассмотрении спора суды, признав наличие на стороне ответчика задолженности по уплате арендной платы за спорный период, проверив расчет истца и признав его верным, руководствуясь положениями ст. 309, 310, 329, 614 ГК РФ, ст. 65, п. 4 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), взыскали с истца сумму долга и неустойку.

Признав доказанным факт существенного нарушения ответчиком условий договора аренды, а именно невнесение арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа, суды расторгли договор аренды на основании положений п. 3 ст. 619 ГК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии со ст. 606 ГК РФ по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование.

В силу п. 1 ст. 611 ГК РФ арендодатель обязан предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества.

Арендатор, в свою очередь, обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора аренды, а если такие условия в договоре не определены, то в соответствии с назначением имущества (п. 1 ст. 615 ГК РФ) своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату).

Из п. 3 ст. 405 ГК РФ следует, что должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора.

Кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев или из существа обязательства, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства (п. 1 ст. 406 ГК РФ).

В силу ст. 328 ГК РФ встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств (п. 1); в случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии

обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков; если предусмотренное договором исполнение обязательства произведено не в полном объеме, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения в части, соответствующей непредоставленному исполнению (п. 2); ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее по обязательству другой стороне (п. 3); правила, предусмотренные пп. 2 и 3 данной статьи, применяются, если законом или договором не предусмотрено иное (п. 4).

Общее регулирование, содержащееся в ст. 328 ГК РФ применительно ко всем встречным обязательствам, специально оговорено в п. 4 ст. 614 названного кодекса, согласно которому, если законом не предусмотрено иное, арендатор вправе потребовать соответственного уменьшения арендной платы, если в силу обстоятельств, за которые он не отвечает, условия пользования, предусмотренные договором аренды, или состояние имущества существенно ухудшились.

Из анализа приведенных норм следует, что договор аренды носит взаимный характер, риск невозможности использования арендованного имущества в соответствии с условиями договора и назначением этого имущества лежит на арендодателе. Если невозможность использования имущества возникла по причине, за которую арендатор не отвечает, то он не обязан вносить арендную плату. Данная правовая позиция изложена в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г., п. 5 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г., п. 27 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2020 г., в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2018 г. № 305-ЭС17-17952.

Кроме того, в соответствии с п. 1, подп. 1 и абзацем первым подп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено данным кодексом, другими законами или договором. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора

другой стороной либо в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором.

Статья 620 ГК РФ предоставляет арендатору право на досрочное расторжение в судебном порядке договора аренды в ряде случаев, а именно когда:

– арендодатель не предоставляет имущество в пользование арендатору либо создает препятствия пользованию имуществом в соответствии с условиями договора или назначением имущества (п. 1);

– переданное арендатору имущество имеет препятствующие пользованию им недостатки, которые не были оговорены арендодателем при заключении договора, не были заранее известны арендатору и не должны были быть обнаружены арендатором во время осмотра имущества или проверки его исправности при заключении договора (п. 2);

– арендодатель не производит являющийся его обязанностью капитальный ремонт имущества в установленные договором аренды сроки, а при отсутствии их в договоре в разумные сроки (п. 3);

– имущество в силу обстоятельств, за которые арендатор не отвечает, окажется в состоянии, не пригодном для использования (п. 4).

Договором аренды могут быть установлены и другие основания досрочного расторжения договора по требованию арендатора в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2016 г. № 305-ЭС15-15053 сформулирована следующая правовая позиция.

Согласно пп. 2 и 4 ст. 620 ГК РФ к недостаткам, препятствующим пользованию арендованным имуществом, могут быть отнесены не только физическое состояние объекта аренды, но и юридическая невозможность использовать имущество по назначению и в целях, согласованных сторонами договора аренды.

В соответствии с законодательством о градостроительной деятельности публично-правовое образование, реализуя свои полномочия в обеспечении устойчивого развития территории и тем самым – в защите публичного интереса, может изменить правовой режим земельного участка, его разрешенное использование таким образом, что арендатор участка лишается возможности использовать его в целях, которые были согласованы с этим же публично-правовым образованием при заключении договора аренды с учетом законодательства Российской Федерации на момент заключения договора.

В этом случае стороны договора аренды могут прийти к соглашению о его изменении (с соблюдением императивных норм земельного и гражданского законодательства). Если договор аренды не может быть изменен или стороны не приходят к соглашению о его изменении,

то арендатор не лишен права на основании п. 2 ст. 620 ГК РФ обратиться с требованием о досрочном расторжении договора.

Иной подход означал бы возложение на арендатора обязанности уплачивать арендную плату по договору в отсутствие реальной возможности пользоваться объектом аренды по назначению.

В ходе рассмотрения спора ответчик возражал против удовлетворения иска и заявлял, что у него отсутствовала реальная возможность пользоваться объектом аренды в заявленный истцом период для целей, предусмотренных договором, по причине, за которую арендатор не отвечает (прекращение инвестиционного проекта в связи с протестом жителей, принятие решения о прекращении строительства жилого дома), что освобождает кооператив от обязанности по внесению арендной платы в спорный период.

К строительству многоквартирного жилого дома кооператив не приступал. Уполномоченные органы субъекта Российской Федерации (арендодателя) сообщали о невозможности ведения строительных работ на земельном участке, переданном по договору аренды. Альтернативный участок для строительства предоставлен не был.

Кроме того, основной вид разрешенного использования земельного участка был изменен и установлен для спорного участка следующий: «для размещения береговых полос водных объектов общего пользования, скверов, велодорожек, малых архитектурных форм», что не допускает строительство многоквартирного дома.

С учетом приведенных норм права принятие уполномоченными органами государственной власти, действующими от имени и в интересах субъекта Российской Федерации, в соответствии с переданными им полномочиями, решения о невозможности строительства на арендованном земельном участке до начала арендатором строительства многоквартирного дома исключает как использование арендатором участка в целях, установленных договором, так и внесение арендной платы.

Определение № 305-ЭС20-7170

***Практика применения законодательства об энергоснабжении
и оказании коммунальных услуг***

26. В случае выхода из строя или утраты прибора учета электрической энергии организация-потребитель обязана восстановить учет в течение двух месяцев с момента выхода прибора учета из строя вне зависимости от исчисления расчетного периода.

Между фабрикой (потребителем) и обществом (гарантирующим поставщиком) заключен договор, по условиям которого гарантирующий поставщик обязался продавать электрическую энергию (мощность), а также самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической энергии потребителю, а потребитель обязался оплачивать приобретаемую электрическую энергию (мощность) и оказанные услуги.

Договор заключен в отношении энергопринимающих устройств фабрики на объектах, принятых по договору аренды недвижимого имущества, заключенного фабрикой и третьим лицом – гражданином М. Он же является собственником трансформаторной подстанции, в помещении которой установлен прибор учета фабрики.

Письмом общество уведомило потребителя о выявлении работниками сетевой организации повреждения установленного и допущенного в эксплуатацию расчетного прибора учета по договору, об отсутствии расчетного прибора учета по договору и о необходимости его замены, а также об осуществлении расчетов объема электроэнергии по договору в следующем порядке: с 25 по 30 апреля по среднесуточному потреблению за период с 1 по 25 апреля 2019 г.; за май 2019 года на основании показаний прибора учета за апрель 2019 года; с 1 июня 2019 г. и до даты допуска прибора учета в эксплуатацию по максимальной мощности.

Ссылки фабрики на то, что в качестве первых двух расчетных периодов по смыслу п. 166 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (в редакции, действовавшей в спорный период; далее – Основные положения), следует учесть май и июнь 2019 года, обществом оставлены без внимания.

Вновь установленный прибор учета электрической энергии допущен сетевой организацией в эксплуатацию согласно акту от 28 июня 2019 г.

Фабрика оплатила объем потребленной электроэнергии за июнь 2019 года как за второй расчетный период, предусмотренный п. 166 Основных положений.

Общество направило фабрике требование об оплате потребленной электроэнергии за июнь 2019 года исходя из величины максимальной мощности, установленной сторонами в договоре, которое ею не исполнено.

В связи с этим общество направило фабрике претензию и уведомление о введении ограничения режима потребления электроэнергии.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения фабрики (потребителя) в суд с иском.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано.

Суд первой инстанции пришел к выводу о необоснованности заявленных требований ввиду избрания фабрикой ненадлежащего способа защиты права, а также наличия на стороне потребителя непогашенной задолженности за июнь 2019 года.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о том, что истцом по настоящему спору выбран ненадлежащий способ защиты своего права, поддержав выводы суда о наличии непогашенной задолженности на стороне фабрики за июнь 2019 года.

Повторно оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам ст. 71 АПК РФ, апелляционный суд установил, что расчетный прибор учета вышел из строя 30 апреля 2019 г., что не оспаривалось участвующими в деле лицами.

При отсутствии доказательств того, что расчетный прибор учета в течение 12 месяцев повторно вышел из строя по причине его неисправности или утраты, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о применении к рассматриваемым отношениям положений абзаца первого п. 179 Основных положений, в котором содержится отсылка к п. 166 Основных положений.

Поскольку прибор учета вышел из строя в апреле 2019 года, то апелляционный суд пришел к выводу о правомерности указания общества на апрель и май 2019 года как на первый и второй расчетные периоды и обоснованности определения объема потребленной фабрикой в июне 2019 года электроэнергии с учетом предусмотренной договором максимальной мощности.

Суд округа поддержал вывод суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и признала незаконным полное ограничение режима потребления электрической энергии, введенное на основании уведомления общества, в связи со следующим.

Согласно п. 1 ст. 539 ГК РФ по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Оплата энергии производится за фактически принятое абонентом количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не

предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон (п. 1 ст. 544 ГК РФ).

Законодательством предусмотрены случаи, когда объем принятой электроэнергии определяется расчетным путем (абзац семнадцатый п. 3 ст. 37 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон № 35-ФЗ), п. 136 Основных положений), в числе которых выход прибора учета из строя.

В соответствии с абзацем первым п. 179 Основных положений в случае неисправности, утраты или истечения срока межповерочного интервала расчетного прибора учета либо его демонтажа в связи с поверкой, ремонтом или заменой определение объема потребления электрической энергии (мощности) и оказанных услуг по передаче электрической энергии осуществляется в порядке, установленном п. 166 Основных положений для случая непредоставления показаний прибора учета в установленные сроки.

Абзацем вторым п. 179 Основных положений предусмотрен порядок определения объема электрической энергии в случае повторного выхода прибора учета потребителя из строя.

Поскольку, как указал суд апелляционной инстанции, в материалах дела отсутствуют доказательства того, что расчетный прибор учета в течение 12 месяцев повторно вышел из строя по причине его неисправности или утраты, то в рассматриваемом случае подлежали применению положения абзаца первого п. 179 Основных положений.

По смыслу пп. 166, 179 Основных положений потребителю предоставляется два расчетных периода «льготного» определения объема оплачиваемой энергии в отсутствие прибора учета для восстановления учета энергии: для 1-го и 2-го расчетных периодов подряд объем потребления электрической энергии, а для потребителя, в расчетах с которым используется ставка за мощность, – также и почасовые объемы потребления электрической энергии производятся исходя из показаний расчетного прибора учета за аналогичный расчетный период предыдущего года, а при отсутствии данных за аналогичный расчетный период предыдущего года – на основании показаний расчетного прибора учета за ближайший расчетный период.

Определение судами «льготного» периода исчисления объема принятой электрической энергии с 1 апреля 2019 г. по 31 мая 2019 г. применительно к п. 79 Основных положений является ошибочным, поскольку такое истолкование ставит в неравное положение потребителей, у которых прибор учета вышел из строя в конце расчетного периода, уменьшая для них срок восстановления учета. Нормативным актом, регулирующим взаимосвязанные с процессом поставки электрической энергии правоотношения по ее передаче, к числу обязанностей потребителя отнесено восстановление учета в случае выхода из строя или утраты прибора

учета, срок которого не может быть более 2 месяцев без привязки к расчетному периоду (подп. «м» п. 14 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861). В связи с этим, применяя правила системного толкования нормы и исходя из цели установления законодателем «льготного» периода, под указанными в п. 166 Основных положений «двумя расчетными периодами» следует понимать промежуток времени в 2 месяца с момента выхода прибора учета из строя, который истекает в соответствующее число последнего месяца срока (п. 3 ст. 192 ГК РФ).

Если принять во внимание, что прибор учета вышел из строя 30 апреля 2019 г., то первым льготным периодом является период с 30 апреля 2019 г. по 29 мая 2019 г., вторым – с 30 мая 2019 г. по 29 июня 2019 г.

Новый прибор учета, установленный потребителем, введен в эксплуатацию сетевой организацией 28 июня 2019 г., то есть в пределах второго «льготного» периода, и у ответчика отсутствовали основания для направления истцу уведомления о введении ограничения режима потребления электрической энергии с последующим введением полного ограничения режима потребления электроэнергии по основаниям подп. «б» п. 2 Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442. Однако в удовлетворении заявленных истцом требований судами отказано.

Требование фабрики фактически направлено на признание ограничения подачи электрической энергии незаконным, как введенного в отсутствие задолженности, и на возобновление подачи ресурса. В судебном заседании представитель истца указал, что арендные отношения прекращены, а следовательно, последующее исполнение договора энергоснабжения стало невозможным.

Ответчик, не оспаривая правильность расчета истцом объема и стоимости электрической энергии за июнь 2019 года (до восстановления учета), не доказал наличие задолженности, которая являлась основанием для введения в отношении фабрики ограничения режима потребления ресурса.

Определение № 307-ЭС20-17293

***Споры, связанные с содержанием общего имущества
в многоквартирном доме и управлением многоквартирным домом***

27. После исключения сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации по основаниям, предусмотренным чч. 5–5⁴ ст. 198 ЖК РФ, управляющая организация в силу ч. 3 ст. 200 ЖК РФ исполняет обязанности по управлению

многоквартирным домом до дня возникновения обязательств по управлению таким домом у новой управляющей организации. Вместе с тем, если указанные сведения внесены в реестр лицензий субъекта Российской Федерации на основании ч. 3 ст. 198 ЖК РФ в связи с прекращением договора управления многоквартирным домом, то управляющая организация не может быть понуждена к исполнению обязанности по управлению таким домом.

Общество осуществляло предпринимательскую деятельность по управлению многоквартирным домом на основании договора управления, заключенного на 1 год с возможностью продления на тех же условиях и на тот же срок при отсутствии заявления одной из сторон о прекращении действия договора.

На основании заявления лицензиата-общества и в связи с прекращением действия указанного договора управления жилищный орган принял решение о внесении изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации о многоквартирном доме, согласно которому данный дом был исключен из реестра лицензии общества.

На основании обращения администрации субъекта Российской Федерации жилищным органом проведена проверка, по результатам которой обществу выдано предписание об обязанности продолжить осуществлять деятельность по управлению многоквартирным домом до дня наступления указанного в предписании события, предусмотренного ч. 3 ст. 200 ЖК РФ.

Не согласившись с указанным предписанием, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды согласились с позицией жилищного органа, что в случае исключения сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации лицензиат обязан надлежащим образом исполнять обязанности по управлению многоквартирным домом, оказанию услуг и (или) выполнению работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации до дня наступления названных обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 200 ЖК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, поскольку пришла к следующим выводам.

ЖК РФ разграничивает основания и порядок внесения сведений о многоквартирном доме в реестр лицензий субъекта Российской Федерации (чч. 2, 3 ст. 198) и основания и порядок исключения сведений о

многоквартирном доме из указанного реестра (чч. 5–5⁴ ст. 198).

Так, изменение перечня многоквартирных домов, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, может иметь место в связи с заключением, прекращением, расторжением договора управления многоквартирным домом, при этом названные обстоятельства обязывают лицензиата в течение пяти рабочих дней со дня заключения, прекращения, расторжения указанного договора разместить эти сведения в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства, а также направить их в орган государственного жилищного надзора (чч. 1, 2 ст. 98 ЖК РФ, ст. 2, ч. 18 ст. 7 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»).

В свою очередь, чч. 5–5⁴ ст. 198 ЖК РФ определены случаи, когда орган государственного жилищного надзора принимает самостоятельное решение об исключении сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации.

При этом порядок прекращения деятельности по управлению многоквартирным домом в связи с исключением сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации не совпадает с порядком прекращения деятельности в силу прекращения договора управления многоквартирным домом по окончании срока его действия.

Исключение сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации согласно ч. 6 ст. 198 ЖК РФ является основанием для прекращения лицензиатом деятельности по управлению таким домом в порядке, установленном ст. 200 ЖК РФ. С даты исключения сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации лицензиат не вправе осуществлять деятельность по управлению таким многоквартирным домом, в том числе начислять и взимать плату за жилое помещение и коммунальные услуги, выставлять платежные документы потребителям, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 200 ЖК РФ.

В силу ч. 3 ст. 200 ЖК РФ лицензиат в случае исключения сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации, а также в случае прекращения или аннулирования лицензии согласно ст. 199 ЖК РФ обязан надлежащим образом исполнять обязанности по управлению многоквартирным домом, оказанию услуг и (или) выполнению работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации до дня:

1) возникновения в силу ч. 7 ст. 162 ЖК РФ обязательств по

управлению таким домом у управляющей организации, выбранной общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме или отобранной по результатам проведенного органом местного самоуправления открытого конкурса;

2) возникновения обязательств по договору управления многоквартирным домом, заключенному управляющей организацией с товариществом собственников жилья, жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;

3) возникновения обязательств по договорам, указанным в чч. 1 и 2 ст. 164 ЖК РФ;

4) государственной регистрации товарищества собственников жилья, жилищного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива.

Приведенные законоположения не возлагают на иных лицензиатов, в частности, по заявлению которых внесены изменения в реестр лицензий в связи с прекращением договора управления по окончании срока его действия, исполнять обязанности по управлению многоквартирным домом после внесения соответствующих изменений в реестр лицензий.

Если принять во внимание положения ч. 6 ст. 162 ЖК РФ, когда одна из сторон (в данном случае – общество) заявила о прекращении договора управления многоквартирным домом по окончании срока его действия, то такой договор не считается продленным.

Таким образом, исходя из системного толкования приведенных норм положения ч. 3 ст. 200 ЖК РФ, предусматривающие в том числе меры, направленные на обеспечение непрерывности осуществления деятельности по управлению и обслуживанию многоквартирных домов, распространяются на лицензиатов, в отношении которых органом государственного жилищного надзора принято решение об исключении сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации по основаниям, предусмотренным чч. 5, 5¹, 5², 5³, 5⁴ ст. 198 ЖК РФ, а также в случаях прекращения или аннулирования лицензии в соответствии со ст. 199 ЖК РФ.

Соглашаясь с выводами жилищного органа о допущенных обществом нарушениях ч. 3 ст. 200 ЖК РФ, суды первой и апелляционной инстанций, решения которых оставлены без изменения судом кассационной инстанции, не установили юридически значимых обстоятельств, связанных с принятием жилищным органом решения в отношении общества об исключении сведений о многоквартирном доме из реестра лицензий субъекта Российской Федерации по основаниям, предусмотренным чч. 5, 5¹, 5², 5³, 5⁴ ст. 198 ЖК РФ.

В нарушение отмеченных процессуальных требований судами отклонены без указания мотивов доводы общества об иных фактических и правовых основаниях и о порядке прекращения деятельности по управлению

многоквартирным домом, соблюдении истцом как лицензиатом необходимых требований действующего жилищного законодательства, включая нормы о лицензировании деятельности по управлению многоквартирными домами; обосновывающие процессуальную позицию истца доказательства, имеющиеся в деле, не были исследованы и оценены судами в полном объеме, в содержании обжалуемых судебных актов отсутствуют результаты такой оценки.

Данные обстоятельства привели к отмене обжалуемых судебных актов и направлению дела на новое рассмотрение.

Определение № 303-ЭС20-23313

28. Наличие у административного органа полномочий на проведение проверки правомерности принятия общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме решения по способу формирования фонда капитального ремонта не свидетельствует о наличии у него права самостоятельно устанавливать ничтожность решения общего собрания собственников помещений без обращения в суд с соответствующим заявлением в установленном порядке и с соблюдением сроков, установленных ч. 6 ст. 46 ЖК РФ.

В ходе документальной проверки, проведенной в 2020 году, в отношении общества административным органом установлено, что на внеочередном общем собрании собственников помещений многоквартирного дома в 2015 году принято решение о формировании фонда капитального ремонта на специальном счете общества.

Выявив, что данное решение принято при наличии 65,27 % голосов от общего числа голосов собственников помещений в многоквартирном доме вместо необходимых 66,7 %, административный орган пришел к выводу о нарушении обществом ч. 1 ст. 46 ЖК РФ, что влечет ничтожность решения собственников помещений. При этом административный орган указал, что формирование фонда капитального ремонта должно осуществляться на счете регионального оператора.

По результатам проверки обществу выдано предписание о прекращении начисления взносов на капитальный ремонт, а также о перечислении денежных средств, находящихся на специальном счете общества по взносам на капитальный ремонт, на счет регионального оператора.

Считая принятое предписание незаконным, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции на основании следующего.

В ч. 3 ст. 170 ЖК РФ установлено, что собственники помещений в многоквартирном доме вправе выбрать один из следующих способов формирования фонда капитального ремонта: перечисление взносов на капитальный ремонт на специальный счет в целях формирования фонда капитального ремонта в виде денежных средств, находящихся на специальном счете; перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора в целях формирования фонда капитального ремонта в виде обязательственных прав собственников помещений в многоквартирном доме в отношении регионального оператора.

В гл. 6 ЖК РФ установлены специальные правила о порядке проведения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, принятия ими решений, а также основания и сроки оспаривания таких решений. Нормы гл. 9¹ ГК РФ к решениям названных собраний применяются в части, не урегулированной специальными законами, или в части, конкретизирующей их положения, например, о сведениях, указываемых в протоколе (пп. 3–5 ст. 181² ГК РФ), о заблаговременном уведомлении участников гражданско-правового сообщества о намерении обратиться в суд с иском об оспаривании решения собрания (п. 6 ст. 181⁴ ГК РФ), об основаниях признания решения собрания оспоримым или ничтожным (пп. 1, 2, 7 ст. 181⁴, ст. 181⁵ ГК РФ).

Срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами, установленными в п. 5 ст. 181⁴ ГК РФ.

В силу п. 5 ст. 181⁴ ГК РФ решение собрания может быть оспорено в суде в течение 6 месяцев со дня, когда лицо, права которого нарушены принятием решения, узнало или должно было узнать об этом, но не позднее чем в течение 2 лет со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными для участников соответствующего гражданско-правового сообщества.

Собственник помещения в многоквартирном доме вправе обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в данном доме с нарушением требований ЖК РФ, в течение 6 месяцев со дня, когда указанный собственник узнал или должен был узнать о принятом решении (ч. 6 ст. 46 ЖК РФ).

В связи с изложенным отсутствие в ЖК РФ срока для обращения административным органом в суд с заявлением о признании

недействительным решения, принятого общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме, не означает, что административный орган наделяется правом самостоятельно определять юридическую судьбу решений общих собраний собственников помещений без обращения в суд и (или) имеет не ограниченное сроком право оспаривать решение общего собрания собственников помещений в суде. Исходя из универсальности воли законодателя для требований административного органа указанный срок должен определяться так же, как для иных лиц, имеющих законный интерес в оспаривании решения общего собрания, то есть применительно к правилам ч. 6 ст. 46 ЖК РФ.

При исследовании обстоятельств дела установлено, что спорное решение общего собрания собственников помещений в судебном порядке не оспорено, недействительным не признано.

Наличие у административного органа полномочий на проведение проверки по вопросам правомерности принятия общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме решения по способу формирования фонда капитального ремонта не свидетельствует о наличии у административного органа права самостоятельно устанавливать ничтожность решения общего собрания собственников помещений без обращения в суд с соответствующим заявлением в установленном порядке и с соблюдением установленных законом сроков.

В рассматриваемом случае административный орган вправе был реализовать свое право на обращение в суд с заявлением о признании недействительным решения, принятого общим собранием собственников помещений многоквартирного дома, руководствуясь при этом положениями ч. 6 ст. 20 и ч. 6 ст. 46 ЖК РФ, однако не воспользовался данным правом.

Кроме того, необходимо отметить, что при проведении соответствующей проверки и вынесении предписания в силу п. 1 ст. 1 ГК РФ недопустимо произвольное вмешательство административного органа в частные дела.

Применительно к данному делу это означает, что при проведении проверки и вынесении предписания административный орган не мог не учитывать волю собственников жилых помещений относительно избранного ими способа формирования фонда капитального ремонта, подтвержденную последующими решениями собраний и реализованную фактически к моменту проведения проверки. Иное создавало бы угрозу нарушения прав собственников в результате действий административного органа.

Констатировав ничтожность решения общего собрания собственников помещений многоквартирного дома по прошествии более чем четырех лет и выдав предписание, по существу, отменяющее юридическую силу этого

решения, административный орган не принял во внимание, что общество действовало во исполнение сложившихся правоотношений с 2015 года добросовестно, в интересах собственников помещений многоквартирного дома и во исполнение их воли, что подтверждается также решениями, принятыми собственниками помещений многоквартирного дома в 2017 и 2019 годах.

Таким образом, оспариваемое предписание административного органа не соответствует действующему законодательству и нарушает права и законные интересы заявителя, в связи с чем подлежит признанию недействительным.

Определение № 301-ЭС21-2180

Споры, связанные с оказанием услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами

29. При заключении с региональным оператором договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами собственник твердых коммунальных отходов вправе выбрать один из двух способов коммерческого учета: исходя из нормативов накопления твердых коммунальных отходов, выраженных в количественных показателях объема, либо исходя из количества и объема контейнеров для накопления твердых коммунальных отходов, установленных в местах накопления твердых коммунальных отходов.

Между обществом (потребитель) и региональным оператором заключен договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО). Стороны согласились производить учет объема и (или) массы ТКО расчетным способом исходя из норматива накопления твердых бытовых отходов.

После оборудования контейнерной площадки по месту накопления ТКО общество потребовало от регионального оператора изменить предусмотренные договором правила коммерческого учета объема и массы ТКО: вместо расчетного способа применять фактический учет исходя из массы ТКО. Неполучение ответа от регионального оператора на указанное требование послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском об изменении договора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и арбитражного суда округа, иск удовлетворен. При принятии решения суды исходили из того, что потребитель при заключении с региональным оператором договора на оказание услуг по обращению с ТКО имеет право выбора способа учета объема и (или) массы ТКО.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые по делу судебные акты и отказала в удовлетворении иска по следующим основаниям.

Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» к полномочиям Российской Федерации в области обращения с отходами, в частности, отнесено утверждение:

- правил обращения с твердыми коммунальными отходами;
- правил коммерческого учета объема и (или) массы твердых коммунальных отходов;
- формы типового договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами.

При этом Правила коммерческого учета объема и (или) массы твердых коммунальных отходов (далее – Правила учета ТКО) утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 2016 г. № 505, а Правила обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – Правила обращения с ТКО) и форма Типового договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее – Типовой договор) – постановлением Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 1156.

Таким образом, все три нормативных правовых акта имеют равную юридическую силу и в соответствии с п. 4 ст. 426 ГК РФ и п. 1 ст. 24⁷ Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон об отходах производства) являются обязательными для региональных операторов по обращению с ТКО и собственников ТКО при заключении и исполнении публичных договоров на оказание услуг по обращению с ТКО.

Удовлетворяя требование общества, являющегося собственником ТКО, об изменении порядка осуществления учета объема и (или) массы ТКО, предусмотренного договором, заключенным с региональным оператором, суды истолковали п. 15 Типового договора, в котором перечисление допустимых способов коммерческого учета – исходя из нормативов накопления ТКО (1), исходя из количества и объема контейнеров для складирования ТКО (2) и исходя из массы ТКО (3) – сопровождается оговоркой «нужное указать» как нормативное закрепление безусловного и ничем не ограниченного права собственника ТКО выбрать один из названных способов для расчетов с региональным оператором.

Между тем Судебная коллегия считает, что приведенное толкование является ошибочным.

Правила учета ТКО, регулирующие порядок коммерческого учета объема и (или) массы ТКО с использованием средств измерения (соответствующих требованиям законодательства о единстве измерения) или расчетным способом, содержат закрытый (исчерпывающий) перечень способов коммерческого учета:

- 1) исходя из нормативов накопления ТКО, выраженных в количественных показателях объема;
- 2) исходя из количества и объема контейнеров для накопления ТКО, установленных в местах накопления ТКО;
- 3) исходя из массы ТКО, определенной с использованием средств измерения.

При этом первые два способа являются расчетными (подп. «а» п. 5 Правил), а использование средств измерения предусматривает только третий способ (подп. «б» п. 5 Правил).

Одновременно с перечнем допустимых способов учета Правила устанавливают применимость каждого способа к отношениям между различными участниками, осуществляющими накопление, сбор, транспортирование, обработку, утилизацию, обезвреживание и захоронение ТКО. Так, первые два способа подлежат применению при осуществлении расчетов с собственниками ТКО (п. 6), третий способ – при осуществлении расчетов с операторами по обращению с ТКО, владеющими на праве собственности или на ином законном основании объектами обработки, обезвреживания и (или) захоронения ТКО (п. 9), все три способа – при осуществлении расчетов с операторами по обращению с ТКО, осуществляющими деятельность по транспортированию твердых коммунальных отходов (п. 7). Следовательно, Правила учета ТКО не допускают коммерческий учет ТКО исходя из массы, определенной с использованием средств измерения, при расчетах с собственниками ТКО.

Таким образом, налицо коллизия между обладающими равной юридической силой нормативными правовыми актами – Типовым договором, не предусматривающим ограничение собственника ТКО в выборе способа учета (п. 15), и Правилами учета ТКО, ограничивающими названного собственника в выборе одного из двух расчетных способов (пп. 5 и 6).

С учетом содержащейся в Типовом договоре (пп. 13 и 15) прямой отсылки к Правилам учета ТКО, в соответствии с которыми стороны обязаны осуществлять учет ТКО, Судебная коллегия считает, что нормы п. 6 Правил учета ТКО являются специальными по отношению к нормам п. 15 Типового договора. Следовательно, при разрешении коллизии между этими нормами приоритетом обладает специальная норма в соответствии с общеправовым принципом *lex specialis derogat generali*, определяющим критерий выбора в случае конкуренции общей и специальной норм, регулирующих одни и те же общественные отношения.

Из изложенного следует, что при заключении с региональным оператором договора на оказание услуг по обращению с ТКО собственник ТКО вправе выбрать один из двух способов коммерческого учета: исходя из нормативов накопления ТКО, выраженных в количественных показателях объема, либо исходя из количества и объема контейнеров для накопления ТКО, установленных в местах накопления ТКО (пп. 5 и 6 Правил учета ТКО).

Ввиду того, что при обращении в суд с указанным требованием общество настаивало на осуществлении расчетов с региональным оператором исходя из массы твердых коммунальных отходов и внесении соответствующего изменения в договор на оказание услуг по обращению с ТКО, а действующее законодательство не предусматривает использование истребуемого способа при расчетах с собственником ТКО, то в удовлетворении иска следует отказать.

Определение № 305-ЭС21-54

Практика применения природоресурсного законодательства

30. Заключение охотхозяйственного соглашения на основании решения суда само по себе не исключает внесения обязательной единовременной платы, предусмотренной ч. 5 ст. 71 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Уполномоченный орган и охотничье хозяйство на основании вступившего в законную силу решения арбитражного суда заключили охотхозяйственные соглашения. Впоследствии уполномоченный орган сообщил хозяйству о необходимости внести плату за заключение названных соглашений. Поскольку такое требование исполнено не было, то уполномоченный орган обратился в суд с иском о взыскании с охотничьего хозяйства суммы единовременной платы.

Решением суда первой инстанции требование удовлетворено. При этом суд исходил из положений ч. 5 ст. 71 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об охоте) об обязанности лиц, с которыми заключены охотхозяйственные соглашения, внести единовременную плату. Размер такой платы определяется как произведение ставки платы за единицу площади охотничьего угодья, установленной постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2010 г. № 490 «О ставках платы за единицу площади охотничьего угодья при заключении охотхозяйственных соглашений без проведения аукциона на право заключения

охотхозяйственных соглашений», и площади соответствующего охотничьего угодья.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, в удовлетворении иска отказал, указав на то, что исходя из анализа положений чч. 1 и 3 ст. 71 Закона об охоте для юридических лиц, у которых право долгосрочного пользования животным миром возникло до дня вступления в силу названного закона, имеется альтернатива: сохранить это право до истечения срока действия указанных лицензий либо заключить охотхозяйственное соглашение. Поскольку Закон об охоте не предусматривает внесение платежа как обязательное условие заключения охотхозяйственного соглашения, то в отсутствие добровольного волеизъявления у охотничьего хозяйства на внесение платы при заключении охотхозяйственного соглашения оснований для ее взыскания не имеется.

Арбитражный суд округа оставил постановление суда апелляционной инстанции в силе, поскольку решил, что оснований для понуждения ответчика к внесению платы, предусмотренной ч. 5 ст. 71 Закона об охоте, при заключении спорных соглашений не имеется, так как они были заключены на основании решения суда, установившего нарушение прав ответчика по данному делу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как следует из ст. 71 Закона об охоте, со вступлением в силу названного закона юридические лица и индивидуальные предприниматели сохраняют право долгосрочного пользования животным миром в отношении охотничьих ресурсов, которое возникло у них на основании долгосрочных лицензий, полученных до 1 апреля 2010 г., до истечения срока действия соответствующей лицензии, если иное прямо не установлено законом (ч. 1); долгосрочные лицензии на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов продлению не подлежат (ч. 2); такие юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе заключить охотхозяйственные соглашения в отношении охотничьих угодий, указанных в договорах о предоставлении в пользование территорий или акваторий, без проведения аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений (ч. 3); органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации обязаны заключить охотхозяйственные соглашения с проявившими соответствующую инициативу юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в течение трех месяцев с даты их обращения в эти органы (ч. 4).

Как установили суды, правопродшественник охотничьего хозяйства пользовался охотничьими угодьями до 1999 года, после чего спорные угодья были переданы в государственный резервный фонд охотничьих угодий. Впоследствии неоднократно объявлялись открытые конкурсы на

долгосрочное пользование объектами животного мира, однако охотничьему хозяйству право пользования охотничьими ресурсами, в том числе посредством оформления долгосрочной лицензии, до заключения спорных охотхозяйственных соглашений не предоставлялось.

Так, ч. 5 ст. 71 Закона об охоте прямо предусматривает, что юридические лица, индивидуальные предприниматели, определенные в ч. 3 указанной статьи, при заключении охотхозяйственных соглашений обязаны одновременно внести плату за заключение таких соглашений (за исключением случаев, предусмотренных ч. 7 этой статьи), определяемую как произведение ставки платы за единицу площади охотничьего угодья, установленной в соответствии с ч. 6 ст. 71, и площади соответствующего охотничьего угодья.

Отсутствие в заключенных сторонами соглашения условий о внесении единовременной платы не исключает существование такой обязанности, поскольку она установлена законом. Данная норма не может применяться заинтересованными лицами в ином порядке или на иных условиях. Публично устанавливая порядок предоставления охотничьих ресурсов, осуществляя правовое регулирование в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, законодатель обеспечивает тем самым устойчивое существование и использование охотничьих ресурсов.

Исключение из правила, содержащегося в ч. 5 ст. 71 Закона об охоте, названо в ч. 7 указанной статьи, которое направлено на недопустимость внесения двойной платы, и предусматривает, что обязанность о единовременном внесении платы за заключение охотхозяйственных соглашений не распространяется на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, заключивших договоры аренды лесных участков для ведения охотничьего хозяйства по результатам аукциона по продаже права на заключение договоров аренды лесных участков в соответствии с Лесным кодексом Российской Федерации.

Однако такого обстоятельства, в силу которого правило об обязательности внесения платы не должно применяться при заключении охотхозяйственных соглашений с ответчиком, судами установлено не было.

Наличие иных споров между сторонами по делу и результаты их рассмотрения не меняют императивно установленный порядок и основания предоставления охотничьих ресурсов в пользование, не формируют иных, не предусмотренных законом способов защиты нарушенных прав и не предоставляют преимуществ в пользовании охотничьими ресурсами, не исключают применения принципа платности пользования охотничьими ресурсами, реализуемого и при заключении охотхозяйственных соглашений.

31. Вред, причиненный водному объекту в результате неисполнения обязанности по подъему затонувшего судна, подлежит возмещению собственником судна.

Уполномоченный орган по надзору в сфере природопользования обратился с иском о взыскании с фрахтователя баржи, не обеспечившего надлежащую швартовку судна, ущерба, причиненного водному объекту.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение отменено, требование удовлетворено.

Арбитражный суд округа решение и постановление отменил, дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен в полном объеме.

Руководствуясь положениями ст. 15, 130, 131, 1064, 1079 ГК РФ, ст. 56, 69 Водного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ), ст. 15 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ), ст. 8, 211, 216, 219, 220 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ), ст. 1, 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ), суды исходили из того, что в данном случае вред причинен акватории водного объекта ответчиком, не обеспечившим надлежащую швартовку судна, которое унесло штормом. Длительное пребывание баржи в воде и бездействие со стороны ответчика, уклонившегося от подъема и эвакуации баржи, привели к тому, что вредные вещества в виде железа стали поступать в морскую воду и ее загрязнять.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В соответствии с положениями ст. 1 Закона № 7-ФЗ под вредом окружающей среде понимается негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов; загрязнение окружающей среды представляет собой поступление в окружающую среду вещества и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывают негативное воздействие на окружающую среду.

В силу п. 1 ст. 77 Закона № 7-ФЗ юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения

законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством.

Согласно п. 1 ст. 78 Закона № 7-ФЗ компенсация вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется добровольно либо по решению суда или арбитражного суда.

Нормы природоохранного законодательства о возмещении вреда окружающей среде применяются с соблюдением правил, установленных общими нормами гражданского законодательства, регуливающими возмещение ущерба, в том числе внедоговорного вреда.

Обязанность водопользователей не допускать причинение вреда окружающей среде закреплена в п. 1 ч. 2 ст. 39 ВК РФ.

В силу ст. 69 ВК РФ лица, причинившие вред водным объектам, возмещают его добровольно или в судебном порядке.

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – постановление Пленума № 49) разъяснено, что основанием для привлечения лица к имущественной ответственности является причинение им вреда, выражающееся в негативном изменении состояния окружающей среды, в частности ее загрязнении, истощении, порче, уничтожении природных ресурсов, деградации и разрушении естественных экологических систем, гибели или повреждении объектов животного и растительного мира и иных неблагоприятных последствиях (ст. 1, 77 Закона № 7-ФЗ).

В силу ст. 209 ГК РФ собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые интересы других лиц.

В соответствии со ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

В ст. 109 КТМ РФ предусмотрена обязанность собственника судна поднять затонувшее имущество.

Согласно п. 2 ст. 107 КТМ РФ к затонувшему имуществу относятся потерпевшие крушение суда, их обломки, оборудование, грузы и другие предметы независимо от того, находятся они на плаву или под водой, опустились на дно либо выброшены на мелководье или берег.

При рассмотрении указанного спора судами не было принято во внимание, что этот спор следует из деликтных, а не из договорных правоотношений.

Как видно из материалов дела, затонувшее судно на основании договора фрахтования было передано ответчику-фрахтователю. Вместе с тем через день после посадки баржи на мель судовладелец и фрахтователь заключили соглашение о расторжении договора. Впоследствии на основании заявления собственника баржи указанное судно исключено из Государственного судового реестра и право собственности на данный объект прекращено. После прекращения правоотношений по фрахту собственник судна нес бремя его содержания и в силу императивных норм, предусмотренных КТМ РФ, в его обязанности входило поднять затонувшее имущество.

С учетом изложенного судами неверно установлен механизм причинения вреда водному объекту после расторжения договора фрахтования в период нахождения баржи на мели, что является одним из существенных условий возмещения вреда, причиненного окружающей среде. Также следует отметить, что в силу п. 6 Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства, утвержденной приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 апреля 2009 г. № 87, исчисление размера вреда основывается на компенсационном принципе оценки и возмещения размера вреда по величине затрат, необходимых для установления факта причинения вреда и устранения его причин и последствий, восстановления состояния водного объекта до показателей, наблюдаемых до выявленного нарушения, а также для устранения последствий нарушения.

Однако судами не дана оценка доводам ответчика о несоотнесимости координат, указанных в протоколах отбора проб, и места, где баржа села на мель, удаленности взятия отбора проб от места посадки баржи на мель на 27 км, а также об отсутствии причинно-следственной связи между фактом затопления баржи в 2015 году и превышением концентрации железа на основании протоколов отбора проб в 2018 году.

Определение № 307-ЭС21-1344

Практика применения законодательства о защите конкуренции

32. Несогласие антимонопольного органа с целесообразностью установления заказчиком определенных критериев и порядка оценки заявок участников закупки, проводимой в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», само по себе не может являться основанием для вывода о нарушении заказчиком требований закона.

Антимонопольным органом рассмотрена жалоба общества на действия (бездействие) заказчика при проведении предварительного квалификационного отбора в электронной форме по отбору поставщиков услуг по оценке стоимости имущественных комплексов, недвижимого имущества, акций и долей в уставном капитале по заказу заказчика и организаций заказчика на 2020–2022 годы по 3 лотам.

Согласно доводам общества при проведении предварительного отбора по 3 лотам заказчик нарушил права и законные интересы общества в части неправомерного установления требований к участникам и критериев оценки заявок на участие, необоснованно ограничивающих количество претендентов на участие в закупке.

По результатам рассмотрения жалобы антимонопольный орган пришел к выводу, что заказчиком предъявляются избыточные требования к потенциальным участникам предварительного квалификационного отбора и завышенные критерии оценки подаваемых заявок, условия конкурсной документации существенно сужают круг хозяйствующих субъектов, имеющих возможность принять участие в конкурсной процедуре, либо определяют низкую вероятность получения «проходного» балла и отбора заявки участника для включения в перечень поставщиков, признанных квалифицированными, что является нарушением требований п. 2 ч. 1 ст. 3, пп. 13, 14 ч. 10 ст. 4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ). Заказчику выдано предписание об устранении выявленных нарушений.

Не согласившись с указанным предписанием, заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований заказчика отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

При закупках, осуществляемых субъектами, указанными в нормах Закона № 223-ФЗ, стороны таких отношений выступают как юридически равноправные, никакая сторона не наделена властными полномочиями по отношению к другой стороне, что также свидетельствует о гражданско-правовом характере отношений.

Законом № 223-ФЗ заказчиком предоставлено право сформировать свою систему закупок в зависимости от особенностей осуществления деятельности, установив при необходимости дополнительные требования к участникам закупки, направленные в первую очередь на выявление в результате закупочных процедур лица, исполнение контракта которым

в наибольшей степени будет отвечать целям эффективного использования источников финансирования, удовлетворения потребности заказчиков в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

При этом уменьшение числа участников закупки в результате предъявления к ним требований само по себе не является нарушением принципа равноправия, если такие требования предоставляют заказчику дополнительные гарантии выполнения победителем закупки своих обязательств и не направлены на установление преимуществ отдельным лицам либо на необоснованное ограничение конкуренции.

Приведенные правовые позиции, позволяя определить круг правомерных действий заказчика при установлении в документации о закупке, проводимой по правилам Закона № 223-ФЗ, требований к участникам, отличающихся достаточной степенью строгости, указывают также на обстоятельства, наличие которых является индикатором нарушения принципов, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 3 Закона № 223-ФЗ, и которые подлежат выяснению антимонопольным органом, а впоследствии судом в целях выявления в действиях заказчика данного нарушения. Такие обстоятельства подразумевают фактическое, а не мнимое предоставление преимущественных условий участия в закупке для отдельных хозяйствующих субъектов, ограничение возможности участия наибольшего числа конкурентов в целях обеспечения победы в закупке данных хозяйствующих субъектов.

Направленные на обеспечение потребностей отдельных видов юридических лиц в товарах, работах и услугах отношения, регулируемые Законом № 223-ФЗ, имеют целью повышение эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг (ст. 1).

Целесообразность введения повышенных требований к участникам, включая требования к опыту и квалификации, не может выступать в качестве самостоятельного предмета оценки в отрыве от названных выше обстоятельств, если только антимонопольным органом не будет доказано, что в конкретном случае цели обеспечения неравноправного участия хозяйствующих субъектов в закупке превалировали над целями эффективной хозяйственной деятельности заказчика.

В рассматриваемом случае спорный порядок оценки заявок участников конкурсного отбора антимонопольный орган охарактеризовал как неоправданно жесткий, с чем также согласились суды. Как отмечено антимонопольным органом, по условиям конкурсной документации предусмотрено присвоение заявкам либо максимального количества баллов, либо ни одного, при этом числовые показатели критериев таковы, что соответствовать большему их количеству могут только крупные участники рынка оценочных услуг, прочно закрепившиеся на нем,

обладающие существенной его долей как на региональном, так и общероссийском уровне. Система оценки заказчика не предусматривает ранжирования заявок и качественного их сравнения по каждому из критериев, фактически отражает ряд признаков, характерных для немногих хозяйствующих субъектов на рынке оценочных услуг.

Между тем все приведенные суждения свидетельствуют только о несогласии антимонопольного органа с целесообразностью установления заказчиком определенных критериев и порядка оценки заявок участников закупки, но не о нарушении заказчиком требований Закона № 223-ФЗ. Предлагаемые антимонопольным органом изменения положений закупочной документации (уменьшение суммы минимального страхового обеспечения и предельной совокупной выручки, исключение из методики оценки такого критерия, как десятилетний опыт работы оценщика, и т.п.) нормативно не обоснованы и, по существу, являются следствием собственного усмотрения антимонопольного органа.

Что же касается критериев оценки заявок участников предварительного конкурсного отбора, изложенных в закупочной документации заказчика, то причиной, по которой антимонопольный орган признал их нарушающими положения ст. 3, 4 Закона № 223-ФЗ и которая усматривается в судебных актах, явилось установление минимального значения, которому участник должен соответствовать, чтобы получить хоть сколько-то баллов по соответствующему критерию. Введение минимальных значений критериев воспринято антимонопольным органом и судами как косвенное установление дополнительных требований, которые участник должен выполнить, чтобы его заявка прошла квалификационный отбор. С этой позиции оценке подвергался каждый из критериев в отдельности, а разрешаемый вопрос сводился к тому, насколько оправданными или, наоборот, чрезмерными были те требования, которые связаны с его минимальным значением.

Поддерживая выводы антимонопольного органа о нарушении заказчиком требований пп. 13, 14 ч. 10 ст. 4 Закона № 223-ФЗ, суды исходили из неправильного толкования и применения данных законоположений в системе действующего правового регулирования, согласно которым в документации о конкурентной закупке должны быть указаны критерии оценки и сопоставления заявок на участие в такой закупке (п. 13) и порядок оценки и сопоставления заявок на участие в такой закупке (п. 14).

Вместе с тем субъективное, не основанное на конкретных нормах права представление антимонопольного органа о возможных, по его мнению, иных критериях и порядке оценки и сопоставления заявок на участие в закупке само по себе не указывает на нарушение заказчиком приведенных норм и не может с учетом целей Закона № 223-ФЗ придавать другое истолкование таким нормам.

Таким образом, судами к установленным обстоятельствам неправильно применены положения Закона № 223-ФЗ, в том числе не учтены разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам толкования названного Закона, что повлияло на исход дела, его неправильное разрешение по существу и нарушение прав и законных интересов заказчика, что, в свою очередь, привело к отмене судебных актов нижестоящих судов.

Определение № 305-ЭС20-24221

33. Заказчик, осуществляющий закупку по нормам Закона № 223-ФЗ, не вправе устанавливать различные правила сравнения ценовых предложений участников закупки в зависимости от используемой тем или иным участником системы налогообложения.

По результатам проведения запроса предложений морского порта на право заключения договора на уборку помещений и договора на уборку территории порта от грязи и снега, благоустройство и содержание озеленяемых объектов вокруг зданий победителем признана организация.

В антимонопольный орган поступила жалоба от общества на положения закупочной документации, в которой определено, что в случае, если в запросе предложений принимают участие организации, применяющие общий режим налогообложения и являющиеся плательщиками НДС, и организации, применяющие специальные налоговые режимы и не являющиеся плательщиками данного налога, то для обеспечения равной и объективной оценки заявок участников сравнение их ценовых предложений осуществляется по цене с учетом НДС. Договор по результатам запроса предложений заключается по цене, предложенной участником закупки в заявке, с учетом НДС, если организация является плательщиком НДС, без учета НДС – если участник не является плательщиком данного налога.

По результатам рассмотрения жалобы антимонопольным органом принято предписание об обязанности устранить допущенные нарушения. Основанием для принятия указанного решения послужил вывод антимонопольного органа о несоблюдении портом принципов равноправия, справедливости, отсутствия дискриминации по отношению к участникам закупки при установлении в документации о закупке условия о сравнении ценовых предложений участников закупки, применяющих разные системы налогообложения, по цене с учетом НДС.

Не согласившись с решением антимонопольного органа, морской порт обратился в арбитражный суд с заявлением о его отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из того, что портом при таком формировании закупочной документации соблюдались принципы, изложенные в п. 2 ч. 1, ч. 6 ст. 3 Закона № 223-ФЗ, поскольку определение победителя закупки осуществлялось на основании равного подхода к оценке представленных участниками предложений и недопустимости установления различных формул подсчета значимости ценовых предложений, обеспечивающих преимущественные условия участия в закупке определенным участникам.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, исходя из следующего.

На основании п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона № 223-ФЗ к числу принципов, которыми должны руководствоваться заказчики при закупке товаров, работ, услуг, относится равноправие (отсутствие дискриминации) участников закупки.

Принцип равноправия предполагает недопустимость предъявления различных требований к участникам закупки, которые находятся в одинаковом положении, в отсутствие к тому причин объективного и разумного характера. Это, в частности, означает, что допустимым может быть признано установление заказчиком требований, которые в равной мере применяются ко всем участникам закупки и не приводят к исключению из числа участников закупки хозяйствующих субъектов по причинам, не связанным с обеспечением удовлетворения потребностей заказчика.

Таким образом, поскольку закупочная документация содержит различные правила сравнения ценовых предложений участников закупки в зависимости от применяемых ими систем налогообложения, то при проверке соответствия действий заказчика требованиям п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона № 223-ФЗ судам следовало дать оценку, во-первых, тому, не приводит ли применение спорных положений закупочной документации к постановке отдельных участников закупки (в частности, применяющих упрощенную систему налогообложения) в уязвимое положение в сравнении с другими участниками и, во-вторых, имеются ли разумные причины в установлении заказчиком спорных положений закупочной документации, связанные с удовлетворением его потребностей в качественном и своевременном выполнении работ (услуг), с учетом специфики объекта закупки.

В данном случае применение спорного положения закупочной документации фактически приводит к увеличению размера цены, предложенной участником закупки, применяющим упрощенную систему налогообложения, помимо его воли и вопреки сформированному им ценовому предложению. Это не может не ставить участника, применяющего упрощенную систему налогообложения, в заведомо менее благоприятное положение в сравнении с участниками закупки, использующими общую систему налогообложения, ценовые предложения которых принимаются

заказчиком без корректировки в сторону увеличения. Таким образом, преимущество в заключении договора с заказчиком получают те участники закупки, которые являются плательщиками НДС.

Увеличение цены, указанной обществом, на сумму НДС для целей сравнения заявок участников закупки лишено законных оснований, поскольку участник, применяющий упрощенную систему налогообложения, не может быть понужден к увеличению предложенной им цены на сумму НДС по требованию заказчика. Иное противоречило бы нормам законодательства о налогах и сборах.

Заказчик может быть финансово заинтересован в заключении договора с исполнителем, применяющим общую систему налогообложения, поскольку в таком случае согласно п. 2 ст. 171 НК РФ заказчик получает возможность применения налоговых вычетов при осуществлении собственной облагаемой НДС деятельности, то есть имеет возможность уменьшить величину своего налогового бремени.

Однако упомянутый имущественный интерес заказчика не связан непосредственным образом с удовлетворением его потребностей в качественном и своевременном выполнении работ (услуг) (ч. 1 ст. 1 Закона № 223-ФЗ) и в силу законодательно закрепленного принципа равноправия (отсутствие дискриминации) участников закупки не может быть реализован за счет постановки участников закупки, применяющих упрощенную систему налогообложения, в заведомо уязвленное положение в сравнении с иными участниками гражданского оборота.

Учитывая, что в рассматриваемом случае при сопоставлении ценовых предложений участников запроса предложений с учетом НДС заказчиком были созданы условия, при которых заявке участника, не являющегося плательщиком НДС и предложившего наиболее низкую цену по сравнению с ценой участника, являющегося плательщиком НДС, был присвоен второй итоговый рейтинг и участник, предложивший лучшие условия оказания услуг, не стал победителем запроса предложений, антимонопольный орган пришел к правомерному выводу о нарушении морским портом требований п. 2 ч. 1, ч. 6 ст. 3 Закона № 223-ФЗ и выдал предписание об устранении допущенных нарушений.

Определение № 307-ЭС20-21065

***Практика применения законодательства о налогах и сборах
и об обязательных страховых взносах во внебюджетные фонды***

34. При оценке правомерности применения освобождения движимого имущества от налогообложения значение имеет то, выступали ли спорные объекты основных средств (машины и оборудование) движимым имуществом на момент их приобретения, а также правомерность их принятия к учету в качестве отдельных инвентарных объектов.

Сами по себе критерии прочной связи вещи с землей, невозможности раздела вещи в натуре без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения, а также соединения вещей для использования по общему назначению, используемые гражданским законодательством, не имеют определяющего значения при решении вопроса об освобождении от налогообложения движимого имущества. Их использование не позволяет разграничить инвестиции в обновление производственного оборудования и создание некапитальных сооружений от инвестиций в создание (улучшение) объектов недвижимости – зданий и капитальных сооружений.

В результате выполнения по договору подряда комплекса работ и услуг по электроснабжению в собственность общества передана распределительно-трансформаторная подстанция (энергоустановка), размещенная в здании энергоцентра, обслуживающего гостиницу. Общество приняло энергоустановку к бухгалтерскому учету в качестве отдельного инвентарного объекта и не включало стоимость этого объекта в налоговую базу по налогу на имущество организаций, считая, что распределительно-трансформаторная подстанция является движимым имуществом (оборудованием).

По результатам налоговой проверки налоговый орган пришел к выводу, что стоимость энергоустановки должна включаться в налоговую базу по налогу на имущество организаций, поскольку данный объект должен рассматриваться в качестве недвижимого имущества – части здания энергоцентра, предназначенного для обслуживания гостиницы. В этой связи, по мнению налогового органа, налогоплательщиком неправомерно применялось освобождение от налогообложения, предусмотренное п. 25 ст. 381 НК РФ. По данному основанию налоговый орган доначислил обществу налог на имущество, а также штраф, предусмотренный п. 1 ст. 122 НК РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленное требование в части доначисления налога на имущество удовлетворено. Суды пришли к выводу, что энергоустановка не отвечает признакам недвижимого имущества, поскольку из представленных налоговым органом доказательств

не следует, что данный объект имеет прочную связь с землей. Напротив, как установили суды, энергоустановка не являлась объектом капитального строительства, в любое время может быть демонтирована, установлена и подключена в систему электроснабжения в ином месте, у нее отсутствует неразрывная связь с фундаментом здания энергоцентра.

Суд кассационной инстанции отменил указанные судебные акты и отказал в удовлетворении требований общества, исходя из того, что трансформаторная подстанция является частью недвижимого имущества, поскольку входит в состав гостинично-туристического комплекса и ее перемещение будет сопряжено с несоразмерным ущербом для функционирования гостиницы. При таком положении суд признал правомерным вывод налогового органа об отсутствии у общества права на применение в отношении энергоустановки освобождения от налогообложения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции по эпизоду, связанному с доначислением налога на имущество организаций, и в указанной части оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, отметив следующее.

В соответствии с п. 1 ст. 38 и п. 1 ст. 374 НК РФ (в редакции, действовавшей в 2014–2016 годах) возникновение обязанности по уплате налога на имущество организаций связывается с наличием у налогоплательщика движимого и недвижимого имущества, учитываемого на балансе в качестве объектов основных средств в порядке, установленном для ведения бухгалтерского учета.

На основании подп. 8 п. 4 ст. 374 НК РФ, действовавшего до 1 января 2015 г. (введен Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 202-ФЗ), не признавалось объектом налогообложения движимое имущество, принятое на учет с 1 января 2013 г. в качестве основных средств.

Начиная с 1 января 2015 г. освобождение от налогообложения в отношении движимого имущества, принятого с 1 января 2013 г. на учет в качестве основных средств, предусмотрено п. 25 ст. 381 НК РФ (введен в действие Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 366-ФЗ), действовавшим до 1 января 2019 г.

Раскрывая содержание положений подп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ, Конституционный Суд Российской Федерации указал в постановлении от 21 декабря 2018 г. № 47-П, что внесенные законодателем изменения повлекли, кроме прочего, сокращение состава облагаемых налогом объектов имущества организаций, что, благодаря упрощению учета объектов налогообложения и снижению налоговой нагрузки, должно было способствовать поощрению налогоплательщиков к правомерному поведению в фискальных правоотношениях, стимулированию организаций к

инвестированию в средства производства, к их модернизации, приобретению новых и развитию существующих средств производства, а также повышению спроса на них.

Цель освобождения от налогообложения движимого имущества, принятого к учету после 1 января 2013 г., состояла в поощрении инвестиций в новое оборудование, что при сохранении налогообложения уже введенного в эксплуатацию оборудования позволило бы реализовать стимул к обновлению основных средств без существенных потерь для бюджетов. Об этом, в частности, свидетельствует содержание Основных направлений налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов, подготовленных Министерством финансов Российской Федерации в связи с составлением проектов бюджетов согласно п. 2 ст. 172 БК РФ.

На этом основании формируемая Верховным Судом Российской Федерации судебная практика исходит из необходимости толкования и применения положений подп. 8 п. 4 ст. 374, п. 25 ст. 381 НК РФ в контексте вышеуказанных целей введения налоговой льготы и необходимости обеспечения равных прав на применение льготы для налогоплательщиков, осуществивших вложение инвестиций в обновление основных средств.

Сами по себе критерии прочной связи вещи с землей, невозможности раздела вещи в натуре без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения, а также соединения вещей для использования по общему назначению, применяемые гражданским законодательством (п. 1 ст. 130, п. 1 ст. 133, ст. 134 ГК РФ), не позволяют однозначно решить вопрос о праве налогоплательщиков на применение рассматриваемой льготы, поскольку эти критерии не позволяют разграничить инвестиции в обновление производственного оборудования и создание некапитальных сооружений от инвестиций в создание (улучшение) объектов недвижимости – зданий и капитальных сооружений. В обоих случаях приобретаемые налогоплательщиком активы до окончания монтажа не имеют прочной связи с землей, а после начала эксплуатации могут образовывать сложную вещь с объектом недвижимости, разделение которой без разрушения или повреждения становится невозможным или экономически нецелесообразным.

Наличие (отсутствие) сведений об объекте основных средств в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним в силу п. 6 ст. 81 ГК РФ имеет доказательное значение для целей применения подп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ, но также не может использоваться в качестве безусловного критерия для оценки правомерности применения льготы. Это объясняется тем, что вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (абзац первый п. 1 ст. 130 ГК РФ), либо в силу прямого указания закона, что такой объект подчинен режиму недвижимых

вещей (абзац второй п. 1 ст. 130 ГК РФ). Государственная регистрация права на вещь устанавливается в целях обеспечения стабильности гражданского оборота и не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости, на что указано в п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Правила формирования в бухгалтерском учете информации об основных средствах организации установлены Положением по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» ПБУ 6/01, утвержденным приказом Министерства финансов Российской Федерации от 30 марта 2001 г. № 26н (далее – ПБУ 6/01), в соответствии с п. 5 которого рабочие и силовые машины и оборудование выделены в отдельный вид подлежащих учету объектов основных средств, отличный от зданий и сооружений.

Основой классификации объектов основных средств в бухгалтерском учете выступают Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-2014 (СНС 2008), введенный в действие с 1 июля 2017 г. приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2018-ст, и ранее действовавший Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-94, утвержденный постановлением Госстандарта России от 26 декабря 1994 г. № 359.

В соответствии с названными классификаторами оборудование не относится к зданиям и сооружениям, формируя самостоятельную группу основных средств, за исключением прямо предусмотренных в классификаторах случаев, когда отдельные объекты признаются неотъемлемой частью зданий и включаются в их состав (например, коммуникации внутри зданий, необходимые для их эксплуатации; оборудование встроенных котельных установок, водо-, газо- и теплопроводные устройства, а также устройства канализации).

Следовательно, по общему правилу, исключения из объекта налогообложения, предусмотренные подп. 8 п. 4 ст. 374 и п. 25 ст. 381 НК РФ, применимы к машинам и оборудованию, выступавшим движимым имуществом при их приобретении и правомерно принятым на учет в качестве отдельных инвентарных объектов, а не в качестве составных частей капитальных сооружений и зданий.

Из материалов дела не следует, что в случае признания здания энергоцентра (гостиничного комплекса) и энергоустановки одним объектом, образованным из нескольких частей, будет соблюдено условие п. 6 ПБУ 6/01 об отсутствии существенных различий в сроках их полезного использования. Энергоустановка также не может быть отнесена к коммуникациям здания энергоцентра и (или) здания гостиницы согласно Общероссийскому классификатору основных фондов ОК 013-94.

Формулируя противоположный вывод и ссылаясь на то, что перемещение энергоустановки будет сопряжено с несоразмерным ущербом для функционирования гостиничного комплекса, суд кассационной инстанции, по сути, исходил из того, что после начала эксплуатации энергоустановки ее использование вне гостиничного комплекса становится экономически нецелесообразным. Однако применение критерия экономической целесообразности недопустимо, поскольку приводит к постановке в неравное положение налогоплательщиков, осуществивших инвестиции в обновление оборудования.

Таким образом, публично-правовая цель предоставления освобождения от налогообложения обществом достигнута, в связи с чем включение налоговым органом стоимости энергоустановки в налоговую базу для исчисления налога на имущество организаций не может быть признано правомерным.

Определение № 308-ЭС20-23222

35. Открытие конкурсного производства в отношении поставщиков товаров (работ, услуг) само по себе не может являться безусловным основанием для лишения налогоплательщиков-покупателей права на вычет суммы НДС, предъявленного в цене.

Между налогоплательщиком и поставщиком заключен договор на поставку нефтепродуктов (дизельное топливо, бензин) с различных нефтебаз. В рамках исполнения договора при отгрузке нефтепродуктов поставщиком выставлены счета-фактуры с выделенной в них суммой налога.

Налоговым органом проведена налоговая проверка представленной налогоплательщиком декларации по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС) за отчетный период. В ходе проверки было установлено, что налогоплательщик в нарушение подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ неправомерно принял к вычету НДС по счетам-фактурам, выписанным поставщиком, поскольку решением арбитражного суда поставщик признан несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство. Налоговый орган посчитал, что поставщик неправомерно выставлял обществу счета-фактуры с выделением в них суммы налога, а налогоплательщик не имел права на применение налоговых вычетов по таким счетам-фактурам.

По результатам проверки налоговым органом принято решение о доначислении НДС и пеней, а также о привлечении налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения по п. 1 ст. 122 НК РФ.

Не согласившись с решением налогового органа, налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Суд пришел к выводу, что налогоплательщик не может быть лишен права на вычет, предусмотренный п. 2 ст. 171 НК РФ, поскольку суммы НДС, выделенные в спорных счетах-фактурах и принятые к вычету налогоплательщиком, отражены поставщиком в его декларации по НДС за отчетный период, налог по декларации уплачен в бюджет, а приобретенные нефтепродукты не включены в конкурсную массу поставщика и использовались налогоплательщиком в облагаемой налогом хозяйственной деятельности.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано. При этом суды исходили из того, что поставщик не изготавливал нефтепродукты, реализованные налогоплательщику, а приобрел их у сторонних организаций для последующей продажи. На этом основании суды признали правомерным вывод налогового органа, что спорные операции по поставке нефтепродуктов в силу подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ не признаются объектом обложения НДС, и предъявленные по ним суммы налога не могут быть приняты налогоплательщиком к вычету.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, учитывая следующее.

В соответствии с пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ законодательство о налогах и сборах исходит из всеобщности и равенства налогообложения, необходимости взимания налогов в соответствии с их экономическим основанием и недопустимости произвольного налогообложения.

По своей экономико-правовой природе НДС является косвенным налогом на потребление товаров (работ, услуг), взимаемым на каждой стадии их производства и реализации субъектами хозяйственного оборота до передачи потребителю, исходя из стоимости (цены), добавленной на каждой из указанных стадий, и перелагаемым на потребителей в цене реализуемых им товаров, работ и услуг.

В процессе производства и коммерческой реализации товаров (работ, услуг) расходы поставщика по уплате налога в бюджет фактически перекладываются на покупателя, который, осуществляя, в свою очередь, реализацию полученного товара как поставщик, также получает компенсацию, но уже от последующего покупателя. Цепь переложения налога завершается тогда, когда имеет место реализация товаров

(работ, услуг) их потребителю, который и несет фактическое налоговое бремя НДС. С этой целью законодателем предусмотрен механизм определения суммы налога к уплате с учетом налоговых вычетов (суммы налога, перечисленной налогоплательщиком своим поставщикам товаров (работ, услуг), которые в соответствии с п. 2 ст. 171 НК РФ уменьшают сумму исчисленного налога.

Исходя из указанных положений вычет налогоплательщиком-покупателем сумм НДС, предъявленных ему контрагентами при приобретении товаров (работ, услуг), не является факультативным элементом налогообложения. Право покупателя на вычет предъявленного налога обусловлено правовой природой НДС как налога на потребление, в связи с чем вопрос о предоставлении вычета не может решаться произвольно.

В частности, право налогоплательщика на налоговый вычет не может быть обусловлено исполнением непосредственными контрагентами (продавцами, поставщиками) и предшествующими им лицами своей обязанности по уплате НДС, а также финансово-экономическим положением и поведением третьих лиц. Иное, вопреки конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции Российской Федерации) и связанному с ним принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, могло бы лишить налогоплательщиков предсказуемости последствий исполнения ими закона.

В связи с изложенным вступление налогоплательщиков-покупателей в хозяйственные отношения с организациями, признанными несостоятельными (банкротами), не является объектом правового запрета. Организации, в отношении которых открыта процедура конкурсного производства, имеют возможность на законном основании продолжить ведение своей деятельности (а в отдельных установленных законом случаях не вправе прекратить ее ведение). Следовательно, само по себе открытие конкурсного производства в отношении продавца товаров (работ, услуг) не может являться безусловным основанием для лишения покупателя, правомерно вступившего в отношения (продолжавшего отношения) с банкротом, права на вычет налога, предъявленного в цене товаров (работ, услуг).

При ином подходе бремя уплаты НДС переносится с организации – должника, признанного финансово несостоятельным (банкротом), на хозяйствующего субъекта – покупателя, который, не имея основания к вычету ни суммы НДС по приобретенной у должника изготовленной им готовой продукции, ни суммы НДС, исчисленной предыдущими участниками процесса товародвижения, должен уплатить налог в бюджет непосредственно от величины собственного облагаемого налогом оборота, что ставит покупателя в неравное и более обременительное положение в сравнении с иными лицами, ведущими такую же экономическую

деятельность, и в связи с этим, по общему правилу, не может быть признано допустимым.

Таким образом, в отношении товаров, приобретенных у организаций-банкротов в рамках осуществления их текущей хозяйственной деятельности в период действия подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ в редакции Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 366-ФЗ (то есть до 1 января 2021 г.), налогоплательщики-покупатели принимают к вычету предъявленные им суммы налога на общих основаниях. При этом вопреки выводам судов для оценки правомерности применения налоговых вычетов не может иметь значения характер хозяйственной деятельности продавца (производство собственной продукции или коммерческая продажа товаров), поскольку такого рода дифференциация права на вычет предъявленного налога у покупателя товаров (работ, услуг) не следует из п. 2 ст. 171 НК РФ и является недопустимой.

Начиная с 1 января 2021 г. законодателем введено новое регулирование вопроса об уплате НДС организациями-банкротами (подп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ в редакции Федерального закона от 15 октября 2020 г. № 320-ФЗ), и обязанность названных лиц по уплате НДС при реализации товаров, изготовленных и (или) приобретенных в процессе осуществления хозяйственной деятельности, исключена. С учетом п. 1 ст. 38 НК РФ это означает, что, несмотря на фактическое продолжение ведения хозяйственной деятельности и участие в связи с этим в гражданском (экономическом) обороте, организация-банкрот, однако, более не участвует в отношениях по взиманию НДС, регулируемых гл. 21 НК РФ. Однако в силу п. 2 ст. 5 НК РФ новое регулирование в той мере, в какой оно ухудшает положение налогоплательщиков-покупателей, не имеет обратной силы.

Судами установлено, что нефтепродукты приняты к учету налогоплательщиком и приобретались для использования в его собственной облагаемой НДС деятельности, а у поставщика не были включены в конкурсную массу. Кроме того, приобретенные нефтепродукты оплачены налогоплательщиком, а предъявленные при выставлении счетов-фактур суммы НДС поставщиком полностью уплачены в бюджет, что не оспаривалось налоговым органом.

Следовательно, налогоплательщиком соблюдены условия для вычета налога, предусмотренные положениями ст. 169, п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 172 НК РФ, в рассматриваемой ситуации какие-либо потери казны в результате действий поставщика и налогоплательщика отсутствуют, в связи с чем у налогового органа не имелось оснований для принятия оспариваемого решения.

Определение № 308-ЭС21-364

36. Суммы налога, предъявленные в ходе строительства, могут быть приняты к вычету налогоплательщиком, ранее применявшим упрощенную систему налогообложения, если объект строительства не использовался для извлечения выгоды в период применения упрощенной системы налогообложения, а облагаемые НДС операции возникли после перехода налогоплательщика на общую систему налогообложения.

Общество представило в налоговый орган налоговую декларацию по НДС за отчетный период, заявив в указанной декларации налоговые вычеты по строительству заправочной станции и пункта технического обслуживания.

По результатам налоговой проверки налоговый орган принял решения об отказе в привлечении общества к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения и об отказе в возмещении НДС.

Основанием для вынесения оспариваемых решений послужил вывод налогового органа об отсутствии у общества права на заявление к вычету спорных сумм НДС, мотивированный тем, что в период выставления счетов-фактур и до 1 июля 2015 г. общество не являлось плательщиком по общей системе налогообложения, но применяло упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения «доходы», и обоснованный положениями п. 2 ст. 346¹¹ НК РФ.

Не согласившись с вынесенными решениями налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании их незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды исходили из того, что в силу п. 2 ст. 346¹¹ НК РФ организации, применяющие упрощенную систему налогообложения, не признаются налогоплательщиками НДС, в связи с чем при переходе на общую систему налогообложения не имеют права принять к вычету суммы НДС, предъявленные в период применения специального налогового режима.

Отклоняя ссылку общества на положения п. 6 ст. 346²⁵ НК РФ, позволяющие при переходе на общий режим налогообложения принять к вычету суммы НДС, если расходы на приобретение товаров (работ, услуг, имущественных прав) не были вычтены из налоговой базы при применении упрощенной системы налогообложения, суды со ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в определении от 22 января 2014 г. № 62-О, отметили, что данной нормой урегулирован случай, когда налогоплательщиком в период применения специального налогового режима был выбран объект налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов».

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, обратив внимание на следующее.

Нормы гл. 21 НК РФ, ст. 346²⁵ НК РФ, определяющие правила налогообложения при переходе налогоплательщика на общую систему налогообложения с упрощенной системы налогообложения, не содержат запрета на вычет сумм НДС, предъявленных в период применения специального налогового режима по товарам (работам, услугам), использование которых в облагаемой НДС деятельности начато после перехода на общую систему налогообложения.

Положения п. 6 ст. 346²⁵ НК РФ ни по своему буквальному содержанию, ни во взаимосвязи с иными положениями НК РФ не дают оснований для вывода об установлении законодателем такого рода запрета, а направлены на исключение возможности одновременного получения налоговой выгоды в рамках применения двух систем налогообложения при приобретении товаров (работ, услуг). В этом контексте в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 января 2014 г. № 62-О констатировано, что, переходя в добровольном порядке к применению упрощенной системы налогообложения, налогоплательщики, по общему правилу, сами выбирают для себя объект налогообложения и, таким образом, самостоятельно решают, когда и как им выгоднее распорядиться принадлежащим правом, в том числе с учетом налоговых последствий своих действий.

Таким образом, суммы налога, предъявленные в ходе строительства, могут быть приняты к вычету налогоплательщиком, ранее применявшим упрощенную систему налогообложения, при соблюдении установленных ст. 169, п. 2 ст. 171 и п. 1 ст. 172 НК РФ условий, если объект строительства не использовался для извлечения выгоды в период применения упрощенной системы налогообложения, а облагаемые НДС операции с использованием оконченного строительства объекта совершены после перехода налогоплательщика на общую систему налогообложения.

Следовательно, вопреки выводам судов, само по себе то обстоятельство, что спорные суммы налога были предъявлены обществу в период осуществления строительства и применения им упрощенной системы налогообложения «доходы», не могло служить основанием для отказа в вычете названных сумм при исчислении НДС после перехода общества на общую систему налогообложения.

Определение № 301-ЭС21-784

37. Для исчисления земельного налога в отношении участков, образованных вследствие разделения единого земельного участка, может быть учтена кадастровая стоимость первоначального земельного

участка, установленная решением суда в размере его рыночной стоимости.

Общество в начале 2016 года владело земельным участком, который был разделен на четыре земельных участка, вследствие чего в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП) внесены соответствующие изменения.

12 октября 2016 г. общество обратилось с заявлением об оспаривании кадастровой стоимости первоначального участка в Комиссию по оспариванию кадастровой стоимости при Росреестре, а впоследствии с исковым заявлением в суд, решением которого установлена кадастровая стоимость первоначального земельного участка, равная его рыночной стоимости, что соответствует показателю 202,35 руб. за кв. м.

Актом определения кадастровой стоимости земельных участков определена новая кадастровая стоимость земельных участков.

Налоговым органом по результатам проверки установлено, что за 2016 год общество должно было продекларировать и уплатить земельный налог за один из участков исходя из прежней кадастровой стоимости, поскольку вновь определенная кадастровая стоимость может применяться только с даты внесения этой стоимости в ЕГРП. На данном основании налоговым органом за 2016 год доначислен земельный налог, начислены пени и санкции.

По тем же основаниям налоговым органом за 2016 год доначислен земельный налог (пени, санкции) по оставшимся трем участкам.

Не согласившись с указанным решением налогового органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, требование общества удовлетворено частично, решение налогового органа признано недействительным в части привлечения к ответственности в виде штрафа.

Суды, отказывая обществу в признании доначислений земельного налога незаконными, согласились с выводами налогового органа, что в 2016 году не подлежала применению кадастровая стоимость земельного участка, установленная решением суда, впоследствии указанная в акте определения кадастровой стоимости земельных участков 2017 года.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества в связи со следующим.

На основании п. 3 ст. 3 НК РФ налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными.

Экономическая обоснованность и умеренность налогового бремени как основные начала налогообложения достигаются законодателем в ходе определения (изменения) всех элементов налогообложения в совокупности.

Как следует из п. 1 ст. 389 НК РФ, объектом налогообложения по земельному налогу признаются земельные участки, расположенные в пределах муниципального образования (городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя), на территории которого введен налог.

Пункт 1 ст. 390 НК РФ предусматривает, что налоговая база определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения в соответствии со ст. 389 НК РФ.

В силу ч. 5 ст. 24²⁰ Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 135-ФЗ, в редакции, действовавшей в 2016 году), в случае изменения кадастровой стоимости по решению комиссии или суда в порядке, установленном ст. 24¹⁸ Закона № 135-ФЗ, сведения о кадастровой стоимости, установленной решением комиссии или суда, применяются для целей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее заявление о пересмотре кадастровой стоимости, но не ранее даты внесения в государственный кадастр недвижимости кадастровой стоимости, которая являлась предметом оспаривания.

Общество инициировало процедуру обжалования кадастровой стоимости первоначального земельного участка в 2016 году, следовательно, результат, закрепленный в решении суда (показатель – 202,35 руб. за кв. м), может применяться обществом с 1 января 2016 г.

Применительно к иным земельным участкам, возникшим в результате разделения первоначального земельного участка, их кадастровая стоимость была исчислена с момента их образования – с 5 июля 2016 г. Это означает, что орган Росреестра не усматривал необходимости учета иного (дифференцированного) показателя, несмотря на то, что в указанном случае имеют место четыре разных земельных участка.

Соответственно, в данном конкретном случае общество, обжалуя кадастровую стоимость первоначального земельного участка, фактически обжаловало и кадастровую стоимость иных земельных участков, возникших с 5 июля 2016 г. в результате разделения первоначального земельного участка. По вышеуказанным причинам нет оснований для применения в 2016 году по четырем земельным участкам для исчисления кадастровой стоимости какого-либо иного показателя, кроме как 202,35 руб. за кв. м.

С учетом изложенного доначисления земельного налога (пеней, санкций), осуществленные налоговым органом в оспариваемом решении, являются незаконными.

38. Налогоплательщик при исчислении налога на прибыль за текущий период вправе учесть расходы, не учтенные в предыдущих налоговых периодах и приведшие к излишней уплате налога, в том числе если допущенная ошибка (искажение) в определении периода учета расходов привела к уменьшению убытков прошлых лет, подлежащих переносу на текущий налоговый период (с учетом ограничений на предельный размер переносимого убытка).

В налоговой декларации за 2018 год общество при исчислении налогооблагаемой прибыли заявило расходы, отразив их в декларации как корректировку налоговой базы на выявленные ошибки (искажения), относящиеся к прошлым налоговым периодам, которые привели к излишней уплате налога. Данная сумма расходов представляла собой безнадежную к взысканию сумму задолженности перед налогоплательщиком, имевшейся у организации, сведения о которой исключены из единого государственного реестра юридических лиц в 2016 году.

Налоговым органом проведена проверка налоговой декларации, по результатам которой принято решение об отказе в привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, обществу начислена недоимка по налогу на прибыль организаций.

Основанием для принятия такого решения послужил вывод налогового органа о том, что безнадежная к взысканию задолженность должна была быть списана обществом с учета в 2016 году при ликвидации контрагента и в том же налоговом периоде учтена для целей налогообложения, в связи с чем ее отражение в налоговой декларации за 2018 год является неправомерным.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции заявление общества удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявленного требования отказано. При этом суды пришли к выводу об отсутствии всей совокупности условий, предусмотренных п. 1 ст. 54 НК РФ, при которой расходы, не учтенные в предыдущих налоговых периодах, могут быть учтены при исчислении налога на прибыль за текущий период. По мнению судов, в данном случае не выполнено условие об излишней уплате налога за 2016 год, поскольку в указанном налоговом периоде обществом выявлен убыток и в связи с отсутствием прибыли налог в бюджет не уплачивался.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, отметив следующее.

По общему правилу, установленному в абзаце втором п. 1 ст. 54 НК РФ, ошибки (искажения) в исчислении налоговой базы, относящиеся к прошлым налоговым (отчетным) периодам, исправляются за период, в котором они были совершены. Этому корреспондируют положения п. 1 ст. 81 НК РФ о праве налогоплательщика при обнаружении в поданной им в налоговый орган налоговой декларации недостоверных сведений, а также ошибок, не приводящих к занижению суммы налога, подлежащей уплате, внести необходимые изменения в налоговую декларацию и представить в налоговый орган уточненную налоговую декларацию.

Начиная с 1 января 2009 г. в абзаце третьем п. 1 ст. 54 НК РФ (в редакции Федерального закона от 26 ноября 2008 г. № 224-ФЗ) закреплено право налогоплательщика произвести перерасчет налоговой базы и суммы налога за налоговый (отчетный) период, в котором ошибки (искажения) были выявлены, если допущенные ошибки (искажения) привели к излишней уплате налога.

С учетом названных положений судебная практика исходит из правомерности перерасчета в текущем налоговом периоде налоговой базы, если ранее допущенные ошибки (искажения) не имеют негативных последствий для казны. Исправление таких ошибок (искажений) не посредством подачи уточненной декларации за предыдущий налоговый период, а с помощью отражения исправленных сведений в текущей налоговой декларации признается допустимым.

При этом вопреки выводам судов апелляционной и кассационной инстанций возможность перерасчета налоговой базы не ограничивается только случаями получения налогоплательщиком положительного финансового результата (прибыли) в период возникновения ошибки (искажения) и не обуславливается излишней уплатой налога исключительно в этот период, поскольку такие ограничения не следуют ни из буквального содержания абзаца третьего п. 1 ст. 54 НК РФ, ни из телеологического толкования данной нормы.

Невключение расходов в налогооблагаемую базу в периоде, когда они возникли, могло привести в этом периоде либо к завышению налогооблагаемой прибыли и переплате налога на прибыль (при положительном финансовом результате по итогам налогового периода), либо к занижению убытка (при отрицательном финансовом результате). В первом случае неправильный учет повлек бы излишнюю уплату налога, что компенсирует занижение налога в следующем периоде, во втором – увеличилась бы сумма убытка, на которую в силу права налогоплательщиков

на перенос накопленного убытка уменьшалась бы налогооблагаемая прибыль последующих налоговых периодов.

Следовательно, вне зависимости от финансового результата деятельности налогоплательщика (прибыль или убыток), полученного в период возникновения ошибки (искажения), для целей применения абзаца третьего п. 1 ст. 54 НК РФ значение имеет влияние допущенной ошибки (искажения) на состояние расчетов с бюджетом в этом и (или) последующих периодах – до периода, в котором налогоплательщиком заявлен перерасчет.

Как указывалось налогоплательщиком и не опровергнуто налоговым органом при рассмотрении дела в судах трех инстанций, увеличение убытка за 2016 год на сумму вновь выявленных расходов не могло привести к неуплате налога за названный налоговый период и с учетом установленного ст. 283 НК РФ права налогоплательщика на перенос накопленного убытка должно повлечь излишнюю уплату налога в 2017–2018 годах, что свидетельствует о соблюдении налогоплательщиком условий, указанных в абзаце третьем п. 1 ст. 54 НК РФ.

При этом налоговым органом в ходе рассмотрения дела в судах трех инстанций также не оспаривалось соблюдение обществом положений п. 2¹ ст. 283 НК РФ, ограничивающих с 1 января 2017 г. по 31 декабря 2021 г. предельный объем переносимого убытка (не более 50 % налоговой базы).

Определение № 306-ЭС20-20307

39. Налогоплательщик, использующий формальный документооборот с участием компаний, заведомо не ведущих реальной экономической деятельности («технических» компаний), вправе учесть фактически понесенные расходы при исчислении налога на прибыль в случае предоставления им (наличия у налогового органа) сведений и документов, позволяющих вывести фактически совершенные хозяйственные операции из не облагаемого налогами оборота. Расчетный способ определения суммы налога в указанных случаях не применяется.

Налоговым органом проведена налоговая проверка налогоплательщика по вопросам правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания, перечисления) налогов и сборов за отчетный период.

По результатам проверки налоговым органом вынесено решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, согласно которому налогоплательщику доначислен НДС и налог на прибыль организаций за отчетный период, пени, а также штрафы, предусмотренные п. 3 ст. 122 НК РФ за неуплату НДС и за неуплату налога на прибыль организаций.

Основанием для вынесения указанного решения послужили выводы налогового органа об умышленном создании налогоплательщиком формального документооборота для получения необоснованной налоговой выгоды при приобретении у обществ фиктивных и в действительности не оказанных транспортных услуг по перевозке готовой продукции налогоплательщика (хлебобулочных изделий) до мест розничной продажи.

Налоговый орган счел, что фактически общества транспортные услуги налогоплательщику не оказывали, поскольку являлись «техническими» компаниями, не обладавшими необходимыми ресурсами для оказания услуг и представлявшими налоговую отчетность с «минимальными» показателями.

Из денежных средств, перечисленных налогоплательщиком контрагентам первого звена на оплату транспортных услуг, большая их часть в дальнейшем обналачивалась через цепочку взаимозависимых лиц и возвращалась учредителю налогоплательщика в форме передачи векселей. При этом контрагенты второго звена перечисляли денежные средства на лицевые счета и банковские карты граждан-водителей.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено в части отказа в удовлетворении требований о признании недействительным решения налогового органа в части доначисления налога на прибыль организаций, начисления пеней, привлечения к налоговой ответственности в виде штрафа. В указанной части требования удовлетворены, в остальной части судебные акты оставлены без изменения.

Суд округа нашел ошибочными выводы судов первой и апелляционной инстанций о правомерности доначисления налога на прибыль. Как указал суд округа, единственным основанием для доначисления налога послужило осуществление доставки готовой продукции собственными силами, а также силами третьих лиц, при том что реальность оказания услуг по доставке готовой продукции конечному потребителю налоговым органом не отрицалась. С точки зрения суда округа, вывод о документальной неподтвержденности спорных расходов как понесенных именно в рамках сделки с конкретными контрагентами не может приводить к безусловному отказу в признании таких расходов для целей исчисления налога на прибыль, а влечет необходимость установления расходной части расчетным путем на основании подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ. Поскольку налоговый орган не определил величину расходов налогоплательщика на доставку готовой

продукции расчетным способом, то суд округа отменил решение налогового органа в части доначисления налога на прибыль организаций, соответствующих сумм пени и штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции в части удовлетворения заявленных требований о признании недействительным решения налогового органа в части доначисления налога на прибыль организаций, начисления пеней, привлечения к налоговой ответственности в виде штрафа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции в связи со следующим.

Согласно подп. 2 п. 2 ст. 54¹ НК РФ одним из условий получения налоговой выгоды является исполнение обязательства по соответствующей сделке надлежащим субъектом – лицом, заключившим договор с налогоплательщиком, либо лицом, на которое обязанность исполнения обязательства переведена (возложена) в силу договора или закона.

Цель противодействия налоговым злоупотреблениям при применении данной нормы реализуется за счет исключения возможности извлечения налоговой выгоды налогоплательщиками, использующими формальный документооборот с участием компаний, не ведущих реальной экономической деятельности и не исполняющих налоговые обязательства в связи со сделками, оформляемыми от их имени («технические» компании), при том что лицом, осуществляющим исполнение, является иной субъект.

Исходя из необходимости реализации вышеназванных публичных целей противодействия налоговым злоупотреблениям и поддержания в правоприменительной практике финансовых стимулов правомерного поведения участников оборота в упомянутых в подп. 2 п. 2 ст. 54¹ НК РФ случаях последствия участия налогоплательщика в формальном документообороте должны определяться с учетом его роли в причинении потерь казне.

Соответственно, расчетный способ определения налоговой обязанности на основании имеющейся у налогового органа информации о налогоплательщике, а также данных об иных аналогичных налогоплательщиках (подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ) подлежит применению, если допущенное налогоплательщиком нарушение сводится к документальной неподтвержденности совершенной им операции, нарушению правил учета, что, как правило, имеет место, если налогоплательщик не участвовал в уклонении от налогообложения, организованном иными лицами, но не проявил должную осмотрительность при выборе контрагента и взаимодействии с ним (п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»).

Если цель уменьшения налоговой обязанности за счет организации формального документооборота с участием «технических» компаний преследовалась непосредственно налогоплательщиком или, по крайней мере, при известности налогоплательщику об обстоятельствах, характеризующих его контрагента как «техническую» компанию, то применение расчетного способа определения налоговой обязанности в такой ситуации не отвечало бы предназначению данного института, по сути, уравнивая в налоговых последствиях субъектов, чье поведение и положение со всей очевидностью не является одинаковым: налогоплательщиков, допустивших причинение потерь казне для получения собственной налоговой выгоды, и налогоплательщиков, не обеспечивших должное документальное подтверждение осуществленных ими операций.

В то же время право на вычет фактически понесенных расходов при исчислении налога на прибыль может быть реализовано налогоплательщиком, содействовавшим в устранении потерь казны, раскрывшим в соответствии с требованиями подп. 6 п. 1 ст. 23, п. 1 ст. 54 НК РФ сведения и документы, позволяющие установить лицо, осуществившее фактическое исполнение по сделке, осуществить его налогообложение и, таким образом, вывести фактически совершенные хозяйственные операции из «теневого» (не облагаемого налогами) оборота.

Судами установлено, что формальный документооборот с участием обществ организован самим налогоплательщиком, который начиная с 2014 года перестал содержать собственный штат водителей и парк грузового транспорта, приобретая услуги перевозки у «технических» компаний. Вместе с тем фактически перевозка готовой продукции осуществлялась не вышеназванными контрагентами, а физическими лицами (водителями) в отсутствие договорных отношений с налогоплательщиком.

Налогоплательщиком в ходе проведения налоговой проверки, рассмотрения ее результатов, а равно при рассмотрении дела в суде не были раскрыты сведения и доказательства, позволившие установить, какая часть перевозок в интересах налогоплательщика была выполнена соответствующими водителями и какая часть из зачисленных на счета физических лиц денежных средств имела отношение к оплате осуществленных в интересах налогоплательщика перевозок, сформировав облагаемый налогами доход водителей, а не к обналичиванию денежных средств, то есть была осуществлена на легальном основании.

Учитывая изложенное, суды первой и апелляционной инстанций пришли к обоснованному выводу об отсутствии у налогоплательщика права на учет спорных расходов в полном объеме при исчислении налога на прибыль организаций, а выводы суда кассационной инстанции об обязанности налогового органа определить недоимку путем установления величины расходов налогоплательщика расчетным способом в соответствии

с подп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ при вышеназванных обстоятельствах не могут быть признаны правомерными.

Определение № 309-ЭС20-23981

40. Трехлетний срок исковой давности для обращения в суд с иском о возврате излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование исчисляется с даты представления расчета по страховым взносам за соответствующий расчетный период, но не позднее срока, установленного для уплаты страховых взносов.

На основании п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ), являясь плательщиком страховых взносов, применяющим специальный налоговый режим, предусматривающий уплату единого налога на вмененный доход, а также применяющим упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов», индивидуальный предприниматель уплатил страховые взносы за 2014 и 2015 годы, размер которых был исчислен исходя из доходов, полученных от предпринимательской деятельности за эти периоды, без учета произведенных расходов, связанных с извлечением доходов.

Предприниматель обратился в пенсионный фонд с заявлением от 4 июня 2018 г. о возврате излишне уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за 2014 и 2015 годы с учетом определения обязательств по уплате страховых взносов исходя из дохода, облагаемого по упрощенной системе налогообложения, за вычетом расходов, связанных с извлечением этого дохода.

Решением пенсионного фонда предпринимателю отказано в возврате перечисленных страховых взносов за 2014 и 2015 годы в связи с отсутствием переплаты.

Вступившим в законную силу решением арбитражного суда решение пенсионного фонда признано недействительным в части отказа в возврате предпринимателю излишне уплаченных страховых взносов за 2015 год, в удовлетворении требований в части признания недействительным решения пенсионного фонда об отказе в возврате излишне уплаченных страховых взносов за 2014 год отказано.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением об обязанности пенсионного фонда вернуть излишне уплаченные страховые взносы за 2014 год.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций,

заявление предпринимателя удовлетворено. При этом суды исходили из того, что о наличии спорной переплаты страховых взносов предприниматель мог узнать не ранее 2 декабря 2016 г. после официального опубликования на «Официальном интернет-портале правовой информации» постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 27-П, а, соответственно, трехлетний срок на подачу в суд заявления о возврате спорной суммы в данном случае не пропущен.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, указав следующее.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2016 г. № 27-П признал взаимосвязанные положения п. 1 ч. 8 ст. 14 Закона № 212-ФЗ и ст. 227 НК РФ в той мере, в какой на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что для данной цели доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными НК РФ правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

Таким образом, в постановлении от 30 ноября 2016 г. № 27-П Конституционный Суд Российской Федерации не признал нормы права неконституционными, а лишь установил их конституционно-правовой смысл. Указанным постановлением не изменяются действовавшие правовые нормы, а лишь дается толкование норм в их взаимосвязи.

С учетом изложенного переплата по страховым взносам у предпринимателя возникла в момент перечисления предпринимателем в бюджет пенсионного фонда страховых взносов за спорный расчетный период, о наличии которой предприниматель должен был знать с момента ее образования, то есть применительно к платежам за 2014 год не позднее 1 апреля 2015 г., так как расчет сумм страховых взносов, подлежащих уплате за расчетный период плательщиками страховых взносов, производится ими самостоятельно.

Поскольку суды установили, что с заявлением о возврате спорных излишне уплаченных сумм страховых взносов предприниматель обратился

в пенсионный фонд 4 июня 2018 г., а в суд с заявлением 29 ноября 2019 г., то, соответственно, предпринимателем пропущен как трехлетний срок для обращения в пенсионный фонд с заявлением о возврате излишне уплаченных сумм страховых взносов, так и трехлетний срок исковой давности для обращения в суд.

Определение № 309-ЭС20-22962

***Практика применения положений Кодекса Российской Федерации
об административных правонарушениях***

41. Срок давности привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ начинает течь с момента прекращения строительства объекта.

Обществом на принадлежащем ему на праве собственности земельном участке возведен склад для хранения запасных частей сельскохозяйственной техники в отсутствие разрешения на строительство указанного объекта, в связи с чем административный орган привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления о привлечении его к административной ответственности незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, обществу отказано в удовлетворении заявленных требований.

Суды признали правомерным оспариваемое постановление административного органа, указав на соблюдение предусмотренного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ годового срока давности привлечения общества к административной ответственности, который не истек на момент вынесения административным органом указанного постановления с учетом того, что общество в декабре 2019 года обращалось в городскую администрацию за получением разрешения на строительство указанного склада, в выдаче которого обществу было отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Частью 1 ст. 9.5 КоАП РФ установлена административная ответственность за строительство, реконструкцию объектов капитального строительства без разрешения на строительство в случае, если для осуществления строительства, реконструкции объектов капитального строительства предусмотрено получение разрешений на строительство.

Объективной стороной указанного административного правонарушения является совершение лицом, осуществляющим строительную деятельность, действий по осуществлению строительства (реконструкции) объекта капитального строительства при отсутствии разрешения на строительство только в течение периода, пока осуществляемая с нарушением закона деятельность не будет прекращена или нарушение не будет устранено.

Противоправное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ, считается оконченным в момент прекращения осуществляемой с нарушением закона деятельности по строительству (реконструкции) объекта – завершения строительных работ по строительству (реконструкции) объекта или в момент получения разрешения на строительство.

При этом ч. 5 ст. 9.5 КоАП РФ установлена административная ответственность за эксплуатацию объекта капитального строительства без разрешения на ввод его в эксплуатацию, за исключением случаев, если для осуществления строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства не требуется выдача разрешения на строительство.

Таким образом, указанными положениями КоАП РФ разграничена административная ответственность за фактические строительные работы по строительству (реконструкции) объекта в отсутствие соответствующего разрешения на строительство (ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ) и за эксплуатацию уже построенного, реконструированного объекта в отсутствие разрешения на ввод объекта в эксплуатацию (ч. 5 ст. 9.5 КоАП РФ).

Поэтому определение периода осуществления строительных работ без разрешения на строительство имеет значение при решении вопроса о соблюдении срока давности привлечения к административной ответственности.

Между тем судами данное обстоятельство не выяснялось, хотя общество в подтверждение своих доводов о том, что осуществляемая с нарушением закона деятельность по строительству спорного объекта без разрешения на строительство прекращена в июле 2014 года, представило в материалы дела договор подряда на выполнение строительных работ по возведению спорного склада, справку о стоимости выполненных работ и акт о приемке выполненных работ. При этом общество указывало, что после окончания строительства спорного объекта общество в 2015 году обращалось в городскую администрацию за получением разрешения на строительство, однако в выдаче этого разрешения было отказано, а повторное обращение в декабре 2019 года за выдачей разрешения на строительство спорного объекта было вызвано намерениями общества легализовать спорное самовольное строение и не свидетельствует об осуществлении обществом в это время работ по строительству спорного объекта.

Обстоятельства, свидетельствующие об осуществлении обществом строительных работ на спорном объекте после 2014 года, в том числе в декабре 2019 года и на момент проведения административным органом проверки, административным органом также не устанавливались.

Однако, признавая правомерным привлечение общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 9.5 КоАП РФ, с соблюдением предусмотренного ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ годичного срока давности привлечения к административной ответственности, суды не устанавливали обстоятельств, связанных с моментом прекращения строительства спорного объекта, которые имели существенное значение для рассмотрения дела в целях проверки соблюдения срока давности привлечения к административной ответственности.

При этом суд кассационной инстанции указал, что осуществление обществом строительных работ на объекте капитального строительства в отсутствие соответствующего разрешения и неполучение обществом такого разрешения по состоянию на декабрь 2019 года подтверждены материалами дела и не оспариваются обществом. Ссылка общества на договор подряда и акты выполненных работ в 2014 году опровергается подачей обществом заявлений о выдаче разрешения на строительство склада, в том числе в декабре 2019 года.

Тем самым суд кассационной инстанции в нарушение ч. 2 ст. 287 АПК РФ установил обстоятельства, которые не были установлены судами первой и апелляционной инстанций.

Определение № 308-ЭС21-1175

42. В силу примечания к ст. 11.33 КоАП РФ индивидуальные предприниматели, совершившие правонарушение, предусмотренное данной нормой, несут административную ответственность как юридические лица, следовательно, размер назначаемого им административного штрафа не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц.

Под видом перевозок пассажиров по заказу индивидуальный предприниматель фактически осуществлял регулярные перевозки пассажиров в отсутствие свидетельства об осуществлении перевозок и карты маршрутов регулярных перевозок. На этом основании административный орган вынес постановление по делу об административном правонарушении, которым предприниматель привлечен к административной ответственности по ч. 4 ст. 11.33 КоАП РФ, и ему назначен административный штраф в размере 300 000 руб.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене указанного постановления.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, оспариваемое постановление изменено, размер административного штрафа снижен до 30 000 руб.

Суды, согласившись с наличием в деянии предпринимателя признаков состава административного правонарушения и снижая размер штрафа, учитывали в том числе положения Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», КоАП РФ, и, на основании оценки обстоятельств дела, пришли к выводу, что согласно ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ штраф должен быть снижен до 30 000 руб.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации изменила указанные судебные акты и отменила постановление административного органа на основании следующего.

Часть 4 ст. 11.33 КоАП РФ предусматривает, что использование для осуществления регулярных перевозок пассажиров автобуса, трамвая или троллейбуса при отсутствии карты маршрута регулярных перевозок в случае, если наличие такой карты является обязательным, влечет наложение административного штрафа на водителя в размере пяти тысяч рублей; на должностных лиц – тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – трехсот тысяч рублей.

В соответствии с примечанием к данной статье КоАП РФ за административные правонарушения, предусмотренные указанной статьей, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.

Таким образом, предприниматель привлечен к административной ответственности оспариваемым постановлением в соответствии с примечанием к ст. 11.33 КоАП РФ как юридическое лицо.

На основании ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ (в редакции, действовавшей в период совершения правонарушения) при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судья, орган, должностное лицо, рассматривающие дела об административных правонарушениях либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях, могут назначить наказание в виде административного

штрафа в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ, в случае, если минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет не менее 100 000 руб.

Часть 3³ ст. 4.1 КоАП РФ устанавливает, что при назначении административного наказания в соответствии с ч. 3² ст. 4.1 КоАП РФ размер административного штрафа не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц соответствующей статьей или частью статьи раздела II КоАП РФ.

Следовательно, штраф мог быть снижен судами, установившими соответствующие основания как максимум до 150 000 руб.

В связи с этим снижение штрафа до 30 000 руб. является незаконным.

Определение № 305-ЭС20-23482

Практика применения положений административного законодательства

43. При проверке законности отказа административного органа в предоставлении государственной услуги суды не вправе руководствоваться одними лишь формальными основаниями, минуя исследование иных обстоятельств, имеющих существенное значение для дела.

Общество обратилось в административный орган с заявлением о выдаче разрешения на трансграничное перемещение золошлаковых отходов, образующихся от сжигания угля при работе государственной районной электрической станции, в целях их размещения на территории Республики Казахстан. Общество указало, что транспортировка золошлаковых отходов в виде водно-золошлаковой пульпы производится из котлотурбинных цехов электростанции в золоотвал по трубопроводам, расположенным на территории Российской Федерации и Республики Казахстан.

Административный орган в предоставлении государственной услуги отказал в связи с отсутствием у общества документов, предусмотренных Базельской конвенцией о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 22 марта 1989 г., ратифицированной Федеральным законом от 25 ноября 1994 г. № 49-ФЗ (далее – Базельская конвенция), Правилами трансграничного перемещения отходов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2003 г. № 442, Административным регламентом Росприроднадзора по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на трансграничное перемещение отходов, утвержденным приказом

Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 179 (далее – Административный регламент).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа административного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований общества отказано.

Суды исходили из того, что к заявлению, поданному в целях получения государственной услуги по выдаче разрешения на трансграничное перемещение отходов, общество не приложило в полном объеме документы, перечисленные в п. 13 Административного регламента. При этом суды ссылались на п. 16 Административного регламента, согласно которому представление обществом документов не в полном объеме является основанием для отказа в предоставлении названной выше государственной услуги, и поддержали в связи с этим решение административного органа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, учитывая следующее.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на судебную защиту признается и гарантируется в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Это право включает в себя не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод. Иное не согласуется с универсальным для всех видов судопроизводства требованием эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости. Когда суды не исследуют по существу обстоятельства дела, ограничиваясь только установлением формальных условий применения нормы, право на судебную защиту, закрепленное ст. 46 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным.

Оценивая законность и обоснованность отказа в предоставлении государственной услуги, суды ограничились только проверкой соблюдения административным органом формальных условий применения норм Административного регламента, оставив за пределами судебного исследования иные обстоятельства, имеющие значение для дела и подлежащие установлению.

Так, суды установили, что в числе документов, поданных обществом в административный орган, отсутствовали три экземпляра уведомления о трансграничном перемещении отходов и документ о перевозке отходов, оформленные в соответствии с требованиями решения 8-го совещания Конференции Сторон Базельской конвенции о контроле за трансграничной

перевозкой опасных отходов и их удалением № ВС-VIII/18 (далее – Решение 8-го совещания Конференции Сторон); документ о перевозке отходов, приложенный к заявлению, содержал сведения по 30 пунктам (разделам) вместо 19, предусмотренных формой, утвержденной Решением 8-го совещания Конференции Сторон; уведомление о трансграничном перемещении отходов содержало указание на вид транспорта «по трубопроводам», который не предусмотрен приложением VA Базельской конвенции; в графе (разделе) 16 уведомления отсутствовала информация о таможенных пунктах ввоза или вывоза и экспорта.

Суть претензий административного органа сводилось не к отсутствию данных документов как таковых, а к тому, что они составлены не по обновленным формам, пересмотренным Решением 8-го совещания Конференции Сторон.

Вместе с тем действовавший на день подачи заявления Административный регламент, определяющий, в частности, порядок, сроки и последовательность действий (административных процедур) административного органа при принятии решения о возможности трансграничного перемещения отходов, не содержал указания или ссылки на обновленные формы уведомления о трансграничном перемещении отходов и документ о перевозке отходов.

Более того, приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее – Минприроды России) от 24 декабря 2003 г. № 1151 в целях реализации постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2003 г. № 442 «О трансграничном перемещении отходов» и выполнения обязательств Российской Федерации по соблюдению требований Базельской конвенции утверждены формы уведомления о трансграничном перемещении отходов и документа о перевозке отходов, которые и были использованы обществом.

В связи с этим судам необходимо было выяснить и установить, могла ли представленная заявителем в определенном виде информация считаться полной для целей Базельской конвенции и являлось ли отступление от требуемых форм столь значительным, что это не позволило административному органу обеспечить соблюдение требований Базельской конвенции и обязательств Российской Федерации, имея в виду, что данное обстоятельство, как указывает общество, не препятствовало получению соответствующего согласия компетентного органа государства импорта отходов – Республики Казахстан.

Суды не учли, что иным способом или в ином органе разрешение на трансграничное перемещение отходов обществом не могло быть получено, а оспариваемый отказ, как следует из его содержания, не связан с отсутствием у общества права на получение необходимой для трансграничного перемещения отходов государственной услуги,

что предполагает ненадлежащие условия реализации такого права. Между тем судами не дана оценка доводам общества о том, что оспариваемый отказ не содержал указания на недостатки заявления и прилагаемой документации, исправление которых объективно было возможным, зависело от общества и могло привести к желаемому для общества результату – получению соответствующего разрешения.

Разрешая спор, суды не приняли во внимание, что нормативный правовой акт Российской Федерации, регулирующий порядок получения разрешения на трансграничное перемещение отходов для случаев, когда такое перемещение осуществляется силами лица, производящего отходы, посредством вида транспорта, не поименованного в Базельской конвенции (трубопровода), и когда это же лицо отвечает за их удаление на территории государства импорта, отсутствует.

Суды не проверили утверждения общества, что при обращении в административный орган с конкретным пакетом документов общество подтвердило соблюдение требований Базельской конвенции, не исследовали представленные в материалы дела документы на предмет соответствия таким требованиям при отклонении от выполнения отдельных формальных условий.

Проверив законность отказа административного органа в выдаче обществу разрешения на соответствие действующему Административному регламенту, суды, по существу, отказали обществу в судебной защите, не дав полной правовой оценки его доводам. Однако в системе государственных органов Российской Федерации именно судебным органам отведено полномочие разрешать возникающие споры не только с позиции закона, но и с позиции права – при наличии правового пробела.

Таким образом, вопреки требованиям ст. 168, 170, 271 АПК РФ суды не проверили обоснованность всех указанных доводов общества, не оценили доказательства в полном объеме и не установили все фактические обстоятельства, имеющие значение для дела с учетом требований Базельской конвенции и достижения ее целей в их правильном истолковании.

Суды не учли, что главная цель международно-правового механизма контроля за трансграничным перемещением опасных и иных отходов, предусмотренного Базельской конвенцией, не может нивелироваться формальным толкованием требований Конвенции на национальном уровне как в части заполнения необходимых документов, так и путем толкования положений Конвенции о видах транспортировки отходов, противоречащего основной цели данного международного договора (ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, заключенной 23 мая 1969 г.).

Допущенные судами нарушения норм материального и процессуального права привели к отмене судебных актов и направлению дела на новое рассмотрение.

Процессуальные вопросы

44. Суд передает дело по подсудности, согласованной должником и кредитором в основном договоре, если установит, что договор поручительства заключен в целях изменения договорной подсудности.

Заказчиком и подрядчиком в соответствии с заключенными договорами подряда согласована договорная подсудность для споров, вытекающих из таких договоров, компетентным судом выбран арбитражный суд по месту нахождения заказчика.

Впоследствии подрядчик и поручитель без участия заказчика заключили договоры поручительства. Подрядчик обратился с иском о взыскании солидарно с заказчика и поручителя задолженности, определив в качестве компетентного суда арбитражный суд по месту нахождения поручителя.

При рассмотрении дела в суде первой инстанции заказчик заявил ходатайство о передаче дела по подсудности.

Определением суда первой инстанции дело передано по подсудности в арбитражный суд по месту нахождения заказчика.

При этом суд первой инстанции руководствовался положениями ст. 36, 37 АПК РФ, а также разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (действовавшего в прежней редакции до 24 декабря 2020 г.; далее – постановление Пленума № 42).

Постановлением суда апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении ходатайства о передаче дела по подсудности отказано.

Суд апелляционной инстанции счел: обстоятельства, которые бы свидетельствовали о том, что стороны договоров поручительства заключили их без намерения создать соответствующие данным сделкам правовые последствия исключительно в целях искусственного изменения подсудности, предусмотренной договорами подряда, не установлены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

АПК РФ установлены правила подсудности дел арбитражным судам субъектов Российской Федерации, цель которых – осуществление правосудия компетентным судом, определенным в том числе законом или, в силу дозволенного им выбора такого суда, самими сторонами спора.

По общему правилу, иск предъявляется в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по адресу или месту жительства ответчика (ст. 35 АПК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 36 АПК РФ иск к ответчикам, находящимся или проживающим на территориях разных субъектов Российской Федерации, предъявляется в арбитражный суд по адресу или месту жительства одного из ответчиков.

Подсудность, установленная ст. 35 и 36 АПК РФ, может быть изменена по соглашению сторон до принятия арбитражным судом заявления к своему производству (ст. 37 АПК РФ).

Выбор между арбитражными судами, которым подсудно дело, принадлежит истцу (ч. 7 ст. 36 АПК РФ).

В п. 6 постановления Пленума № 42 указано: если иск кредитора к должнику и поручителю предъявлен по месту нахождения поручителя и судом на этапе подготовки дела к судебному разбирательству будет установлено, что договор поручительства был заключен без ведома и согласия должника для недобросовестного изменения подсудности дела, то суд в соответствии с ч. 3 ст. 130 АПК РФ выделяет требование в отношении должника в отдельное производство и передает его в суд по месту нахождения должника или определенный соглашением должника и кредитора (ст. 35 и 37, п. 3 ч. 2 ст. 39 АПК РФ), так как истец, обратившись в суд по месту нахождения поручителя, злоупотребил процессуальным правом на выбор подсудности для данного дела (ч. 2 ст. 41 АПК РФ).

Рассматривая вопрос о недобросовестном изменении подсудности дела посредством заключения договора поручительства, судам следует учитывать, что о заключении договора поручительства с единственной целью изменения территориальной подсудности дела может свидетельствовать совокупность таких обстоятельств:

1) между поручителем и должником отсутствуют какие-либо отношения (корпоративные, обязательственные, родственные и проч.), объясняющие экономическую цель выдачи поручительства за должника;

2) иск по обязательству, обеспеченному поручительством, предъявлен в суд, который расположен в месте нахождения истца либо в непосредственной близости к нему, либо отличается от суда, предусмотренного в договоре кредитора и должника (ст. 37 АПК РФ), либо расположен таким образом, что личное участие должника в рассмотрении дела может быть существенно затруднено.

Руководствуясь приведенными разъяснениями, суд первой инстанции, оценив все имеющиеся для разрешения этого вопроса обстоятельства, счел, что договоры поручительства порождают сомнение в добросовестности сторон этих договоров, целью заключения которых является изменение договорной подсудности указанного спора.

По договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем (п. 1 ст. 361 ГК РФ).

Поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, что и должник, если иное не установлено договором поручительства. При этом поручитель не является должником в основном обязательстве, а исполняет свою собственную обязанность в указанном объеме (п. 1 ст. 361, п. 2 ст. 366 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» (далее – постановление Пленума № 45), договор поручительства может быть заключен без согласия или уведомления должника, поскольку иное не предусмотрено параграфом 5 гл. 23 ГК РФ.

Одним из существенных обстоятельств, позволяющих проверить недобросовестное поведение стороны, имеющей цель изменить подсудность, как указано в постановлении Пленума № 42 (аналогичная позиция содержится в п. 52 постановления Пленума № 45), является отсутствие между поручителем и должником корпоративных или иных обязательственных правоотношений. Указанное обстоятельство объясняет экономическую цель выдачи поручительства за должника.

Отсутствие каких-либо взаимоотношений между должником и поручителем было установлено судом первой инстанции и не опровергнуто судом апелляционной инстанции, а также обратное не доказано кредитором в лице истца.

Напротив, договоры поручительства были заключены подрядчиком и поручителем без участия заказчика. Уставный капитал поручителя несопоставим со стоимостью работ по договорам подряда, чистые активы у поручителя отсутствуют. Представитель истца указал на то, что им не проверялось финансовое положение поручителя до заключения договоров поручительства.

Указанные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии у истца как кредитора намерения реализовать свой интерес из договоров подряда посредством предъявления требований к поручителю как лицу, способному исполнить принятые на себя обязательства.

Кроме того, обеспечение по договорам поручительства было выдано на безвозмездных условиях, что, с учетом отсутствия взаимоотношений между должником и поручителем, не подтверждает наличия не только у них, но и у истца экономической цели заключения договоров поручительства.

Документы, содержащие сведения о финансовом состоянии поручителя и об условиях выдачи поручительства, имелись в распоряжении суда апелляционной инстанции, однако суд не дал им объективной и надлежащей оценки.

Поскольку договоры поручительства были заключены без участия заказчика, то его возражения об отсутствии экономической цели их заключения для исключения недобросовестного изменения территориальной подсудности дела при изложенных выше обстоятельствах должны были быть проверены судом с позиции наличия доказательств обратного у истца как участника указанных договоров.

Определение № 305-ЭС20-23627

45. На истца не могут быть возложены судебные расходы, понесенные ответчиком, в случае, когда требование им удовлетворено добровольно в ходе судебного разбирательства, а истец не воспользовался своим правом на отказ от иска.

Общество, участник договора простого товарищества, обратилось с иском к другому товарищу, на которого договором была возложена обязанность по ведению дел товарищества, об обязанности предоставить надлежащим образом заверенные копии документов.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено частично.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение в части удовлетворения иска отменено, в этой части в иске отказано. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Законность и обоснованность судебных актов, принятых по существу спора, судом кассационной инстанции не проверялись.

Ответчик обратился в арбитражный суд, рассмотревший дело в качестве суда первой инстанции, с заявлением о взыскании с истца судебных расходов на оплату услуг представителя.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной и кассационной инстанций, заявление удовлетворено частично.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты в части удовлетворения заявления о взыскании судебных расходов, в удовлетворении заявления в данной части отказала, исходя из следующего.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении судебных издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – постановление Пленума № 1) разъяснено,

что судебные расходы, состоящие из государственной пошлины, а также издержек, связанных с рассмотрением дела (далее – судебные издержки), представляют собой денежные затраты (потери), распределяемые в арбитражном процессе в порядке, предусмотренном гл. 9 АПК РФ.

По смыслу названных законоположений принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу (например, решение суда первой инстанции, определение о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения, судебный акт суда апелляционной, кассационной, надзорной инстанции, которым завершено производство по делу на соответствующей стадии процесса).

Согласно ч. 2 ст. 110 АПК РФ, п. 12 постановления Пленума № 1 расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

В соответствии с разъяснениями п. 26 постановления Пленума № 1 при прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика.

При этом следует иметь в виду, что отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, поэтому возмещение судебных издержек истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска. Следовательно, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика (абзац второй п. 26 постановления Пленума № 1).

Кроме того, при рассмотрении вопроса о распределении судебных расходов по делу о предоставлении информации участнику договора простого товарищества по аналогии могут применяться отдельные разъяснения, содержащиеся в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» (далее – информационное письмо № 144).

В абзаце третьем п. 2 информационного письма № 144 разъяснено, что если до предъявления в суд иска участник обращался в общество с требованием о предоставлении информации, но общество необоснованно отказало ему в ее предоставлении либо в течение установленного срока не ответило на его требование, то предоставление обществом такой информации участнику после предъявления иска, но до принятия решения

является основанием для отказа в иске; в таком случае судебные расходы могут быть отнесены судом на ответчика в связи с его злоупотреблением (ст. 111 АПК РФ).

Отказывая в удовлетворении требований истца в части, суд исходил из того, что после обращения в суд, но до принятия судебного акта ответчик представил истцу требуемые документы, за исключением выписок по банковскому счету.

Решение суда первой инстанции в удовлетворенной части отменено арбитражным апелляционным судом вследствие неисполнимости судебного акта, а не необоснованности заявленного требования.

При изложенных обстоятельствах ответчик не может быть признан стороной, частично выигравшей спор, и, следовательно, судебные расходы подлежали отнесению на него.

Кроме того, истцом в данном деле заявлены требования неимущественного характера, при разрешении которых в соответствии с п. 21 постановления Пленума № 1 не подлежат применению положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек.

Определение № 305-ЭС21-4049

46. В случае нарушения имущественных интересов лица обеспечительными мерами в результате предоставления встречного обеспечения, такое лицо вправе обратиться в арбитражный суд с требованием о взыскании компенсации в соответствии с ч. 1 ст. 98 АПК РФ.

Общество, оспаривая в арбитражном суде решение налогового органа, вынесенное по результатам налоговой проверки, заявило одновременно ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде приостановления решения налогового органа.

Налоговый орган обратился в суд с ходатайством о предоставлении встречного обеспечения.

После перечисления обществом встречного обеспечения на депозитный счет суда судом приняты заявленные обществом обеспечительные меры.

По результатам рассмотрения дела в суде обеспечительные меры отменены, встречное обеспечение возвращено обществу с депозитного счета суда.

Общество, полагая, что в результате принятия обеспечительных мер для него наступили негативные последствия, которые выразились в том, что длительное время (более 17 месяцев) оно не имело возможности пользоваться и распоряжаться значительной денежной суммой, а это, в свою очередь, повлекло финансовые потери в виде упущенной выгоды, обратилось

в арбитражный суд с требованием о взыскании компенсации в соответствии с ч. 1 ст. 98 АПК РФ.

Решением суда первой инстанции требования общества удовлетворены: с налогового органа в пользу общества взыскана компенсация, а также судебные расходы.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции изменено. Суд пришел к выводу, что закрепленное в ст. 98 АПК РФ предназначение компенсации, выплачиваемой в связи с обеспечением иска, направлено на восстановление имущественного положения потерпевшего, а не на его неосновательное обогащение, поэтому сумма компенсации и судебных расходов была значительно уменьшена.

Суд кассационной инстанции судебные акты судов первой и апелляционной инстанций отменил, в удовлетворении иска отказал. При этом суд отметил, что в ст. 98 АПК РФ закреплено специальное правило, в силу которого ответчик, чьи права и (или) законные интересы нарушены обеспечением иска, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от истца, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, возмещения убытков или выплаты компенсации.

Таким образом, суд указал на то, что закрепленное в ст. 98 АПК РФ специальное правило не предусматривает взыскание компенсации за негативные последствия, возникшие у общества, являющегося истцом, в результате предоставления встречного обеспечения. Кроме того, суд кассационной инстанции обратил внимание, что негативные последствия для общества наступили в результате предоставления встречного обеспечения в виде зачисления денежных средств на депозитный счет суда и не находятся в прямой причинно-следственной связи с принятием обеспечительных мер в виде приостановления действия решения налогового органа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, обратив внимание на следующее.

Согласно ч. 1 ст. 90 АПК РФ арбитражный суд по заявлению лица, участвующего в деле, а в случаях, предусмотренных АПК РФ, и иного лица может принять срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя (обеспечительные меры), в том числе в случае отложения судебного разбирательства в целях урегулирования спора.

Кроме того, ст. 94 АПК РФ предусматривает наличие института встречного обеспечения, целью которого является защита имущественных интересов лиц, участвующих в деле, в случае принятия судом обеспечения

иска, средством, гарантирующим обеспечение баланса интересов сторон спорных отношений.

Встречное обеспечение по своей сути является разновидностью обеспечительных мер и применяется во встречном режиме – в ответ на истребуемые первоначальные обеспечительные меры.

Вместе с тем законодательством в целях полного баланса интересов сторон спорных отношений и их имущественных интересов также предусмотрены институты, закрепленные нормой ч. 1 ст. 98 АПК РФ, а именно взыскание убытков или компенсации в случае нарушения имущественных интересов обеспечительными мерами. Указанной нормой предусмотрено право как ответчика, так и других лиц на защиту своих прав и (или) законных интересов, которые были нарушены обеспечением иска. Норма направлена, как следует из ее содержания, на защиту имущественных интересов любых лиц, участвующих в деле, которые в конкретном деле предоставляют встречное обеспечение (в данном случае – общества, так как именно оно перечислило сумму встречного обеспечения на депозитный счет суда).

Учитывая изложенное, довод налогового органа, принятый судом кассационной инстанции, в соответствии с которым взыскание убытков и компенсации в связи с обеспечением иска возможно только ответчиком и другими лицами, чьи права и (или) законные интересы нарушены указанным обеспечением, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска, но никак не лицом, инициировавшим судебное разбирательство, является неверным.

Такой подход привел бы к возникновению коллизии, при которой лицо, чьи имущественные интересы были затронуты принятием обеспечительных мер, не смогло бы воспользоваться существующим правовым механизмом для защиты таких интересов, следовательно, к нарушению принципа равенства прав участников процессуальных отношений.

Соответственно, общество правомерно руководствовалось ст. 98 АПК РФ при подаче искового заявления.

Кроме того, к правовому механизму, предусмотренному ст. 94 АПК РФ, применяются критерии, установленные и для остальных обеспечительных мер. Судам следует, в частности, иметь в виду вероятность причинения заявителю значительного ущерба в случае непринятия обеспечительных мер, а также обеспечение баланса интересов заинтересованных сторон (п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»).

С учетом того, что обеспечительные меры являются вмешательством в имущественную сферу субъекта (в его собственность), такое вмешательство всегда компенсируется, на что и направлено нормативное

регулирование, установленное в ст. 98 АПК РФ. При этом согласно п. 34 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2016 г., при рассмотрении судом иска о выплате компенсации на основании ст. 98 АПК РФ на истце лежит бремя доказывания возникновения у него негативных последствий и наличия причинно-следственной связи между этими последствиями и обеспечением иска.

Таким образом, с учетом вышесказанного у суда кассационной инстанции отсутствовали основания для отмены судебных актов судов первой и апелляционной инстанций.

Определение № 307-ЭС20-10839

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

47. Если перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялось истязание или совершалось глумление над ним, то такое убийство признается совершенным с особой жестокостью.

Ш. обвинялся органами предварительного следствия в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В ходе судебного разбирательства по делу установлено, что во время распития спиртного у осужденного Ш. на почве личных неприязненных отношений возник умысел на убийство потерпевшего Б., реализуя который, он перерезал Б. правое ухо и нанес ногами не менее четырех ударов в голову и грудь. Затем осужденный потребовал от потерпевшего сесть в багажник своего автомобиля, при этом нанес ему один удар стеклянной бутылкой по голове.

После этого присутствующий при конфликте свидетель К., исполняя указания осужденного, привез потерпевшего на берег озера, где осужденный нанес Б. не менее восьми ударов руками и ногами по различным частям тела, а затем произвел из ружья выстрелы в область нижних конечностей потерпевшего, причинив огнестрельные раны бедра, относящиеся к повреждениям, причинившим вред здоровью средней тяжести. Поместив раненого потерпевшего в багажник автомобиля, осужденный потребовал от К., управлявшего автомобилем, проследовать вдоль берега озера. После этого осужденный вытащил за волосы потерпевшего из багажника и выстрелил из

ружья ему в голову, причинив открытую черепно-мозговую травму, от которой Б. скончался на месте происшествия.

Помимо указанных огнестрельных ранений своими преступными действиями осужденный причинил потерпевшему резаную рану правой ушной раковины, относящуюся к повреждению, причинившему легкий вред здоровью, а также многочисленные ссадины и кровоподтеки в области лица и рук.

По приговору Кировского областного суда от 22 декабря 2020 г. действия Ш. квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ему назначено наказание в виде 13 лет лишения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 15 марта 2021 г. указанный приговор оставлен без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил об отмене апелляционного определения, выражая несогласие с выводом суда апелляционной инстанции о том, что при определении наличия в действиях осужденного особой жестокости не может учитываться глумление над потерпевшим. Также, по его мнению, для правильной юридической оценки содеянного осужденным необходимо рассматривать не отдельные его действия в отношении потерпевшего, а совокупность таких действий в течение длительного времени посягательства (около двух часов), в ходе которого происходило издевательство над потерпевшим. При этом обращено внимание на то, что характер совершаемых осужденным действий связан не только с причинением потерпевшему значительной физической боли и многочисленных повреждений, но и с психическим насилием, изощренным унижением, глумлением над ним, причинившим ему особые страдания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 12 августа 2021 г. отменила апелляционное определение и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда², указав следующее.

Для квалификации действий по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось причинение смерти потерпевшему с особой жестокостью и его действия свидетельствовали об этом.

Согласно разъяснениям, данным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» при квалификации убийства по п. «д»

² При новом рассмотрении уголовного дела 21 сентября 2021 г. Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции отменил первоначальный приговор от 22 декабря 2020 г. и вынес новый апелляционный приговор, согласно которому Ш. осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ему назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы.

ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. При этом для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Суд, исследовав представленные доказательства, установил фактические обстоятельства преступления, указанные в обвинительном заключении, однако пришел к выводу об отсутствии признака особой жестокости в действиях осужденного и квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Приводя мотивы принятого решения, суд в приговоре указал, что действия осужденного с учетом продолжительности, количества и тяжести телесных повреждений, предшествовавших лишению жизни, которые по заключениям экспертов относятся к причинившим легкой и средней тяжести вред здоровью (резаная рана уха, огнестрельное ранение ног), а также к повреждениям, не причинившим такого вреда, не обладают той степенью жестокости, которая достаточна для квалификации содеянного по данному признаку.

Вместе с тем, как видно из приговора, для оценки признака особой жестокости судом фактически учтены лишь тяжесть телесных повреждений потерпевшего, вызванных ранением уха и ног, а иные установленные обстоятельства и действия осужденного во внимание приняты не были.

В частности, из показаний свидетеля К. следует, что на протяжении двух часов осужденный совершал в отношении потерпевшего насильственные действия: ножом перерезал его правое ухо, нанес ему не менее 12 ударов руками и ногами по телу и в голову, в том числе и стеклянной бутылкой, из гладкоствольного охотничьего ружья прострелил насквозь обе ноги, неоднократно высказывал угрозы убийством, дважды против воли потерпевшего, применяя физическое насилие, в том числе удерживая за волосы, помещал его в багажник автомобиля.

Таким образом, судом первой инстанции были нарушены правила оценки доказательств.

Судом апелляционной инстанции данные нарушения не устранены. Проверяя приговор и отвергая доводы представления, суд апелляционной инстанции так же, как и суд первой инстанции, исходил из выводов, сделанных по результатам анализа отдельных действий осужденного, не оценивая их вместе с периодом, предшествовавшим смерти потерпевшего, не принимая во внимание имеющие значение для дела показания свидетеля К. о действиях осужденного и восприятии насилия потерпевшим, заключения судебно-медицинских экспертов и другие исследованные доказательства в их совокупности.

Более того, выводы суда апелляционной инстанции, отвергнувшего доводы стороны обвинения о глумлении осужденного над потерпевшим, противоречат разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», согласно которым признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.).

Допущенные судебными инстанциями нарушения являются существенными, искажающими суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, поскольку повлекли квалификацию действий осужденного как менее тяжкого преступления и назначение ему чрезмерно мягкого наказания.

Определение №10-УДП21-11-А4

48. Для квалификации действий лица по ч. 1 ст. 119 УК РФ как угроза убийством необходимо установить, что указанные действия давали потерпевшему основания опасаться ее осуществления.

Б. признан виновным в угрозе убийством потерпевшему, у которого имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

По приговору мирового судьи судебного участка № 32 Шадринского судебного района Курганской области от 18 июня 2020 г. (оставленному судами апелляционной и кассационной инстанций без изменения) Б. осужден по ч. 1 ст. 119 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного просил отменить приговор и вынести оправдательный приговор в связи с отсутствием в действиях Б. состава преступления. Автор жалобы утверждал, что описание объективной стороны деяния, признанного судом доказанным, заключается в нанесении побоев потерпевшему без квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 116 и 116¹ УК РФ, и образует состав административного правонарушения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 22 июля 2021 г. отменила приговор и все последующие судебные решения в отношении Б. и дело передала на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции иным составом суда, указав следующее.

Статьей 119 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Из приговора усматривается, что угроза убийством выражалась в том, что осужденный в ходе конфликта с потерпевшим Т., имея умысел на создание реальной угрозы жизни и здоровью Т., умышленно нанес удары руками, металлическим предметом и ногами по различным частям тела потерпевшего.

Эти действия осужденного потерпевший Т. воспринял как реальную угрозу своей жизни и здоровью и у него имелись основания опасаться ее осуществления, так как осужденный был агрессивно настроен по отношению к потерпевшему, сильнее его физически, возможности убежать у последнего не было, удары осужденный нанес в место расположения жизненно важных органов, причинив телесные повреждения.

В судебном заседании осужденный пояснял, что у него с Т. произошел конфликт, переросший в обоюдную драку, в ходе которой они оба наносили друг другу удары. Ударов какими-либо предметами он потерпевшему Т. не наносил, угроз не высказывал. Повреждения на голове у Т. могли появиться от падения.

Потерпевший Т. утверждал, что осужденный ударил его железным крюком в висок, а затем нанес удары в спину и руками по голове. Он (Т.) защищался, возможно, нанес удары по телу осужденного. Высказывал ли осужденный в его адрес угрозы убийством, он не помнит.

В обоснование вывода о виновности Б. в угрозе убийством Т. суд сослался в приговоре в том числе на заключение эксперта о наличии у потерпевшего телесных повреждений на лице, которые образовались от действия тупого предмета (предметов) и не повлекли вреда здоровью потерпевшего.

Вместе с тем суд оставил без внимания заключение эксперта о наличии телесных повреждений и у осужденного в виде двух кровоподтеков в области лица, кровоизлияния в слизистую верхней губы, кровоподтека и посттравматического отека мягких тканей первого пальца правой кисти, которые не влекут вреда здоровью человека.

Мотивируя вывод о виновности Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, суд указал, что угроза убийством может быть выражена в любой форме и отсутствие словесных угроз не исключает уголовной ответственности по данной статье, так как осужденный нанес удар железным крюком по голове потерпевшего, и эти действия последний расценивал для себя как угрозу убийством при наличии оснований опасаться осуществления данной угрозы.

Между тем обязательным признаком угрозы убийством является ее реальность, когда имеются объективные основания опасаться ее

осуществления. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, в которой потерпевшему угрожают, личности виновного, взаимоотношений потерпевшего и виновного.

Согласно установленным судом обстоятельствам между осужденным и потерпевшим возник конфликт на почве личных неприязненных отношений.

При этом судом не приведены мотивы, на основании которых он пришел к выводу о наличии у осужденного прямого умысла на совершение угрозы убийством потерпевшего, а также о реальности восприятия такой угрозы потерпевшим. Исследовав вопрос о субъективном восприятии потерпевшим реальности угрозы убийством, суд надлежащим образом не исследовал и не учел все фактические обстоятельства данного дела, поведение осужденного и потерпевшего, личность осужденного, характер взаимоотношений потерпевшего и осужденного, обстоятельства произошедшего между ними обоюдного конфликта.

Определение № 82-УД21-7-К7

49. Хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты подлежит квалификации как кража, совершенная с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Согласно приговору Р. 18 марта 2019 г., находясь в помещении отделения банка, незаконно завладел банковской картой, открытой на имя К. В тот же день Р. совершал покупки в различных магазинах, производя оплату товаров с использованием банковской карты потерпевшего, похитив денежные средства К. на общую сумму 11 497 руб. 34 коп. и причинив потерпевшему значительный материальный ущерб.

По приговору Кузьминского районного суда г. Москвы от 8 июля 2020 г. указанные действия Р. квалифицированы по ч. 2 ст. 159³ УК РФ как мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа, с причинением значительного ущерба потерпевшему.

По этому же приговору Р. осужден также по ч. 1 ст. 228 и ч. 1 ст. 158 УК РФ.

В апелляционном порядке приговор в отношении Р. не рассматривался.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2021 г. приговор изменен в части назначенного Р. наказания. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации поставил вопрос об отмене приговора, кассационного определения в части осуждения Р. по ч. 2 ст. 159³ УК РФ и о направлении уголовного дела в этой части прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237

УПК РФ, для устранения препятствий его рассмотрения судом. Автор представления обращал внимание на то, что осужденный совершил хищение денежных средств с банковского счета тайно как от потерпевшего, так и иных лиц, а учитывая изменения, внесенные Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ в ст. 159³ УК РФ, которые действовали на момент совершения осужденным преступления, его действия следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2021 г. удовлетворила кассационное представление, указав следующее.

Судом первой инстанции установлено, что Р. совершил хищение чужого имущества с использованием электронных средств платежа путем обмана уполномоченного работника торговой организации, поскольку владел платежной картой незаконно.

Вместе с тем по смыслу уголовного закона хищение денежных средств, совершенное с использованием виновным электронного средства платежа, образует состав преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ, в тех случаях, когда изъятие денежных средств было осуществлено путем обмана или злоупотребления доверием их владельца или иного лица.

Как следует из материалов уголовного дела, осужденный, завладев банковской картой ранее неизвестного ему потерпевшего К., которую тот после совершения операций забыл в банкомате, оплачивал ею товары в магазинах бесконтактным способом. Работники торговых организаций не принимали участия в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета при оплате товаров осужденным. Соответственно, осужденный ложные сведения о принадлежности карты сотрудникам торговых организаций не сообщал и в заблуждение их не вводил.

Действующими нормативными актами на уполномоченных работников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, обязанность идентификации держателя карты по документам, удостоверяющим его личность, не возлагается.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», действовавшим на момент совершения преступления осужденным, в ст. 159³ УК РФ были внесены изменения. Из диспозиции данной статьи исключено указание на то, что под таким мошенничеством понимается хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Этим же законом введена уголовная ответственность по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу с банковского счета.

С учетом изложенного квалификация действий осужденного по ч. 2 ст. 159³ УК РФ является неправильной.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанного лица как более тяжкого преступления, суд вправе возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2021 г. отменила приговор и кассационное определение в отношении Р. в части осуждения по ч. 2 ст. 159³ УК РФ, а уголовное дело возвратила прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Определение № 5-УДП21-44-К2

50. Для квалификации действий лица как оконченного незаконного сбыта наркотических средств должно быть установлено, что сведения о месте произведенной лицом закладки наркотических средств, переданные им соучастнику преступления, доведены последним до приобретателя этих средств.

К.М. признана виновной в незаконном сбыте наркотических средств (производное наркотического средства метилэфедрона общей массой 0,76 г), совершенном группой лиц по предварительному сговору, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в значительном размере.

По приговору установлено, что 12 октября 2017 г. К.Е. вступила в предварительный сговор с К.М. на незаконный сбыт наркотических средств. Согласно распределенным ролям К.Е., используя сотовый телефон с доступом к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», получала от неустановленного следствием лица сведения об очередной оптовой партии наркотического средства, изымала эти средства из тайника и перевозила их к месту своего жительства. После этого совместно с К.М. фасовали наркотическое средство и помещали его в тайники для последующего сбыта третьим лицам.

Так, неустановленное лицо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») приобрело вещество, которое содержит 1-фенил-2-(пирролидин-1-ил) пентан-1-он – производное наркотического средства N-метилэфедрона, общей массой не менее 10 г и организовало тайник с закладкой указанного наркотического

средства, о чем сообщило К.Е., которая извлекла это средство, перевезла и хранила его по месту своего жительства.

30 октября 2017 г. К.Е. расфасовала данное наркотическое средство в меньшие по весу партии в удобную для сбыта упаковку количеством не менее трех штук общей массой не менее 0,76 г. После этого совместно с К.М. они поместили свертки с наркотическим средством в три тайника. Адреса указанных тайников К.М. в тот же день посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и программы «WhatsApp» сообщила К.Е., которая, в свою очередь, сообщила их неустановленному лицу.

14 июня 2018 г. указанные свертки в количестве трех штук с наркотическим средством общей массой 0,76 г были обнаружены и изъяты сотрудниками полиции.

По приговору Приволжского районного суда Астраханской области от 23 ноября 2018 г. (с учетом решений судов апелляционной и кассационной инстанций) К.М. и К.Е. осуждены по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 13 мая 2021 г. изменила приговор и последующие судебные решения, указав следующее.

Квалифицируя действия осужденной К.М. по факту сбыта указанных трех свертков с наркотическими средствами по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, то есть как оконченное преступление, суд не дал должной оценки тому обстоятельству, что информация о месте нахождения тайников с закладками наркотических средств согласно достигнутой договоренности и распределением ролей между К.Е., К.М. и неустановленным следствием лицом не была доведена до сведения потенциальных приобретателей указанным неустановленным лицом, которое непосредственно должно было сообщить им эту информацию, при этом сами наркотические средства из указанных тайников были изъяты сотрудниками правоохранительных органов.

При этом суд первой инстанции, сославшись в обоснование квалификации действий К.М. на пункт 13¹ постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» о том, что незаконный сбыт наркотических средств следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств независимо от их фактического получения приобретателем, не принял во внимание, что неустановленное лицо приобретателем наркотических средств не являлось.

Кроме того, суд не учел и разъяснения, содержащиеся в п. 13² этого же постановления, согласно которым, если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по независящим от него обстоятельствам не передает указанные средства приобретателю, такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, последующие судебные решения и переквалифицировала действия К.М. с пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ на ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ.

Определение № 25-УД21-6-К4

Назначение наказания

51. Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения не является признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, в связи с чем оно может учитываться в качестве обстоятельства, отягчающего наказание за данное преступление.

Я. признан виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хищения, а также в том, что он, находясь в состоянии опьянения, управлял угнанным автомобилем, будучи подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

По приговору Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края от 28 ноября 2019 г. Я., ранее судимый, осужден по ч. 1 ст. 166 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 9 месяцев, по ст. 264¹ УК РФ к лишению свободы на срок 8 месяцев, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на срок 2 года 6 месяцев. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 2 года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев.

В апелляционном порядке приговор обжалован не был.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2021 г. приговор изменен, в том числе из описательно-мотивировочной части приговора исключено указание о признании обстоятельством, отягчающим наказание осужденного по ч.1 ст. 166 УК РФ, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя. Назначенное осужденному

наказание по ч. 1 ст. 166 УК РФ смягчено до 1 года 8 месяцев лишения свободы. Также смягчено наказание, назначенное осужденному на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ, до 1 года 11 месяцев лишения свободы, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 3 месяца.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в кассационном представлении просил отменить кассационное определение в части исключения из описательно-мотивировочной части приговора указания о признании обстоятельством, отягчающим осужденному наказание по ч. 1 ст. 166 УК РФ, совершение им преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, обращая внимание на то, что по смыслу ч. 2 ст. 63 УК РФ при назначении наказания не может учитываться в качестве отягчающего лишь то обстоятельство, которое предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления. При этом указаний о том, что это правило применяется к иным составам, входящим в совокупность преступлений, при назначении наказания, в уголовном законе не содержится.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 10 августа 2021 г. отменила кассационное определение и уголовное дело передала на новое кассационное рассмотрение в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в ином составе суда по следующим основаниям.

Назначая осужденному наказание за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 166 УК РФ, суд первой инстанции признал обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, надлежащим образом мотивировав свои выводы об этом в приговоре.

Суд кассационной инстанции, не соглашаясь в этой части с приговором, сославшись на положения ч. 2 ст. 63 УК РФ, указал, что, поскольку наказание осужденному назначено по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 и ст. 264¹ УК РФ, соответственно, алкогольное опьянение входит в диспозицию ст. 264¹ УК РФ, а потому оно не может повторно учитываться в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания по ч. 1 ст. 166 УК РФ, и на этом основании кассационная инстанция внесла изменения в приговор суда и смягчила назначенное осужденному наказание.

Между тем по смыслу ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, то оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания за данное преступление.

Совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения не является признаком состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ,

поэтому признание его в качестве отягчающего обстоятельства по этому преступлению и одновременное осуждение Я. по ст. 264¹ УК РФ, диспозицией которой предусмотрено нахождение лица в состоянии опьянения, не свидетельствуют о повторном учете такого состояния в качестве отягчающего обстоятельства.

Ошибочное исключение судебной коллегией Четвертого кассационного суда общей юрисдикции из приговора ссылки на указанное выше отягчающее обстоятельство повлекло неправомерное смягчение назначенного осужденному наказания как за данное преступление, так и по совокупности преступлений.

Определение № 18-УДП21-58-К4

52. Если судом изменена категория преступления с тяжкого на преступление средней тяжести, в результате чего совокупность образуют только преступления небольшой или средней тяжести, то окончательное наказание назначается по правилам ч. 2, а не ч. 3 ст. 69 УК РФ, то есть путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний.

По приговору Ноябрьского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 июня 2018 г. К. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ к 1 году исправительных работ с удержанием 10 % заработной платы в доход государства, ч. 1 ст. 231 УК РФ к 400 часам обязательных работ и ч. 2 ст. 228 УК РФ к 3 годам 6 месяцам лишения свободы. На основании ст. 71 и ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначено осужденному 3 года 8 месяцев лишения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 августа 2018 г. приговор изменен: на основании ч. 6 ст. 15 УК РФ изменена категория совершенного К. преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, с тяжкого на преступление средней тяжести.

По постановлению президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 21 ноября 2018 г. приговор и апелляционное определение изменены: наказание по ч. 3 ст. 327 УК РФ смягчено до 11 месяцев исправительных работ с удержанием 10 % заработной платы в доход государства, по ч. 1 ст. 231 УК РФ до 380 часов обязательных работ, по ч. 2 ст. 228 УК РФ до 3 лет 4 месяцев лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание – 3 года 6 месяцев лишения свободы.

Приговор суда постановлен в порядке гл. 40 УПК РФ.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал состоявшиеся судебные решения, считая, что суд апелляционной инстанции, изменив категорию преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, на менее тяжкую, не снизил назначенное ему наказание.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 20 мая 2021 г. изменила приговор в части назначенного К. наказания, указав следующее.

Как видно из приговора, суд назначил осужденному наказание по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 327 и ч. 1 ст. 231 УК РФ, отнесенных законом к категории преступлений небольшой тяжести, и ч. 2 ст. 228 УК РФ, относящейся к тяжким преступлениям, по правилам, предусмотренным ч. 3 ст. 69 УК РФ.

При рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке в отношении К. суд апелляционной инстанции изменил категорию преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, с тяжкого на преступление средней тяжести, оставив назначенное по совокупности преступлений наказание без изменения, а также принцип его назначения, предусмотренный ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Вместе с тем, если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, окончательное наказание назначается по правилам ч. 2, а не ч. 3 ст. 69 УК РФ, то есть путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения наказаний.

Поскольку после внесенных судом апелляционной инстанции изменений два преступления, за совершение которых осужден К., относятся к преступлениям небольшой тяжести, а третье преступление, входящее в совокупность, отнесено судом к категории преступлений средней тяжести, при назначении окончательного наказания по совокупности преступлений суду апелляционной инстанции следовало руководствоваться положениями ч. 2 ст. 69 УК РФ, которые улучшают положение осужденного, так как допускают в том числе принцип поглощения менее строгого наказания более строгим³.

Применение судом апелляционной инстанции ч. 3 ст. 69 УК РФ, предусматривающей возможность окончательного назначения наказаний

³ Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», если лицо осуждается за совершение нескольких преступлений, то решение об изменении категории преступления на менее тяжкую принимается при наличии к тому оснований отдельно по каждому преступлению, после чего суд с учетом измененной категории преступления (преступлений) назначает окончательное наказание на основании чч. 2 или 3 ст. 69 УК РФ.

только путем сложения наказаний, нарушает общие начала назначения наказания.

При рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке президиум суда оставил данные обстоятельства без внимания и указал в резолютивной части постановления также на назначение осужденному наказания по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ, что является существенным нарушением уголовного закона.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, последующие судебные решения и на основании ст. 71 и ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 327, ч. 1 ст. 231, ч. 2 ст. 228 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначила осужденному окончательное наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 5 месяцев.

Определение № 70-УД21-2

Процессуальные вопросы

53. По смыслу ч. 4 ст. 29 УПК РФ при установлении судом апелляционной или кассационной инстанции нарушений закона, допущенных при судебном рассмотрении уголовного дела, он вправе вынести частное определение в адрес председателя нижестоящего суда только в том случае, когда указанные нарушения обусловлены ненадлежащим выполнением председателем своих обязанностей по организации работы суда.

По приговору Прикубанского районного суда г. Краснодара от 13 марта 2019 г. А. осужден по ч. 3 ст. 30, ч.1 ст. 105 УК РФ и ч.1 ст. 166 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 26 ноября 2019 г. указанный приговор изменен в части назначенного А. наказания.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2020 г. приговор и апелляционное определение в отношении А. изменены в части назначения наказания на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ.

Одновременно судебной коллегией по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции вынесено частное определение, в котором обращено внимание председателя Прикубанского районного суда г. Краснодара на нарушения, допущенные при рассмотрении уголовного дела в отношении А.

В кассационной жалобе председатель Прикубанского районного суда г. Краснодара просил об отмене частного определения. Автор жалобы

обращал внимание на то, что в силу действующего законодательства председатель суда не наделен правом влиять на существо принимаемых судьями решений по конкретному делу.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 января 2021 г. отменила частное определение по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих органов и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым.

При этом в частном постановлении или определении, исходя из требований ч. 4 ст. 7 и ч. 4 ст. 29 УПК РФ, должны быть конкретно указаны установленные судом нарушения закона и лица, допустившие эти нарушения, а также приведены доказательства, на которых основаны выводы суда.

Вопреки названным требованиям закона судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, констатировав допущенные при производстве по делу нарушения закона (при рассмотрении замечаний прокурора на протокол судебного заседания и ходатайства прокурора о восстановлении срока на подачу апелляционного представления), фактически явившиеся следствием действий отдельного судьи, а не председателя суда, не указала, какие конкретно нарушения были допущены самим председателем суда при исполнении им служебных обязанностей председателя суда.

Какие-либо данные о том, что им не организуется или не должным образом организуется работа суда и судей, в частном определении не приведены.

Ссылка в частном определении на ч. 3 ст. 35 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (с последующими изменениями и дополнениями) «О судах общей юрисдикции Российской Федерации» об организационных полномочиях председателя суда без приведения конкретных фактов нарушений закона, должностных инструкций и других нормативных правовых актов не является достаточным обоснованием необходимости вынесения частного определения.

54. Оказание адвокатом юридической помощи лицу, чьи интересы противоречат интересам другого лица, которому он также оказывал юридическую помощь по этому делу, является обстоятельством, исключающим участие адвоката в деле в качестве защитника.

Ч. признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств в значительном размере, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных средств платежа (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору (три эпизода), а также в незаконном сбыте наркотических средств в крупном размере, с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных средств платежа (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору (десять эпизодов).

По приговору Асбестовского городского суда Свердловской области от 22 августа 2019 г. (с учетом решений судов апелляционной и кассационной инстанций) Ч. осужден по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ (за совершение трех преступлений), п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (за совершение десяти преступлений).

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного Ч. просил об отмене состоявшихся судебных решений ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Обращал внимание на нарушение права осужденного Ч. на защиту, выразившееся в том, что адвокат Х. на предварительном следствии осуществляла защиту как осужденного Ч., так и свидетеля О., являвшегося подозреваемым, между интересами которых имелись противоречия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 28 июля 2021 г. отменила приговор и все последующие судебные решения, а уголовное дело возвратила прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, препятствующих постановлению приговора, указав следующее.

Как усматривается из материалов дела, в ходе предварительного следствия защиту интересов Ч. осуществляла адвокат Х., действовавшая на основании соглашения, этот же адвокат представляла интересы Ч. в судебном заседании суда первой инстанции.

Вместе с тем в ходе предварительного расследования адвокат Х. осуществляла также защиту О. при допросе его в качестве подозреваемого и при проверке показаний подозреваемого О. на месте.

При этом, как следует из приговора, показания свидетеля О., данные им в ходе предварительного следствия, в том числе при проверке его показаний на месте, приведены в качестве доказательств совершения преступления, в котором признан виновным осужденный Ч. по факту

незаконного сбыта им 4 ноября 2017 г. наркотических средств. То есть свидетель О. выступал на стороне обвинения и фактически изобличал Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

На основании ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ защитник подлежит отводу, если оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им лица. По смыслу закона указанные обстоятельства являются основанием отвода защитника независимо от того, в чем выражалась эта помощь и оказывалась она по тому же или иному делу.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» при наличии любого из обстоятельств, указанных в ст. 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; изобличение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ, подп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При указанных обстоятельствах в силу прямого запрета закона адвокат Х. не могла осуществлять защиту Ч., после того как приняла на себя обязанности по защите О., интересы которых противоречили друг другу.

Между тем данные обстоятельства, свидетельствующие о нарушении права осужденного Ч. на защиту, не были приняты во внимание судами первой, апелляционной и кассационной инстанций.

Изложенные выше нарушения требований закона являются существенными, повлиявшими на исход дела, препятствовали составлению обвинительного заключения на основании доказательств, полученных при участии адвоката Х. в период осуществления ею защиты Ч., а составленное по результатам предварительного следствия, проведенного с указанным нарушением закона, обвинительное заключение препятствовало постановлению приговора.

Определение № 45-УД21-23-К7

55. Суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были

исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

По приговору Уваровского районного суда Тамбовской области от 19 июля 2019 г. Г. осужден по ч. 1 ст. 159¹, ч. 1 ст. 228¹ (за совершение трех преступлений) и ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Тамбовского областного суда от 26 ноября 2019 г. приговор в части осуждения Г. по ч.1 ст. 159¹ УК РФ отменен, уголовное дело в этой части прекращено на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Этот же приговор в отношении Г. изменен: из описательно-мотивировочной части при назначении наказания исключены указания на учет отягчающих обстоятельств и на вид наркотического средства, из резолютивной части исключено указание на назначение наказания с учетом положений п. «в» ч. 1 ст. 71 УК РФ. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде 5 лет 11 месяцев лишения свободы.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2020 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Г. просил отменить обжалуемые судебные решения, поскольку в нарушение требований ст. 240 УПК РФ в судебном заседании не был исследован ряд доказательств.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации определением от 23 июня 2021 г. отменила апелляционное и кассационное определения, а уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 240 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на имеющиеся в уголовном деле доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Между тем, принимая решение о виновности осужденного в совершении инкриминируемых ему преступлений, суд первой инстанции сослался в приговоре на доказательства виновности осужденного, в том

числе на протоколы проверок показаний осужденного на месте с прилагаемыми фототаблицами, на рапорт об обнаружении признаков преступления и другие процессуальные документы.

Вместе с тем, как следует из протокола судебного заседания, указанные доказательства не оглашались судом и, соответственно, не были исследованы.

С учетом указанных выше требований закона суд не вправе ссылаться в подтверждение своих выводов на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы судом и не нашли отражения в протоколе судебного заседания, так как доказательства могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст. 87 и 88 УПК РФ.

При повторном рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд апелляционной инстанции вправе устранить допущенные нарушения закона и дать оценку имеющимся по делу доказательствам.

Определение № 13-УД21-2-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

56. Субъект Российской Федерации вправе устанавливать административную ответственность за нарушение нормативных правовых актов органов местного самоуправления, предусматривающих запрет на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Решением уполномоченного органа местного самоуправления были утверждены Правила благоустройства территории города (далее – Правила благоустройства).

Согласно ч. 1 ст. 23 Правил благоустройства в целях обеспечения сохранности покрытия дорог и тротуаров, искусственных сооружений и других объектов благоустройства города запрещается: размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями (п. 8), размещение транспортных средств на детских и спортивных площадках (п. 9).

Субъектом Российской Федерации принят Закон, которым утвержден Кодекс об административных правонарушениях данного субъекта (далее – Закон).

В соответствии с ч. 1 ст. 2.6 Закона размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках, если данные действия запрещены нормативными

правовыми актами органов местного самоуправления, влечет наложение административного штрафа.

Заявитель обратился в суд с административным иском о признании недействующими ч. 1 ст. 2.6 Закона, а также пп. 8 и 9 ч. 1 ст. 23 Правил благоустройства, ссылаясь на то, что они противоречат нормативным правовым актам, обладающим большей юридической силой.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что оспариваемые акты приняты административными ответчиками в пределах их компетенции, в надлежащей форме, с соблюдением процедуры принятия и правил введения в действие.

Суд также пришел к выводу о том, что диспозиция ч. 1 ст. 2.6 Закона содержит описание конкретных противоправных действий (бездействия), исключающих совпадение признаков объективной стороны предусмотренного ею состава административного правонарушения с составами административных правонарушений, ответственность за совершение которых установлена КоАП РФ; в оспариваемой норме права слова «если данные действия запрещены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления» относятся к гипотезе нормы и ставят возможность привлечения к ответственности в зависимость от наличия на территории конкретного муниципального образования соответствующих запретов, что не противоречит принципу равенства лиц, совершивших административные правонарушения, перед законом, закрепленному в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ.

Кроме того, суд указал, что органы местного самоуправления в правилах благоустройства соответствующих муниципальных образований вправе регулировать вопросы, связанные с установлением запретов на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда в части отказа в удовлетворении заявленных требований об оспаривании ч. 1 ст. 2.6 Закона отменено и принято новое решение о признании данной нормы не действующей с момента вступления решения суда в законную силу.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд, исходил из того, что в оспариваемой норме признаки объективной стороны административного правонарушения четко не сформулированы, отсылка к правовым актам муниципальных образований влечет правовую неопределенность при решении вопроса об отнесении конкретных действий (бездействия) к составу административного правонарушения; данное предписание не отвечает требованиям ясности и недвусмысленности, допускает привлечение к административной

ответственности без указания на конкретные правила органов местного самоуправления. Также судами отмечено противоречие оспариваемой нормы ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ, поскольку на территории одного субъекта Российской Федерации органами местного самоуправления могут быть приняты взаимоисключающие муниципальные правовые акты.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с приведенными выводами судов апелляционной и кассационной инстанций.

Законодательство об административных правонарушениях состоит из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 1.1 КоАП РФ).

К ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления (п. 1 ч. 1 ст. 1.3¹ КоАП РФ).

Следовательно, субъект Российской Федерации вправе установить административную ответственность за нарушение тех правил и норм, которые предусмотрены нормативными правовыми актами этого субъекта Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, путем указания в диспозиции нормы конкретных противоправных действий, исключающих совпадение признаков объективной стороны состава административного правонарушения, установленного законом субъекта Российской Федерации, с признаками объективной стороны состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена КоАП РФ.

Согласно п. 1 ст. 1.1 Закона административная ответственность введена им за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований указанного субъекта Российской Федерации.

Из содержания ст. 2.6 названного закона, включенной в гл. 2, объединяющую административные правонарушения в области благоустройства, усматривается, что она состоит из диспозиции («размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках»), гипотезы («если данные действия запрещены нормативными правовыми актами органов местного самоуправления») и санкции («влечет наложение административного штрафа на граждан в размере пяти тысяч рублей, на

должностных лиц – десяти тысяч рублей, на юридических лиц – десяти тысяч рублей»). Диспозиция оспариваемой нормы носит определенный, конкретный характер, определяет в том числе и объективную сторону правонарушения, выражающегося в конкретном действии – размещении транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, на детских, игровых и спортивных площадках.

Таким образом, ч. 1 ст. 2.6 Закона определяет объективную сторону и объект правонарушения, не содержит неоднозначных формулировок и терминов, свидетельствующих о правовой неопределенности.

Правила благоустройства территории муниципального образования утверждаются представительным органом соответствующего муниципального образования, могут регулировать вопросы содержания территорий общего пользования и порядка пользования такими территориями, организации озеленения территории муниципального образования, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями, размещения и содержания детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок (парковочных мест), малых архитектурных форм (ч. 1, пп. 1, 5 и 7 ч. 2 ст. 45¹ Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»).

Верховный Суд Российской Федерации в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснил, что, если остановка или стоянка транспортного средства была осуществлена на территориях, на которые не распространяется действие раздела 12 Правил дорожного движения Российской Федерации (например, газон, детская площадка, иные объекты благоустройства), такие действия квалификации по ст. 12.19 КоАП РФ (нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств) не подлежат. Административная ответственность за указанные нарушения может быть установлена законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

При таких обстоятельствах с учетом положения п. 1 ч. 1 ст. 1.3¹ КоАП РФ субъект Российской Федерации был вправе установить административную ответственность за нарушение нормативных правовых актов органов местного самоуправления, предусматривающих запрет на размещение транспортных средств на газонах, участках с зелеными насаждениями, а также на детских и спортивных площадках.

Следовательно, муниципальные правовые акты органов местного самоуправления, в которые включены подобные запреты, и ч. 1 ст. 2.6 Закона, содержащая в том числе отсылку к указанным муниципальным актам, не противоречат законодательству, имеющему большую юридическую силу.

С учетом характера допущенного судами апелляционной и кассационной инстанций существенного нарушения норм материального права принятые ими судебные акты подлежат отмене.

Определение № 87-КАД21-1-К2

57. В случае обращения взыскания на страховую пенсию по инвалидности должника, которая является для него единственным источником существования, надлежит учитывать в числе прочего размер этой выплаты с тем, чтобы обеспечить должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для их нормального существования, и реализацию его социально-экономических прав.

Вступившим в законную силу решением суда с Б. и общества с ограниченной ответственностью солидарно взыскана задолженность по договору лизинга, о чем выдан исполнительный лист и вынесено постановление о возбуждении исполнительного производства.

Б. обратился в суд с административным иском к районному отделу судебных приставов, УФССП России по субъекту Российской Федерации о признании незаконными постановлений судебного пристава-исполнителя о ежемесячном удержании суммы долга (задолженности), о взыскании ранее удержанных денежных средств и о компенсации морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены в силе.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Условия и порядок принудительного исполнения судебных актов определены Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон «Об исполнительном производстве»), в ст. 4 которого установлено, что исполнительное производство осуществляется на принципах: законности, своевременности совершения исполнительных действий и применения мер

принудительного исполнения, уважения чести и достоинства гражданина, неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

В соответствии с ч. 3 ст. 68 этого федерального закона мерами принудительного исполнения являются: обращение взыскания на имущество должника (п. 1), обращение взыскания на периодические выплаты, получаемые должником в силу трудовых, гражданско-правовых или социальных правоотношений (п. 2).

Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации») определены меры социальной защиты инвалидов. В их числе – материальное обеспечение инвалидов.

Согласно ст. 27 указанного федерального закона материальное обеспечение инвалидов включает денежные выплаты по различным основаниям (пенсии, пособия, страховые выплаты при страховании риска нарушения здоровья, выплаты в счет возмещения вреда, причиненного здоровью, и другие выплаты), компенсации в случаях, установленных законодательством Российской Федерации.

Среди таких денежных выплат – страховая пенсия по инвалидности, условия, порядок выплаты и назначения которой регламентированы Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон «О страховых пенсиях»), ежемесячная денежная выплата инвалидам, предусмотренная ст. 28¹ Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Право на страховую пенсию по инвалидности имеют граждане из числа застрахованных лиц, признанные инвалидами I, II или III группы (ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Статьей 29 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрена возможность производить удержания из страховой пенсии на основании исполнительных документов (п. 1 ч. 1); при этом удержано может быть не более 50 процентов, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70 процентов страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии) (ч. 3).

В силу ч. 2 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве» удержания производятся до исполнения в полном объеме содержащихся в исполнительном документе требований.

Судами установлено, что Б. является инвалидом II группы по общему заболеванию бессрочно.

На основании ст. 9 Федерального закона «О страховых пенсиях» Б. получает страховую пенсию по инвалидности, а также ежемесячную денежную выплату, предусмотренную чч. 1 и 2 ст. 28¹ Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

Удержания при исполнении исполнительного документа производятся из его страховой пенсии по инвалидности.

Разрешая заявленные требования, суды сделали правильный вывод о возможности производить удержания из страховой пенсии по инвалидности на основании исполнительных документов.

Между тем при рассмотрении данного административного дела судами не было учтено следующее.

По смыслу ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, исполнение судебного решения, в том числе вынесенного в пользу кредитора в случае нарушения должником гражданско-правового обязательства перед ним, следует рассматривать как элемент судебной защиты, что требует от государства в лице законодателя принятия необходимых мер по обеспечению его реализации.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется; избирая в рамках конституционной дискреции тот или иной механизм исполнительного производства, федеральный законодатель во всяком случае должен осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не вправе ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (постановления от 30 июля 2001 г. № 13-П, от 15 января 2002 г. № 1-П, от 14 мая 2003 г. № 8-П и от 14 июля 2005 г. № 8-П).

Вместе с тем, обеспечивая возможность удовлетворения интересов и защиты имущественных прав управомоченного в силу гражданско-правового обязательства лица (кредитора, взыскателя), законодатель должен исходить из направленности политики Российской Федерации как социального государства на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а также из конституционных основ правового статуса личности, в частности требования ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, в данном случае – права лица обязанного (должника), когда в рамках исполнительного производства возникает необходимость обращения взыскания на принадлежащее ему на праве собственности имущество, с тем чтобы не умалялось достоинство личности и не нарушались социально-

экономические права граждан (ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 21 Конституции Российской Федерации; ст. 25 Всеобщей декларации прав человека).

Таким образом, законодательная регламентация обращения взыскания по исполнительным документам должна осуществляться на стабильной правовой основе сбалансированного регулирования прав и законных интересов всех участников исполнительного производства с законодательным установлением пределов возможного взыскания, не затрагивающих основное содержание прав должника и одновременно отвечающих интересам защиты прав кредитора (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 г. № 10-П).

Сама по себе такая возможность согласуется с задачами исполнительного производства, включающими правильное и своевременное исполнение судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, в противном случае ставился бы под сомнение конституционный принцип исполняемости судебного решения о взыскании денежных средств с должников-граждан, которые не имеют иного дохода, кроме пенсии.

Как указывалось выше, при исполнении исполнительного документа (нескольких исполнительных документов) с должника-гражданина может быть удержано не более 50 процентов, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70 процентов страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

Вместе с тем возможна ситуация, при которой пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования. В таком случае необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем не только соблюдения минимальных стандартов правовой защиты, отражающих применение мер исключительно правового принуждения к исполнению должником своих обязательств, но и сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

По смыслу ч. 2 ст. 99 Федерального закона «Об исполнительном производстве» во взаимосвязи с его ст. 4 конкретный размер удержания из заработной платы и иных доходов должника при исполнении исполнительного документа подлежит исчислению с учетом всех обстоятельств данного дела, при неукоснительном соблюдении таких принципов исполнительного производства, как уважение чести и достоинства гражданина и неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи.

Таким образом, при определении размера удержания из пенсии должника-гражданина, являющейся для него единственным источником

существования, надлежит учитывать в числе прочего размер этой пенсии с тем, чтобы обеспечить должнику и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для их нормального существования, и реализацию его социально-экономических прав. При этом необходимо сочетание двух основополагающих положений – конституционного принципа исполняемости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, в частности, с тем чтобы сохранить должнику-гражданину необходимый уровень существования.

Суд первой инстанции, делая вывод о законности постановлений судебного пристава-исполнителя, не устанавливал размер пенсии Б., утверждавшего, что она является для него единственным источником существования, не проверял его доводы о несоответствии дохода размеру прожиточного минимума после произведенных удержаний по исполнительному листу, ограничившись указанием на то, что данное обстоятельство не является исключительным для изменения сроков исполнения исполнительного документа. По мнению суда, отмена постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на пенсию должника приведет к необоснованному ущемлению прав взыскателя на эффективные средства правовой защиты и повлечет затягивание вступивших в законную силу судебных актов о взыскании денежных средств.

Выяснение приведенных обстоятельств имеет существенное значение для правильного разрешения заявленных требований, направлено как на соблюдение минимальных стандартов правовой защиты должника, так и на сохранение для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суды апелляционной и кассационной инстанций указали на то, что удержание из пенсии должника в размере 10 процентов направлено на исполнение требований исполнительного документа, который на протяжении длительного времени оставался неисполненным ввиду отсутствия у должника иного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Такой вывод судебных инстанций не основан на материалах дела, в них не содержится документов об отсутствии имущества у должника Б.

Кроме того, материальное обеспечение тех категорий лиц, которые нуждаются в особой защите в силу возраста или состояния здоровья, гарантировано ст. 87 СК РФ, предписывающей, что трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них.

В ходе рассмотрения дела судами не определялся круг алиментнообязанных лиц.

Вместе с тем в зависимости от наличия или отсутствия у Б. имущественного права на получение такого содержания возможно достоверно установить его имущественное положение.

Однако, если суды при рассмотрении дела не исследуют его фактические обстоятельства по существу, ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, то право на судебную защиту, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, оказывается существенно ущемленным (постановления от 6 июня 1995 г. № 7-П, от 13 июня 1996 г. № 14-П, от 28 октября 1999 г. № 14-П, от 22 ноября 2000 г. № 14-П, от 14 июля 2003 г. № 12-П, от 12 июля 2007 г. № 10-П).

Определение № 53-КАД21-5-К8

58. В случае, когда объект недвижимости по условиям договора купли-продажи был приобретен за счет средств материнского (семейного) капитала, а доли в праве собственности на него установлены соглашением всех участников долевой собственности, такое соглашение не требует нотариального удостоверения, поскольку оно не является сделкой по отчуждению общего имущества, нажитого супругами в период брака.

Решением Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление Росреестра) отказано Т.Ю. в государственной регистрации права в отношении здания и земельного участка, имеющих кадастровые номера и расположенных по определенному адресу. Отказ мотивирован тем, что на государственную регистрацию представлено не удостоверенное нотариально соглашение о разделе нажитого в период брака общего имущества супругов; несоблюдение нотариальной формы сделки является препятствием для государственной регистрации соглашения, как не отвечающего по форме требованиям действующего законодательства.

Заявитель обратился в суд с административным иском о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции административный иск оставлен без удовлетворения. При этом суд исходил из того, что представленным на регистрацию соглашением был разрешен вопрос не только об исполнении обязательств, принятых Т.Ю. при использовании средств материнского (семейного капитала) в связи с покупкой жилого дома, но и вопрос о разделе земельного участка, нажитого Т.Ю. и Т.В. в период брака. Отсутствие при таких обстоятельствах нотариального удостоверения соглашения указывает на несоответствие формы документа, представленного для осуществления

государственной регистрации права, требованиям законодательства Российской Федерации.

Судом апелляционной инстанции указанное решение отменено, по делу принято новое решение, оспариваемый отказ Управления Росреестра признан незаконным с возложением обязанности на регистрирующий орган произвести регистрацию права общей долевой собственности на объекты недвижимости, приобретенные на денежные средства с участием материнского капитала.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции счел изложенные в обжалуемом судебном акте выводы основанными на неверном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорное правоотношение, указав в определении, в частности, на то, что обжалуются действия (бездействие) регистрирующего органа по осуществлению регистрации прав на объекты, приобретенные по договору купли-продажи с участием средств материнского капитала. Такие средства ввиду их специального назначения не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между супругами без учета интересов детей, которые должны признаваться участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала.

Судом кассационной инстанции апелляционное определение отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе. При этом суд кассационной инстанции указал, что судом апелляционной инстанции не учтено, что общая сумма договора купли-продажи сложилась не только из средств материнского капитала: в оплате сделки участвовали также денежные средства, являющиеся общей собственностью супругов Т.; представленное на регистрацию соглашение направлено на возникновение, изменение или прекращение права на общее имущество супругов. Следовательно, в результате соглашения, представленного на регистрацию, была осуществлена сделка по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое имущество, требующая нотариального удостоверения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила кассационное определение суда общей юрисдикции и оставила в силе определение суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Материнский (семейный) капитал – средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ

«О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».

В силу чч. 1 и 4 ст. 10 данного федерального закона на приобретение (строительство) жилого помещения, осуществляемое гражданами посредством совершения любых не противоречащих закону сделок и участия в обязательствах, могут направляться средства (часть средств) материнского (семейного) капитала; лицо, получившее сертификат, его супруг (супруга) обязаны оформить жилое помещение, приобретенное с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, в общую собственность такого лица, его супруга (супруги), детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с определением размера долей по соглашению.

Размер средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направляемых на оплату обязательств по договору купли-продажи жилого помещения, не может превышать цены договора или размера оставшейся неуплаченной суммы по договору (п. 8.1 Правил направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 862, с последующими изменениями).

Таким образом, приобретенные по договору купли-продажи с участием средств материнского капитала объекты недвижимости не могут быть оформлены в общую собственность супругов без учета интересов детей, которые в силу закона признаются участниками долевой собственности на объект недвижимости, приобретенный (построенный, реконструированный) с использованием средств материнского капитала, однако при этом допускается участие в указанных сделках не только средств материнского капитала, но и денежных средств супругов.

Т.Ю. был приобретен по договору купли-продажи земельный участок с расположенным на нем индивидуальным жилым домом, стоимостью 533 026 руб., оплата объектов недвижимости произведена частично за счет собственных средств семьи Т.Ю., окончательный расчет осуществлен за счет средств материнского капитала на основании решения государственного учреждения Управления Пенсионного фонда Российской Федерации и выданного Т.Ю. как покупателю государственного сертификата на материнский (семейный) капитал.

Сделанные в Едином государственном реестре недвижимости записи о регистрации права собственности на указанные земельный участок и жилой дом за Т.Ю. не отменяли обязанности в установленный законом срок оформить в равных долях между всеми членами семьи приобретенное имущество.

Представленное на государственную регистрацию соглашение направлено на оформление равных долей в общем имуществе между всеми

правообладателями приобретенного с участием материнского капитала в соответствии с требованиями Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» по указанной выше сделке объектов недвижимости.

Таким образом, данное соглашение не является сделкой по отчуждению общего имущества, нажитого супругами в период брака, а потому отсутствие нотариального удостоверения соглашения, представленного на государственную регистрацию, не препятствовало его государственной регистрации в соответствии со ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», согласно которой подлежат нотариальному удостоверению сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество.

Определение № 50-КАД21-1-К8

59. При рассмотрении административного дела о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке судам следует устанавливать, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи; является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации.

Обязанность доказывания обстоятельств по такому административному делу лежит на лице, обратившемся в суд с заявлением.

С. по направлению бригады скорой медицинской помощи поступила в психиатрический стационар в недобровольном порядке.

Заключением комиссии врачей-психиатров установлено, что на момент освидетельствования С. страдала тяжелым хроническим психическим расстройством в виде органического шизофреноподобного расстройства смешанного генеза. По результатам обследования у нее выявлены: аффективные нарушения, активные бредовые переживания, агрессивные тенденции, опасность для окружающих, возможность ухудшения состояния при несвоевременном оказании психиатрической помощи, отсутствие критики к своему заболеванию и установок на амбулаторное лечение.

На основании данного заключения заместитель главного врача психиатрического стационара обратился в суд с административным иском о госпитализации С. в недобровольном порядке.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Удовлетворяя заявленные требования, суд пришел к выводу о наличии у С. тяжелого психического заболевания, которое в случае оставления ее без психиатрической помощи (поскольку ее оказание возможно только в стационарных условиях) повлечет причинение существенного вреда ее здоровью.

Определением суда апелляционной инстанции указанное решение было отменено, по делу вынесено новое решение об отказе в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении административного иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования основан исключительно на пояснениях дочери С. – П., с которой она находится в неприязненных отношениях, что не позволяет исключить факт оговора, указал на отсутствие у С. тяжелого психического расстройства, поскольку при рассмотрении апелляционной жалобы она правильно ориентировалась в месте и времени проводимых судебных заседаний, окружающей действительности и собственной личности, излагала свои мысли понятно, затруднений в понимании обращенной к ней речи не испытывала.

Суд кассационной инстанции, отменяя апелляционное определение, счел, что акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования, результаты которого положены судом первой инстанции в основу его выводов, содержит указания на обстоятельства, которые в силу Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании») являются основанием для госпитализации в недобровольном порядке. Данное заключение получило оценку по правилам ст. 84 КАС РФ в решении суда наряду с другими представленными в дело доказательствами.

Суд кассационной инстанции подверг критике показания врача С. – Т., поскольку она не входила в состав комиссии, проводившей освидетельствование пациентки, и не являлась ее лечащим врачом.

При этом, отменяя апелляционное определение, суд кассационной инстанции правильно указал на то, что диагностирование психического расстройства у С. на дату госпитализации в компетенцию суда не входит, поскольку разрешение данного вопроса требует специальных познаний.

Однако вопрос о назначении судебной экспертизы апелляционным судом на обсуждение сторон не ставился и не разрешался.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации ссылался на то, что С. на учете у психиатра не состоит, по поводу психических расстройств к врачам не обращалась. В ходе рассмотрения дела наличие у нее тяжелого психического расстройства административным истцом не доказано. Основания, предусмотренные ст. 29 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», для ее госпитализации в недобровольном порядке отсутствовали.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда кассационной инстанции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Надлежащее состояние психического здоровья человека – одно из необходимых условий функционирования личности в качестве полноценного представителя человеческого общества. Лица, страдающие психическим расстройством, неминуемо оказываются исключенными из системы общественных связей, поскольку не могут надлежащим образом участвовать в социальных отношениях, а потому данная категория лиц нуждается в повышенной правовой и социальной защите.

Согласно ч. 1 и п. 3 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. Медицинское вмешательство без согласия гражданина допускается в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами.

Госпитализация в психиатрическое учреждение в недобровольном порядке – один из видов психиатрической помощи, оказываемой лицам, страдающим психическими расстройствами.

Учитывая принудительный характер этой меры, Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и гл. 30 КАС РФ в целях защиты прав таких лиц от злоупотреблений властью и произвола устанавливают, что ее применение возможно только по указанным медико-социальным показаниям, которые обуславливают необходимость применения такой меры, и при условии обязательного судебного контроля, а также закрепляют права лиц, страдающих

психическими расстройствами, при оказании им психиатрической помощи и корреспондирующие им обязанности психиатрического учреждения.

Статьей 29 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» закреплены основания для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Решение о госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке принимается исключительно судом (ст. 33–35 указанного закона).

По смыслу приведенных правовых норм недобровольная госпитализация гражданина, страдающего психическим расстройством, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможна только по решению суда и в случае, когда указанное расстройство является тяжелым и обусловлено признаками, предусмотренными ст. 29 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Согласно чч. 1 и 2 ст. 278, чч. 1 и 2 ст. 279 КАС РФ при рассмотрении административного дела о госпитализации в недобровольном порядке суду необходимо выяснить, имеется ли у гражданина тяжелое психическое расстройство, влечет ли оно последствия в виде непосредственной опасности для гражданина или для окружающих, беспомощности гражданина и (или) возможности причинения существенного вреда его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если гражданин будет оставлен без психиатрической помощи, является ли лечение гражданина возможным лишь в условиях медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также наличие факта отказа или уклонения гражданина от госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в добровольном порядке.

При этом медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, при обращении в суд обязана доказать наличие обстоятельств, которые являются основанием для принудительной госпитализации лица.

Рассмотрев по существу административное дело, суд принимает решение об удовлетворении административного иска, если установит наличие оснований для госпитализации гражданина в недобровольном порядке. При необоснованности требований суд отказывает в удовлетворении заявленных требований.

Принудительная изоляция от общества лиц, страдающих психическим расстройством, по причине их предполагаемой опасности для себя и (или) окружающих происходит путем фактического удержания в психиатрическом

стационаре и, следовательно, затрагивает такие закрепленные Конституцией Российской Федерации права, как право на свободу передвижения (ст. 27), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22).

Именно в силу этого роль суда в таких случаях не может сводиться лишь к формальному удовлетворению заявления о принудительной госпитализации гражданина: суд обязан удостовериться, что отсутствуют основания сомневаться в достоверности и полноте сведений, при этом такие сведения в соответствии с ч. 2 ст. 84 КАС РФ не могут иметь для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами на основе внутреннего убеждения судьи.

Суд первой инстанции, положив в основу решения объяснения административного истца, акт комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования, показания специалиста психиатрического стационара, оставил при этом без внимания и не проверил доводы С. об отсутствии у нее психического расстройства, а также наличие оснований для госпитализации в недобровольном порядке. Фактов, которые достоверно свидетельствовали бы о невозможности оставления С. вне условий стационара, суд не устанавливал.

Несмотря на отсутствие добровольного согласия на госпитализацию, С. была доставлена бригадой скорой медицинской помощи в психиатрический стационар.

Однако обстоятельства такого доставления, документы, оформленные врачом скорой медицинской помощи при ее госпитализации в медицинскую организацию, судом не исследовались, сотрудники бригады скорой медицинской помощи не допрашивались, особенности поведения С., указывающие на нахождение ее в состоянии, представляющем непосредственную опасность для себя или окружающих, на необходимость ее госпитализации в принудительном порядке, не устанавливались.

Таким образом, удовлетворяя административный иск, суд первой инстанции мер к всестороннему и полному установлению фактических обстоятельств по делу не принял, ограничившись формальным указанием оснований, перечисленных в ст. 29 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в акте комиссионного стационарного психиатрического освидетельствования.

Указанные недостатки не были устранены судами апелляционной и кассационной инстанций.

Определение № 72-КАДПП21-3-К8

60. Если кадастровая стоимость конкретного объекта недвижимости не определена, это не исключает возможности применения для целей налогообложения (по решению налогового органа, а при наличии спора – суда) рыночной стоимости объекта,

определенной согласно требованиям нормативного регулирования оценочной деятельности.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском к П. о взыскании задолженности по налогу на имущество физических лиц за 2015, 2016 годы и пеней, ссылаясь на то, что административный ответчик, являясь собственником недвижимого имущества, своевременно данный налог не уплатил.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено в полном объеме.

Кассационным определением судебной коллегии по административным делам кассационного суда общей юрисдикции названные судебные постановления оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные судебные акты отменила и дело направила на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно ст. 400 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс, НК РФ) налогоплательщиками налога на имущество физических лиц признаются физические лица, обладающие правом собственности на имущество, признаваемое объектом налогообложения в соответствии со ст. 401 Кодекса (жилой дом, жилое помещение (квартира, комната), гараж, машино-место, единый недвижимый комплекс, объект незавершенного строительства, иные здание, строение, сооружение, помещение).

В силу п. 2 ст. 15, абзаца первого п. 1 ст. 399 Кодекса налог на имущество физических лиц относится к местным налогам, устанавливается данным кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, вводится в действие и прекращает действовать в соответствии с Кодексом и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и обязателен к уплате на территориях этих муниципальных образований.

Пунктом 1 ст. 402 Кодекса регламентировано, что налоговая база в отношении объектов налогообложения определяется исходя из их кадастровой стоимости, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 данной статьи.

Указанный порядок определения налоговой базы может быть установлен нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законами городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) после утверждения субъектом Российской Федерации в установленном порядке результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества.

Законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации (за исключением городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) устанавливает в срок до 1 января 2020 г. единую дату начала применения на территории этого субъекта Российской Федерации порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения с учетом положений ст. 5 названного кодекса.

Согласно п. 2 ст. 402 НК РФ налоговая база в отношении объектов налогообложения, за исключением объектов, указанных в п. 3 названной статьи, определяется исходя из их инвентаризационной стоимости в случае, если субъектом Российской Федерации не принято решение, предусмотренное абзацем третьим п. 1 данной статьи.

Так, законом субъекта Российской Федерации установлена единая дата начала применения порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения – 1 января 2017 г.

Как установлено судами, П. в 2015–2016 годах являлся собственником недвижимого имущества.

На указанное имущество налоговым органом был начислен налог, и в адрес П. направлено уведомление об уплате налога на это имущество за 2015 и 2016 годы в соответствующем размере в срок не позднее 1 декабря 2017 г. В связи с неуплатой в установленный срок налога на сумму задолженности начислены пени.

В адрес П. выставлено требование о необходимости уплаты налога на имущество в срок до 17 января 2018 г., которое не было исполнено, в связи с чем налоговый орган обратился в суд.

Суд первой инстанции, установив, что недоимка по налогу на имущество за 2015 и 2016 годы, а также пени, начисленные за неуплату налога в установленный срок, административным ответчиком не уплачены, пришел к выводу, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, об удовлетворении заявленных требований.

При этом суды установили, что для расчета налога применялась инвентаризационная стоимость объектов недвижимости.

Налог был исчислен с применением ставок, установленных на 2015–2016 годы решением органа местного самоуправления.

Расчет налога исходя из суммарной инвентаризационной стоимости объектов налогообложения проверен судом и признан арифметически верным.

В кассационной жалобе П. указывал, что налог на один из объектов недвижимости, исчисленный исходя из его инвентаризационной стоимости, в несколько раз превышает налог, исчисленный исходя из кадастровой стоимости данного объекта; при разрешении спора судами не была учтена

правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 15 февраля 2019 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой» (далее – постановление от 15 февраля 2019 г. № 10-П), согласно которой пп. 1 и 2 ст. 402 НК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключают права налогоплательщика – в тех субъектах Российской Федерации, в которых не утверждены в установленном порядке результаты определения кадастровой стоимости объектов недвижимого имущества и (или) не установлена единая дата начала применения на их территориях порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости, – требовать в индивидуальном порядке (при разрешении налогового спора), в целях исчисления суммы налога на имущество физических лиц использования сведений об определенной в надлежащем порядке кадастровой (рыночной) стоимости этого имущества и соответствующего размера налоговой ставки в том случае, когда сумма налога, исчисленная налоговым органом исходя из инвентаризационной стоимости этого имущества, существенно превышает сумму налога, исчисляемую исходя из его кадастровой стоимости.

В данном постановлении Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что законодатель рассматривает налогообложение с использованием инвентаризационной стоимости как менее обременительное, по общему правилу, для налогоплательщика (п. 4.1). Однако, когда инвентаризационная стоимость конкретного объекта недвижимости такова, что не подтверждается предположение законодателя о ее существенно более низкой стоимости (по сравнению с кадастровой или рыночной стоимостью), а муниципальными образованиями этого субъекта Российской Федерации реализовано право на установление размера налоговых ставок, которые значительно превышают пороговые значения налоговых ставок применительно к кадастровой стоимости объекта недвижимости, – притом что сама дискреция представительных органов муниципальных образований в вопросе определения конкретных размеров налоговых ставок по местным налогам в пределах предусмотренных законодательством о налогах и сборах ограничений не ставится под сомнение, – размер налогового бремени конкретных налогоплательщиков, исчисленный исходя из инвентаризационной стоимости объекта налогообложения, может оказаться существенно, а иногда и многократно, большим, чем исчисленный из кадастровой стоимости этого объекта недвижимости, если бы таковая была установлена и применялась в соответствующем субъекте Российской Федерации (п. 4.2).

Для недопущения существенного (во всяком случае – в два раза и более) различия в размере налога на имущество физических лиц (в отношении одного и того же объекта налогообложения за один и тот же налоговый период) в зависимости от разных показателей налоговой базы (инвентаризационной и кадастровой стоимости), а также соответствующих им размеров налоговых ставок, то есть для недопущения ситуаций, свидетельствующих о несправедливом налогообложении имущества граждан, следует исходить из того, что если применительно к конкретному налогооблагаемому объекту недвижимости уже установлена кадастровая стоимость, хотя она еще официально не используется в субъекте Российской Федерации для целей налогообложения, то в качестве приемлемого правового инструмента может рассматриваться применение такой стоимости (в отсутствие установленных в надлежащем порядке фактов ее недостоверности) с учетом соответствующего размера налоговой ставки.

Если же кадастровая стоимость конкретного объекта недвижимости не определена, то это не исключает применения взамен ее для целей налогообложения (по решению налогового органа, а при наличии спора – суда) рыночной стоимости соответствующего объекта, определенной согласно требованиям нормативного регулирования оценочной деятельности. Отсутствие возможности исходить в указанных случаях из кадастровой (рыночной) стоимости и соответствующих ставок налога на имущество означало бы в нарушение ст. 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. 6 (ч. 2), 7, 19 (ч. 1) и 55 (ч. 3) недопустимое отступление от принципов равенства и справедливости в сфере налогообложения. Поэтому не должны являться препятствием к использованию для целей налогообложения кадастровой или рыночной стоимости объекта недвижимости неудобства, связанные с налоговым администрированием, поскольку цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П, от 17 января 2018 г. № 3-П и др.).

Согласно выписке из Единого государственного реестра недвижимости кадастровая стоимость здания караульного помещения, утвержденная 28 декабря 2012 г. актом от 25 декабря 2012 г. и внесенная в ЕГРН по состоянию на 29 июня 2012 г., равнялась 166 138,88 руб.

Таким образом, инвентаризационная стоимость по состоянию на эти же даты была равна 1 663 897 руб. и 1 972 915 руб. соответственно, что существенно превышало кадастровую стоимость (более чем в 10 раз).

Данное обстоятельство свидетельствует о возложении на П. повышенной налоговой нагрузки, что ставит его в неравное положение с другими налогоплательщиками, уплачивающими налог на имущество, исчисленный из инвентаризационной стоимости, которая меньше или равна

кадастровой стоимости, и, следовательно, свидетельствует о возможности применения к спорным правоотношениям позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 15 февраля 2019 г. № 10-П.

Между тем указанная позиция судами в данном деле не учтена, доводы административного истца о нарушении его прав применением при расчете налоговой базы инвентаризационной стоимости объекта налогообложения, существенно превышающей кадастровую стоимость, подлежащей правовой оценки не получили.

Суды исходили из того, что действующий в рассматриваемый период порядок исчисления налога предусматривал определение налоговой базы исходя из инвентаризационной стоимости объектов налогообложения, а единая дата начала применения на территории субъекта Российской Федерации порядка определения налоговой базы по указанному налогу исходя из кадастровой стоимости установлена региональным законодателем только с 1 января 2017 г.

Суд кассационной инстанции указал, что постановление от 15 февраля 2019 г. № 10-П не может служить основанием для отмены состоявшихся по делу судебных актов, поскольку административный истец не доказал факта нарушения его прав.

Вместе с тем доказывание по административным делам осуществляется на основе принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 КАС РФ), что означает принятие судом мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 63, чч. 8, 12 ст. 226, ч. 1 ст. 306 названного кодекса).

Таким образом, суды, постановив обжалуемые судебные акты в нарушение указанных процессуальных норм без исследования доводов административного истца о существенном превышении инвентаризационной стоимости по отношению к кадастровой стоимости, пришли к необоснованному выводу об удовлетворении заявленных требований в полном объеме.

Определение № 34-КАД21-4-КЗ

61. Несвоевременное получение копии судебного акта, а также состояние здоровья заявителя являются уважительными причинами пропуска срока для обращения в суд, установленного п. 2 ст. 318 КАС РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, удовлетворено заявленное требование

государственного бюджетного учреждения здравоохранения о госпитализации Ш. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке.

Считая принятые по делу судебные акты незаконными, Ш. обратилась с кассационной жалобой и ходатайством о восстановлении срока кассационного обжалования.

Определением кассационного суда общей юрисдикции Ш. отказано в восстановлении срока подачи кассационной жалобы, кассационная жалоба возвращена без рассмотрения по существу.

В кассационной жалобе, поступившей в Верховный Суд Российской Федерации, Ш. просит отменить определение кассационного суда общей юрисдикции, считая его незаконным.

В соответствии с ч. 2 ст. 327¹ КАС РФ кассационные жалоба, представление на определения, которыми не оканчивается производство по административному делу, и вынесенные по результатам их обжалования судебные акты рассматриваются судьей суда кассационной инстанции единолично без проведения судебного заседания.

Рассмотрев кассационную жалобу Ш., судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к выводу о необходимости ее удовлетворения по следующим основаниям.

Судебные акты могут быть обжалованы в суд кассационной инстанции в течение шести месяцев со дня их вступления в законную силу (ч. 2 ст. 318 КАС РФ).

Состоявшиеся по данному административному делу судебные акты вступили в законную силу в день вынесения апелляционного определения – 26 июля 2019 г., следовательно, срок их обжалования в кассационном порядке истек 26 января 2020 г. Кассационная жалоба в кассационный суд общей юрисдикции подана Ш. через суд первой инстанции 21 февраля 2020 г., что подтверждается сформированным официальным сайтом Почты России отчетом об отслеживании почтового отправления. Таким образом, период пропуска срока составил менее месяца.

Одновременно с кассационной жалобой Ш. направлено ходатайство о восстановлении срока кассационного обжалования.

В обоснование просьбы о восстановлении пропущенного процессуального срока Ш. сослалась на невозможность подачи кассационной жалобы в установленный законом срок ввиду плохого самочувствия и несвоевременного получения копии апелляционного определения.

Возвращая без рассмотрения по существу на основании п. 3 ч. 1 ст. 321 КАС РФ жалобу Ш. и отказывая ей в восстановлении срока кассационного обжалования принятых по данному административному делу судебных актов, судья кассационного суда общей юрисдикции исходил из того, что

уважительными причинами пропуска такого срока могут быть признаны обстоятельства, объективно исключаящие возможность своевременного обращения в суд с кассационной жалобой, не зависящие от лица, обращающегося с ходатайством о восстановлении пропущенного процессуального срока, и не признан в качестве таковых приведенные Ш. причины.

Судья Верховного Суда Российской Федерации не согласился с данным определением судьи кассационного суда общей юрисдикции.

Часть 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод.

В развитие конституционной гарантии на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина ч. 1 ст. 4 КАС РФ устанавливает, что каждому заинтересованному лицу гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность.

Правом кассационного обжалования обладают лица, участвующие в деле, и другие лица, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами, в том числе лица, не привлеченные к участию в деле в судах первой и апелляционной инстанций, если судебным актом разрешен вопрос об их правах и обязанностях (ч. 1 ст. 318, п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 318 КАС РФ срок подачи кассационной жалобы, пропущенный по уважительной причине лицом, обратившимся с такой жалобой, по его заявлению может быть восстановлен судом кассационной инстанции при условии, что обстоятельства, послужившие причиной его пропуска, имели место в период не позднее двенадцати месяцев со дня вступления обжалуемого судебного акта в законную силу.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», к указанным выше обстоятельствам, в частности, могут относиться не только обстоятельства, касающиеся личности заявителя, но и другие независимые от него обстоятельства, в силу которых лицо было лишено возможности своевременно обратиться с кассационной жалобой в суд.

Одним из требований к содержанию кассационной жалобы, установленных федеральным законодателем, является необходимость указать, в чем, по мнению лица, подавшего жалобу, состоят основания для отмены или изменения обжалуемых судебных актов (п. 6 ч. 1 ст. 320 КАС РФ).

Следовательно, без копии обжалуемого судебного акта приведенное положение процессуального закона невыполнимо.

В соответствии с ч. 1 ст. 307 КАС РФ суд апелляционной инстанции рассматривает административное дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных данным кодексом.

Копии решения суда вручаются под расписку лицам, участвующим в деле, их представителям или высылаются им не позднее чем через три дня после дня принятия решения суда в окончательной форме, если названным кодексом не предусмотрено иное (ч. 1 ст. 182 КАС РФ).

По смыслу приведенных нормативных положений в целях обеспечения права на обжалование судебных решений принятые по делу судебные акты подлежат направлению лицам, участвующим в деле, так как их отсутствие препятствует своевременной подаче мотивированной жалобы.

Между тем материалы административного дела сведений о направлении в адрес Ш. копии апелляционного определения не содержат.

Приведенные законоположения не были учтены судом кассационной инстанции, как и не было учтено состояние здоровья Ш., что привело к незаконному отказу суда в восстановлении срока кассационного обжалования.

Определение № 5-КАД21-8-К2

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

62. В случае отмены нормативного правового акта, принятого во исполнение ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», при производстве по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 19.29 КоАП РФ, подлежат применению положения ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ, устанавливающие, что закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, должностное лицо И. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, и подвергнута административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, И. просила отменить указанные судебные акты, приводя доводы об их незаконности.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы, судья Верховного Суда Российской Федерации пришел к следующим выводам.

В соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ (все нормы, цитируемые в постановлении, приведены в редакции, действующей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения И. к административной ответственности) привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», влечет наложение административного штрафа.

В силу ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг), указанного в ч. 1 данной статьи, с гражданином, замещавшим должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной или муниципальной службы обязан в десятидневный срок сообщать о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 175 «О Перечне воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие, работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об

имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей» определен перечень соответствующих должностей.

К таким должностям, в числе прочих, относится должность помощника военного комиссара, начальника отдела (отделения) (раздел 3 приложения № 1 к названному выше приказу).

В ходе проведенной проверки установлено, что 7 июня 2019 г. между обществом с ограниченной ответственностью (работодателем) и Ш. (работником) заключен трудовой договор.

Ранее Ш. занимала должность помощника начальника отделения военного комиссариата.

Должностное лицо работодателя И. в нарушение приведенных норм не сообщила представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы Ш. о заключении с ней трудового договора, что послужило основанием для привлечения к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ.

Вместе с тем в соответствии с ч. 2 ст. 1.7 КоАП РФ закон, смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 175, в соответствии с которым должность помощника начальника отделения относилась к должностям, при замещении которых граждане обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, с 5 января 2020 г. утратил силу в связи с изданием приказа Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 685 «Об утверждении Перечня воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей работников в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие и работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей».

При этом в приказ Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 685 ранее занимаемая Ш. должность включена не была.

Таким образом, на момент вынесения мировым судьей постановления о привлечении И. к административной ответственности (9 июня 2020 г.) обязанность сообщить представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы Ш. о заключении с ней трудового договора отсутствовала.

Данному обстоятельству надлежащая правовая оценка не дана, в связи с чем судебные акты, состоявшиеся в отношении И., о привлечении ее к административной ответственности на основании ст. 19.29 КоАП РФ отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено.

Постановление № 57-АД21-4-К1

63. Исполнение обязанности, предусмотренной ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», возложено законом на все организации независимо от их организационно-правовой формы.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, учреждение признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, руководитель учреждения просил об отмене указанных судебных актов.

Отказывая в удовлетворении поданной жалобы, судья Верховного Суда Российской Федерации исходил из следующего.

В соответствии со ст. 19.29 КоАП РФ (все нормы, цитируемые в постановлении, приведены в редакции, действующей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения учреждения к административной ответственности) привлечение работодателем либо заказчиком работ (услуг) к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора государственного или муниципального служащего, замещающего должность, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами, либо бывшего государственного или муниципального служащего, замещавшего такую должность, с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», влечет наложение административного штрафа.

Исходя из взаимосвязанных положений чч. 4 и 5 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ, выражается в неисполнении работодателем при привлечении к трудовой деятельности на условиях трудового договора или гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей гражданина, замещавшего должности государственной (муниципальной) службы, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации (далее – бывший государственный (муниципальный) служащий), обязанности сообщать в десятидневный срок о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной (муниципальной) службы (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. № 46 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

В п. 5 данного постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что ограничения, налагаемые на бывшего государственного (муниципального) служащего, установлены в целях противодействия коррупции при осуществлении данным лицом деятельности или выполнении работ (оказании услуг) в сфере, не связанной с обеспечением исполнения государственных или иных публичных полномочий. В связи с этим обязанность по направлению сообщения о заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового (гражданско-правового) договора представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы данного лица не распространяется на государственные (муниципальные) органы, в том числе в случае, когда бывший государственный (муниципальный) служащий трудоустраивается в данный орган на должность, не относящуюся к должностям государственной (муниципальной) службы, либо заключает с указанным органом гражданско-правовой договор (договоры).

При этом исходя из смысла ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» обязанность, предусмотренную ч. 4 названной статьи, несут организации независимо от их организационно-правовой формы.

Основанием для привлечения учреждения к административной ответственности на основании ст. 19.29 КоАП РФ послужили изложенные в обжалуемых актах выводы о том, что в нарушение положений ч. 4 ст. 12

Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» учреждение в установленный срок не направило в МВД по субъекту Российской Федерации уведомление о заключении трудового договора с З., ранее замещавшим должность оперуполномоченного МВД по субъекту Российской Федерации, включенную в перечень должностей, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Указанные обстоятельства подтверждаются собранными доказательствами, оцененными в совокупности с другими материалами дела об административном правонарушении по правилам ст. 26.11 КоАП РФ.

В связи с изложенным состоявшиеся по делу об административном правонарушении судебные акты оставлены без изменения.

Постановление № 49-АД21-13-К6

64. Наличие существенных нарушений процессуальных требований КоАП РФ, допущенных при рассмотрении дела об административном правонарушении, может повлечь отмену вступившего в законную силу постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении и направление дела на новое рассмотрение в пределах срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановлением судьи городского суда, оставленным без изменения решением судьи областного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 14.1¹ КоАП РФ, в отношении общества прекращено в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В соответствии с ч. 4 ст. 14.1¹ КоАП РФ (нормы, цитируемые в постановлении, приведены в редакции, действующей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного штрафа.

Согласно протоколу об административном правонарушении в ИФНС России поступили материалы, по результатам изучения которых было установлено, что в пункте приема ставок букмекерской конторы допущено грубое нарушение лицензионных требований.

При рассмотрении дела судья городского суда пришел к выводу о том, что в протоколе об административном правонарушении отсутствует описание обстоятельств вмененного обществу правонарушения, имеются противоречия в дате совершения административного правонарушения,

в представленных материалах отсутствует оригинал заключения эксперта, и прекратил производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, должностное лицо, направившее дело на рассмотрение судье, просило отменить судебные акты, вынесенные в отношении общества, считая их незаконными, а дело направить на новое рассмотрение.

Удовлетворяя жалобу, судья Верховного Суда Российской Федерации исходил из следующего.

В силу ст. 24.1 КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях являются, в частности, всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом.

Доказательствами по делу об административном правонарушении в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ являются любые фактические данные, на основании которых устанавливаются наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными названным кодексом, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами.

Согласно ч. 1 ст. 28.2 КоАП РФ о совершении административного правонарушения составляется протокол, за исключением случаев, предусмотренных ст. 28.4, чч. 1, 3 и 4 ст. 28.6 названного кодекса.

В силу ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ в протоколе об административном правонарушении указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья названного кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела.

Судьей Верховного Суда Российской Федерации было установлено,

что в протоколе об административном правонарушении содержатся все сведения, перечисленные в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, в том числе описание события вменяемого административного правонарушения.

В соответствии со ст. 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении в случае необходимости выносятся определения о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

Приходя к выводу о том, что протокол об административном правонарушении содержит неполное описание события административного правонарушения, материалы, приложенные к протоколу, представлены неполно, судье городского суда надлежало вынести определение о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела должностному лицу, которое составило протокол.

Вместе с тем судья городского суда принял материалы к производству, рассмотрел дело по существу с вынесением постановления.

При этом согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» несущественными являются такие недостатки протокола, которые могут быть восполнены при рассмотрении дела по существу.

Таким образом, при рассмотрении дела судья городского суда не был лишен возможности истребовать необходимые материалы, в том числе заключение эксперта, допросить в качестве свидетеля лицо, составившее протокол об административном правонарушении, установить все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, в числе прочего уточнить дату совершения административного правонарушения.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу положений ст. 46, ч. 1 ст. 50, ст. 55 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с положениями ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4 января 1950 г.) произвольное изменение правового режима для лица, в отношении которого вынесено окончательное постановление, невозможно, поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу постановления, как правило, недопустим.

Вместе с тем Конвенция о защите прав человека и основных свобод

устанавливает в п. 2 ст. 4 Протокола № 7 (в редакции Протокола № 11), что право не привлекаться повторно к суду или повторному наказанию не препятствует повторному рассмотрению дела на основании закона соответствующего государства, в том числе если в ходе предыдущего разбирательства было допущено существенное нарушение, повлиявшее на исход дела.

Требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу, в частности, при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному разрешению дела.

При рассмотрении данного дела об административном правонарушении судьей городского суда и вышестоящими судебными инстанциями требования ст. 24.1 и 26.1 КоАП РФ о выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, соблюдены не были.

Допущенное судьей городского суда нарушение требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является существенным и повлияло на разрешение дела.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу акты по делу об административном правонарушении также предусмотрен единственный случай вынесения решения об отмене постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста и о возвращении дела на новое рассмотрение. Таким случаем в силу п. 3 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ является существенное нарушение предусмотренных названным кодексом процессуальных требований, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело.

Поскольку на момент рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации жалобы должностного лица срок давности привлечения общества к административной ответственности, установленный ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ для данной категории дел, не истек, дело было возвращено на новое рассмотрение судьей городского суда.

Постановление № 4-АД21-18-К1

65. При привлечении к административной ответственности по ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ за допуск работника к исполнению им трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда необходимо проверять наличие либо отсутствие предусмотренных законодательством

Российской Федерации оснований для освобождения работодателя от проведения обучения и проверки знаний требований охраны труда его работниками.

Постановлением заместителя начальника отдела Государственной инспекции труда общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа. Решением судьи районного суда, оставленным без изменения решением судьи субъекта Российской Федерации и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, постановление должностного лица изменено в части назначенного наказания, размер наложенного административного штрафа снижен.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, законный представитель и защитник общества просили об отмене постановления должностного лица и судебных решений, вынесенных в отношении общества, приводя доводы об их незаконности.

Судья Верховного Суда Российской Федерации не нашел оснований для удовлетворения поданной жалобы по следующим обстоятельствам.

В соответствии с ч. 3 ст. 5.27¹ КоАП РФ допуск работника к исполнению им трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке обучения и проверки знаний требований охраны труда, а также обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров, обязательных медицинских осмотров в начале рабочего дня (смены), обязательных психиатрических освидетельствований или при наличии медицинских противопоказаний влечет наложение административного штрафа.

Согласно части второй ст. 22 ТК РФ работодатель обязан в числе прочего соблюдать трудовое законодательство и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудовых договоров; обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда.

Частями первой и второй ст. 212 ТК РФ предусмотрено, что обязанности по обеспечению безопасных условий и охраны труда возлагаются на работодателя. Работодатель обязан обеспечить: обучение безопасным методам и приемам выполнения работ и оказанию первой помощи пострадавшим на производстве, проведение инструктажа по охране труда, стажировки на рабочем месте и проверки знания требований охраны труда; недопущение к работе лиц, не прошедших в установленном порядке обучение и инструктаж по охране труда, стажировку и проверку знаний

требований охраны труда.

Постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации, Министерства образования Российской Федерации от 13 января 2003 г. № 1/29 утвержден Порядок обучения по охране труда и проверки знаний требований охраны труда работников организаций (далее – Порядок обучения по охране труда).

В соответствии с п. 2.1.4 Порядка обучения по охране труда первичный инструктаж на рабочем месте проводится до начала самостоятельной работы, в том числе со всеми вновь принятыми в организацию работниками.

По результатам внеплановой документальной проверки, проведенной должностными лицами Государственной инспекции труда, выявлено, что С., принятый на работу в общество в ноябре 2019 года, в нарушение приведенных выше норм допущен к исполнению трудовых обязанностей без прохождения в установленном порядке первичного инструктажа до начала самостоятельной работы.

Данное обстоятельство подтверждено собранными по делу доказательствами: протоколом об административном правонарушении, актом проверки, копией журнала регистрации инструктажа на рабочем месте в обществе, актом расследования несчастного случая со смертельным исходом и иными материалами дела, которые оценены по правилам ст. 26.11 КоАП РФ с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В жалобе законный представитель и защитник общества указывали на необоснованность привлечения общества к административной ответственности за нарушение нормативных требований охраны труда в связи с тем, что, по их мнению, в силу, в частности, п. 1.6 Порядка обучения по охране труда проведение работнику С. первичного инструктажа не требовалось.

Данный довод являлся предметом проверки на предыдущих стадиях производства по делу и не был признан обоснованным по следующим основаниям.

Пунктом 1.6 Порядка обучения по охране труда установлено, что работники, имеющие квалификацию инженера (специалиста) по безопасности технологических процессов и производств или по охране труда, а также работники федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области охраны труда, государственного надзора и контроля, педагогические работники образовательных учреждений, осуществляющие преподавание дисциплины «охрана труда», имеющие непрерывный стаж работы в области охраны труда не менее пяти лет, в течение года после поступления на работу могут не проходить обучение по охране труда и проверку знаний требований охраны труда.

Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 524н утвержден профессиональный стандарт «Специалист в области охраны труда» (действовавший на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, утративший силу с 1 сентября 2021 г. в связи с изданием приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 апреля 2021 г. № 274н).

Согласно требованиям к образованию и обучению, установленным данным профессиональным стандартом, специалист в области охраны труда должен иметь высшее образование по направлению подготовки «Техносферная безопасность» или соответствующим ему направлениям подготовки (специальностям) по обеспечению безопасности производственной деятельности либо высшее образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда либо среднее профессиональное образование и дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка) в области охраны труда.

В обоснование приведенного довода заявителя ссылаются на наличие у С. стажа работы в должности инженера по охране труда в различных организациях (с 2010 года), высшего технического образования и квалификации «Инженер по специальности «Машины и аппараты пищевых производств», а также дополнительного образования по вопросам охраны труда.

Вместе с тем, как отражено в решениях, принятых по результатам разрешения жалоб на постановление должностного лица о назначении административного наказания, перечисленные обстоятельства не дают оснований для отнесения С. к работникам, к которым могут быть применены положения п. 1.6 Порядка обучения по охране труда.

Было установлено, что С. не имеет указанного в профессиональном стандарте высшего образования по направлению подготовки «Техносферная безопасность» или соответствующим ему направлениям подготовки (специальностям) по обеспечению безопасности производственной деятельности.

Исходя из требований профессионального стандарта при наличии у работника непрофильного высшего образования необходимо дополнительное профессиональное образование в области охраны труда.

В 2017 году С. прошел профессиональную переподготовку, и ему выдан диплом о профессиональной переподготовке, предоставляющий право на ведение профессиональной деятельности в сфере «Охрана труда». Однако с момента окончания профессиональной переподготовки до принятия на работу в общество С. не имел требуемого стажа работы в соответствующей области.

В связи с этим судебные инстанции пришли к обоснованному выводу об отсутствии оснований для применения положений п. 1.6 Порядка обучения по охране труда, в том числе при наличии приведенных обстоятельств, касающихся образования С. и периода трудовой деятельности в области охраны труда.

Постановление № 11-АД21-30-К6

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

66. Разрешение вопроса увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию не требует его аттестации и составления на него в этих целях аттестационного листа.

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 2 августа 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Центрального окружного военного суда от 6 ноября 2019 г., удовлетворено административное исковое заявление Ф. в той части, в которой она просила признать незаконными решения (заключения) аттестационной комиссии федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Курганский пограничный институт» Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФГКОУ КПИ ФСБ России)» (далее – Пограничный институт) от 23 апреля и 26 июня 2019 г. о признании неуважительными представленных административным истцом причин для увольнения по собственному желанию.

Кассационным определением Кассационного военного суда от 25 июня 2020 г. судебные акты оставлены без изменения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника Пограничного института, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты в указанной части отменила и приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении требований Ф. по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Пограничного института Ф., проходившая военную службу по контракту, 29 марта 2019 г. обратилась по команде с рапортом об увольнении с военной службы по собственному желанию.

В обоснование рапорта она указала на несовместимость военной службы и научной деятельности, отсутствие перспектив защиты

подготовленной ею диссертации в ведомственных образовательных организациях, невозможность соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы.

Рапорт рассмотрен на заседании аттестационной комиссии Пограничного института 23 апреля 2019 г. с участием Ф.

По результатам рассмотрения рапорта комиссия дала заключение, которым признала неуважительными представленные административным истцом причины для увольнения по собственному желанию, и рекомендовала начальнику Пограничного института отказать административному истцу в досрочном увольнении с военной службы.

30 апреля 2019 г. начальником Пограничного института проведена с Ф. беседа, в ходе которой ей с учетом заключения аттестационной комиссии, признавшей изложенные в рапорте причины неуважительными, были разъяснены основания для отказа в удовлетворении просьбы об увольнении. Результаты беседы и принятое решение об отказе административному истцу в увольнении отражены в справке о беседе.

24 мая 2019 г. Ф. повторно обратилась с рапортом об увольнении по собственному желанию в связи с несовместимостью военной службы с научной деятельностью, невозможностью соблюдения установленных требований к научно-квалификационным работникам без ущерба исполнению обязанностей военной службы, прекращением работы специального диссертационного совета по месту подготовки диссертации и отсутствием заинтересованности других ведомственных образовательных организаций в ее защите.

Заключением комиссии от 26 июня 2019 г. ей вновь было отказано в признании уважительными заявленных ею причин для увольнения с военной службы. В тот же день заключение комиссии и решение начальника Пограничного института доведены до сведения административного истца начальником отдела кадров института.

Перед заседаниями обеих аттестационных комиссий аттестационные листы на Ф. не составлялись, а заключения комиссий начальником Пограничного института не утверждались.

Принимая решение в части удовлетворения административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что проведению аттестации Ф. в нарушение закона не предшествовали составление аттестационных листов (с отзывами) и ознакомление с ними административного истца.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции в определении дополнительно указал, что для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию является обязательным проведение аттестации с целью оценки причин, которые могут служить

основанием для такого увольнения. В соответствии с единым порядком проведения аттестации на аттестуемого военнослужащего составляется аттестационный лист, представляемый на утверждение. Военнослужащий должен быть ознакомлен с содержанием аттестации, о чем расписывается в утвержденном аттестационном листе.

На необходимость, в соответствии с законодательством, оценки в рамках аттестации наличия уважительных причин для увольнения с военной службы по собственному желанию указал и Кассационный военный суд.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Как следует из административного искового заявления, уточнения к нему и объяснений административного истца в судебном заседании, поводом для ее обращения в суд явилось в том числе несогласие с порядком проведения и выводами аттестационной комиссии по результатам рассмотрения рапортов об увольнении с военной службы по собственному желанию.

Согласно п. 6 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин.

Следовательно, рассмотрение вопроса о досрочном увольнении военнослужащего по собственному желанию и об уважительности причин такого увольнения законом отнесено к компетенции аттестационной комиссии, на что обоснованно указано в судебных актах.

Однако, верно установив названное обстоятельство, суды в результате неправильного толкования норм материального права пришли к ошибочному выводу о необходимости рассмотрения этого вопроса исключительно в рамках процедуры аттестации административного истца.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение о порядке прохождения военной службы), аттестационные комиссии создаются в воинских частях как для проведения аттестации, так и для решения иных вопросов прохождения военной службы.

Аттестация в силу п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

Из содержания названной правовой нормы следует, что аттестация военнослужащего проводится в строго определенных случаях и рассмотрение причин, по которым военнослужащий полагает невозможным дальнейшее прохождение военной службы, к этим случаям не отнесено.

При этом в соответствии с п. 3 ст. 27 Положения о порядке прохождения военной службы в компетенцию аттестационной комиссии помимо аттестации военнослужащих отнесены иные вопросы, в частности, вопросы, для решения которых требуются заключения аттестационной комиссии, либо вопросы, связанные с прохождением военнослужащими военной службы, в случаях, предусмотренных федеральными законами, указами Президента РФ, или по решению командира воинской части.

Поскольку в силу закона вопросы увольнения военнослужащего с военной службы по собственному желанию являются прерогативой аттестационной комиссии, их рассмотрение Положением о порядке прохождения военной службы отнесено к иным вопросам, входящим в компетенцию аттестационной комиссии и не требующим для их разрешения аттестации военнослужащего и составления в этих целях аттестационного листа.

Как следует из названных норм права, заседание аттестационной комиссии должно быть организовано и проведено на основе общих принципов правовых процедур, предполагающих обязанность своевременного информирования подавшего рапорт об увольнении военнослужащего о времени и месте проведения заседания и заслушивания его позиции. При этом в рамках названного заседания аттестационной комиссии не производится оценка военнослужащего, а оценивается лишь уважительность причин его увольнения по собственному желанию.

В суде установлено, что Ф. была проинформирована о заседаниях комиссии и ей предоставлена возможность обосновать уважительность причин, по которым она полагала невозможным дальнейшее прохождение военной службы. С заключениями комиссии, носящими рекомендательный характер, административный истец была ознакомлена: 30 апреля 2019 г. непосредственно начальником Пограничного института, а 26 июня 2019 г. начальником отдела кадров института, каждый раз с доведением до сведения Ф. мотивированного решения об отказе в удовлетворении содержащейся в рапортах просьбы об увольнении.

Таким образом, вывод в судебных актах о необходимости проведения аттестации административного истца основан на неправильном истолковании норм материального права.

Из изложенного следует, что заседания аттестационной комиссии по рассмотрению рапортов административного истца об увольнении с военной службы по собственному желанию и доведение до ее сведения результатов аттестационной комиссии проведены с соблюдением установленного

порядка и прав Ф. не нарушают.

Определение № 223-КА21-1-К10

67. Установленные судом по ранее рассмотренному делу обстоятельства, связанные с признанием военнослужащего нуждающимся в жилом помещении, не подлежат оспариванию при рассмотрении административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства.

Решением Нижегородского гарнизонного военного суда от 10 февраля 2020 г. удовлетворено административное исковое заявление П., в котором она просила признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. о снятии ее с учета нуждающихся в жилых помещениях в связи с утратой ею оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма.

Апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 28 мая 2020 г., оставленным без изменения кассационным определением Кассационного военного суда от 8 сентября 2020 г., решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе П. в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что П., общая продолжительность военной службы которой составляет более 10 лет, в связи с предстоящим увольнением в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями обратилась по команде с рапортом о признании ее нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Решением жилищной комиссии воинской части от 22 декабря 2015 г. П. отказано в признании нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма. Основанием к отказу послужило нахождение в собственности ее супруга жилого помещения.

Данное решение П. оспорила в судебном порядке.

Признавая решение жилищного органа незаконным, Нижегородский гарнизонный военный суд установил и в решении от 19 августа 2015 г. указал, что на момент возникновения спорных правоотношений у супруга административного истца находилась в собственности квартира, в которой П., ее двое детей, 2005 и 2011 годов рождения, не проживали. Квартира расположена в населенном пункте, отличном от места военной службы и последующего места жительства административного истца.

После вступления судебного акта в силу решением жилищной комиссии воинской части от 28 апреля 2016 г. П. признана нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, в составе семьи из трех человек (она и двое несовершеннолетних детей).

Однако решением жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. П. снята с жилищного учета в связи с нахождением в собственности ее супруга жилого помещения.

Разрешая требования П. и удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что обстоятельства, связанные с нуждаемостью административного истца в жилом помещении при обеспеченности ее супруга жильем, ранее были установлены вступившим в законную силу решением суда и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого административного дела.

Кроме того, суд указал, что изменений жилищных условий П. и ее детей с момента признания их в апреле 2016 г. нуждающимися в жилом помещении и до момента снятия с жилищного учета не произошло.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции посчитал, что решение гарнизонного военного суда от 19 августа 2015 г. в отсутствие оснований для оставления административного истца на жилищном учете преюдициального значения не имеет, поскольку оно вынесено по другому делу, в котором обжалуемое решение жилищной комиссии воинской части от 15 ноября 2019 г. предметом рассмотрения не являлось.

При этом судом апелляционной инстанции оставлено без внимания, что в указанном решении жилищной комиссии от 15 ноября 2019 г. приведены те же основания, которые были установлены судом первой инстанции при рассмотрении заявления П. об оспаривании решения жилищной комиссии воинской части от 22 декабря 2015 г. и которые явились основанием для удовлетворения ее требований.

Таким образом, вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному административному делу установлены обстоятельства, которые являются предметом доказывания по данному делу.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно ч. 2 ст. 64 КАС РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному им гражданскому или административному делу либо по делу, рассмотренному ранее арбитражным судом, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении судом другого административного дела, в котором участвуют лица, в отношении которых установлены эти обстоятельства, или лица, относящиеся к категории лиц, в отношении которой установлены эти обстоятельства.

При таких данных установленные ранее судом обстоятельства, связанные с признанием П. нуждающейся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, не подлежали установлению при рассмотрении данного административного дела, что не было учтено судом апелляционной инстанции.

Игнорирование жилищной комиссией вступившего в законную силу судебного акта от 19 августа 2015 г., что, по сути, явилось поводом к оспариванию административным истцом решения жилищного органа от 15 ноября 2019 г., не освобождало суд апелляционной инстанции от обязанности применения при рассмотрении данного дела предписаний ст. 64 КАС РФ.

Иная оценка окружным и Кассационным военными судами приведенных выше доказательств не является основанием для неприменения решения Нижегородского гарнизонного военного суда от 19 августа 2015 г., которое вступило в законную силу и не отменено.

Таким образом, данное решение гарнизонного военного суда в силу ст. 84 КАС РФ подлежало оценке наряду с другими доказательствами по делу. Однако судом апелляционной инстанции этого сделано не было.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке апелляционного определения 2-го Западного окружного военного суда от 28 мая 2020 г. и кассационного определения Кассационного военного суда от 8 сентября 2020 г. и направления дела в окружной военный суд на новое рассмотрение в апелляционном порядке.

Определение № 222-КА21-11-К10

По уголовным делам

68. Назначение судом максимального наказания при наличии смягчающих наказание обстоятельств, положительных данных о личности виновного и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств повлекло изменение приговора.

По вступившему в законную силу приговору Приволжского окружного военного суда от 13 июня 2018 г. У. осужден по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ к лишению свободы на срок 5 лет в исправительной колонии строгого режима за приготовление к участию на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное У. наказание до 4 лет 10 месяцев лишения свободы

в исправительной колонии строгого режима, приведя в обоснование следующие доводы.

Как усматривается из материалов дела, в судебном заседании осужденный У. свою вину в совершении инкриминируемого ему деяния признал полностью и дал показания, положенные судом в основу приговора, которые в совокупности с иными доказательствами послужили основанием для вывода о его виновности в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ.

При назначении наказания У. в виде лишения свободы окружной военный суд указал, что учитывает положительные данные, характеризующие его личность, молодой возраст осужденного, влияние назначенного наказания на его исправление и условия жизни семьи.

Также в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ суд признал обстоятельством, смягчающим наказание У., его активное содействие раскрытию и расследованию преступления, в связи с чем пришел к выводу о необходимости применения положений ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Вместе с тем, не найдя оснований для применения к У. положений ч. 6 ст. 15, ст. 64 и 73 УК РФ и не установив отягчающих его наказание обстоятельств, суд назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии строгого режима.

Однако в соответствии с ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств максимальный срок наиболее строгого вида наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, составляет 5 лет лишения свободы.

Следовательно, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, положительных данных о личности У. и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств суд назначил осужденному за совершенное им преступление максимальное наказание.

Данное обстоятельство свидетельствует о фактическом оставлении судом без учета положительных данных о личности У. и занятой им позиции по делу, в связи с чем назначенное ему наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Определение № 223-УД21-6

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС. Может ли отраслевое соглашение, заключенное Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Российский антикризисный союз» и Общероссийским профсоюзом

арбитражных управляющих, быть признано отраслевым соглашением по смыслу ст. 45 Трудового кодекса Российской Федерации, являющимся основанием для повышения арбитражным судом суммы фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего в соответствии со ст. 20^б Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»?

ОТВЕТ. В соответствии со ст. 45 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) соглашение – правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения и устанавливающий общие принципы регулирования связанных с ними экономических отношений, заключаемый между полномочными представителями работников и работодателей на федеральном, межрегиональном, региональном, отраслевом (межотраслевом) и территориальном уровнях социального партнерства в пределах их компетенции. Отраслевое (межотраслевое) соглашение устанавливает общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли (отраслей).

Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую данным законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой.

Вознаграждение в деле о банкротстве выплачивается арбитражному управляющему в соответствии с положениями ст. 20^б Закона о банкротстве за счет средств должника, если иное не предусмотрено данным законом.

Порядок утверждения арбитражного управляющего в деле о банкротстве, установленный ст. 45 Закона о банкротстве, не предусматривает заключение с ним трудового договора.

В силу п. 5 ст. 20^б Закона о банкротстве увеличение фиксированной суммы вознаграждения допускается исключительно в случае, если совокупностью представленных в материалы дела доказательств подтверждается неординарность конкретного дела о банкротстве, предполагающая существенное повышение объема и сложности проводимых арбитражным управляющим в рамках процедуры банкротства мероприятий. Закон о банкротстве не предусматривает такую возможность в случае достижения тех или иных договоренностей между арбитражными управляющими и их саморегулируемыми организациями.

Таким образом, деятельность арбитражных управляющих не регулируется трудовым законодательством. Поэтому положения отраслевого

соглашения, заключенного Общероссийским отраслевым объединением работодателей в области права и саморегулируемых организаций арбитражных управляющих «Российский антикризисный союз» и Общероссийским профсоюзом арбитражных управляющих, в том числе коэффициенты для расчета вознаграждения, сами по себе не могут быть положены в основу увеличения размера фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего, участвующего в деле о банкротстве и, следовательно, не являются основанием для повышения арбитражным судом суммы фиксированного вознаграждения арбитражного управляющего в соответствии со ст. 20^б Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».